

Стрелена строф

ПЯТЬ ПЕРЕВАЛОВ
ДАМБЫ ЖАЛСАРАЕВА

ГЕННАДИЙ БАШКУЕВ

СТРЕМЕНА СТРОФ

ПЯТЬ ПЕРЕВАЛОВ ДАМБЫ ЖАЛСАРАЕВА

ДАМБА ЖАЛСАРАЕВ

Стихи разных лет

Улан-Удэ 2015

УДК 082(82-1)
ББК 80/84.7
Б33 Ж24

Бел иноходца

Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры Республики Бурятия в рамках Государственной программы Республики Бурятия «Культура Бурятии».

Башкуев Г. Т. Стремена строф. Пять перевалов Дамбы Жалсараева.
Жалсараев Д.З. Стихи разных лет.
Иркутск: Изд-во «Время странствий». 2015 – 192 с.: ил.

В первую часть сборника «Стремена строф. Пять перевалов Дамбы Жалсараева» вошла одноименная повесть Геннадия Башкуева, народного писателя Республики Бурятия, лауреата Государственной премии Республики Бурятия, члена Союза писателей Российской Федерации и заслуженного деятеля искусств Республики Бурятия. Повесть рассказывает о жизненном и творческом пути народного поэта Республики Бурятия Дамбы Жалсараева (1925–2002 гг.). Дамба Жалсараев, помимо своей поэтической деятельности, известен и как видный общественный деятель Бурятии, член правительства, курировавший отрасль культуры республики в течение 16 лет.

Во вторую часть сборника вошли стихотворные произведения Дамбы Жалсараева, раскрывающие его любовь к родному краю, природе и людям.

Известные российские поэты Анатолий Найман, Семен Липкин, Олег Дмитриев, Наум Гребнев, Владимир Кудимов и другие очень бережно старались донести до русскоязычных читателей тонкий лиризм его стихов, сочетающийся с жизненной мудростью бурятского народа.

Третья часть сборника – фотографии из семейного архива Дамбы Жалсараева.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

У поэта, в отличие от нас, смертных, иной заточки слух, зрение, осязание... Слитые воедино, они переплавлены в некое шестое чувство – на стыке человеческого и животного начал.

Этот нюх пиита древен, как мир. Он позволяет слышать заповеданное, видеть тайные знаки, поданные свыше и из глубин веков, – даже сквозь грохот железной поступи цивилизации.

Обонять и обнимать.

У каждого свое восприятие родины. Ее запахов и звуков – дымка арга-ла, криков «ир, ир, ир!» в тумане, материнских подмышек, спиртово-винного аромата степного разнотравья, огуречной свежести байкальской волны, завораживающего бормотанья лам, скрипа трамвая на Удинском мосту, тревожного всхрапывания коней в сумерках, посвиста ветра в «тооно» и в трубе старой избы...

«То, что мы называем реальностью, – это некая связь между ощущениями и воспоминаниями, которые в одно и то же время окружают нас, единственная связь, которую должен отыскать писатель, чтобы навсегда соединить два различных понятия» (М. Пруст).

Два понятия – Природы и Разума, прошлого и настоящего – «два верных крыла с двух сторон от седла» – соединил в своем предназначении поэт.

Настоящее прошлое.

Я думаю, Жалсараев всю жизнь слышал звон стремян – этот нежный звук он осязал, одолевая кручи, он мог выловить его и в болотной тине повседневности. Этот легкий перезвон не могли заглушить медные трубы славы.

Принято считать Жалсараева избранником судьбы, ее фаворитом, который всегда побеждал на коротких и длинных дистанциях. Лауреат, орденосец, поэт, министр... Автор гимна Бурятии. Одинаково вхожий в высокие кабинеты и в кухни многочисленных друзей и почитателей. Шедший по жизни, раздавая автографы, – с улыбкой.

Это не совсем так. Лишь близкие знали, чего стоила та улыбка. Да и творить ему пришлось в непростое время.

Но есть / Незаживающая рана, / Которая всегда кровоточит. / Она болит и ноет постоянно. /

И постоянно о себе кричит /– Не залечить!

ISBN 978–5–9907093–2–4

Не случайно, посреди потока жизнеутверждающих, солнечных строф крутым порогом уперлась пятерка стихотворений, включенная Д.З. Жалсараевым в последнее прижизненное издание, которые нельзя обогнуть – их можно озаглавить «Моим врагам».

«*Лежит подспудно выросшее зло...*», «*Боль от них навсегда душу пронзила и тело*», «*Ну, а злобою... ты себя отравляешь – и только!*», – напрямую обращался он к своим недругам, используя единственно доступное поэту оружие – Слово. Дело в том, что враги у него были больше тайные. С явными он привык одним взмахом расправляться на войне, а тут...

«*За то, что ты / Всю жизнь меня / Пытался сбить с коня, / Чистосердечно говорю: / – Тебя благодарю!*» – обезоруживал злопыхателей бывший кавалерист сабельным ударом стиха.

Даже в невеселые дни поэт ощущал под собой твердь и опору стремян. Они не давали впасть в грех уныния, заставляли аргамака Пегасом взмывать над суетой, лететь наперегонки со стремниной строф.

Стремена стремнины строф.

«Звонят стремяна» – имя книги, вышедшей в расцвете сил, на пороге сорокалетия. Спустя десятилетие поэт подтверждает свое кредо – «Стремя в стремя» – так, не боясь повтора, озаглавив этапный сборник стихов. Его «Песнь стремян», звенящая бравадой молодости, перекликается (стрема в стремя!) со «Стихами, сочиненными после того, как автор увидел коня в кузове грузовика» – старого, беспомощного. Это двойственное мироощущение не покидало поэта с детства, с первых стихов и до последних дней.

Нет, не зря рифмуются «стрема» и «время». Крылатый перезвон – «единственная связь между ощущениями и воспоминаниями», – искомая связь времен.

Нет, не зря национальный инструмент степняков – морин-хур – украшен главой коня. Цельность и стремительность, сжатость жалсараевского стиха-песни – в его слитности с верным спутником. Пожалуй, ни один стихотворный цикл Дамбы Жалсараева не обходится без упоминания о четвероногом товарище, ибо «добрый конь в дороге познается». На коня Дамба сел, едва научившись ходить.

Особое отношение поэта-всадника к иноходцу:

«*Где бы ты ни был на свете, иноходца держи...*», «*Пускаясь в путь, беря с собою кладь, ты выбери из лучших иноходца...*», «*Дороги нет – доверься иноходцу...*»

Да, зачастую гладкой дороги в те времена – постсталинские, так называемые застойные, пореформенные, – в которые жил и творил поэт, не было. Был иной ход. Ход, берущий начало в прошлом народа, в его моральных устоях и нравственных табу.

Бег иноходца.

Однажды Жалсараев, будучи министром, встретил близ пивнушки безработного собрата. Нет, он не дал ему под пиво «рыбу», он вручил удочку. Министр привел нищего поэта в кабинет и велел зачислить в штат.

Проработал тот недолго, но шаг иноходца позволил ему одолеть трудный отрезок пути. Имя поэта впоследствии стало греметь не меньше, чем имя благодетеля.

И Жалсараев был тому рад. В нем не было зависти – того, чем неизлечимо были больны его враги. Счастливцев, он мог радоваться, как ребенок, чужому успеху.

Убежден, источник его творческих и житейских свершений – доброта. И мудрость арата.

Избирательность изобразительных средств, когда каждая рифма – мысль, вровень с обдуманностями и скупыми движениями кочевника. Недаром стихи Жалсараева за их афористичность и меткость принимали за народные.

Он заставил работать природную доброту и крестьянскую смекалку, встроенные в интерьер власти, на общее благо. Деятельность его на посту министра культуры республики – отдельная яркая глава в поэме жизни. Им были заложены основные направления культурной политики за Байкалом, действующие и в XXI веке.

Поэт и власть. Полярность этих понятий была стерта копытами иноходца. Он прошел по краю горной тропы, не сорвался в трясину лести, не вознесся на зияющую высоту чиновничьего бездушия. Но и в пропасть опалы не рухнул. Многие, в их числе «народные и заслуженные», выражаются более категорично: ни до, ни после Дамбы Зодбича республике не везло на руководителей «непроизводственной» сферы, по сию пору финансируемой по остаточному принципу. Ведь в «сухом остатке» Жалсараева: стены храмов культуры и то, что нельзя пощупать – доброе слово.

Он встал на защиту человека, впавшего в немилость властей и «света» по грозной тогда «аморальной» статье. Если б Жалсараев был «просто» министром, он бы издал приказ. Но министр был поэтом. Интуитивно, обнаженной кожей творца и шестым чувством иноходца, он понял, что речь идет о серьезном чувстве. О любви. Он вдруг – в душном правительственном кабинете – услышал тихий перезвон стремян.

Жизнь подтвердила его догадку и правоту.

...Спросонок маленький Дамба слышал этот звук, когда отец брал седло, выходил из дома и шел к лошади. Позднее он сам двинулся по стопам родителя под извечный аккомпанемент кочевья. Но высокий тембр степной музыки Дамба узнал позднее. Если в мареве степи дрожит этот звук, то «бегущее замерло время... сердце к сердцу и к стремени стремя». И перезвон стремян вот-вот сольется со звуком поцелуя... Как на картине Сампилова «Любовь в степи», в которую он вглядывался часами и которой посвятил строки.

Звук этот полифоничен, что разнотравье степи. Он неразрывен с другим центровым звукообразом поэта – пути-дороги. Скорее тропы-проселка, нежели большака.

«*Чем дальше едешь, тем друзья дороже. И тягостней минуты не найти, когда коснуться стремянем не сможешь ты стремени товарища в пути*».

Чем дальше уходил он вдаль и ввысь, за туманы-дабаны, тем явственней слышал он этот камертон нравственности и любви.

«Дабаанай саана дабаан» – есть у поэта красноречивый стих:

*Не гладкая дорога
Легла мне от порога.
А ход иной –
За перевалом перевал –
Гранитом строки подковал!*

Давно замётано: только большим поэтам открывается этот дар – дар провидения. Шестым чувством угадывают они размер стиха по имени Жизнь. Точно указали дату своего ухода Маяковский, Есенин, Рубцов...

«Семьдесят семь злобных недругов пусть пересекают мой путь», – провидчески написал Дамба Жалсараев в стихотворении «Моя звезда».

Жалсараев прожил 77 земных лет.

Но его звезда горит... Ибо, разъятая добротой, цифра эта – счастливая по любым поверьям.

Его поэтическая лира полнозвучна пятью струнами, пятью чувствами-нервами, натянутыми на пятизвучный мелос Степи – ее пентатонику.

Кентавром, ведомым шестым чувством и звездой родного кочевья, проскакал он по Пяти Перевалам XX века, копытами иноходца высекая из горной тропы гранитные гранки строф.

П Е Р Е В А Л П Е Р В Ы Й

Селиена строф

ДЕТСТВО, ЮНОСТЬ (20–30-е годы)

Помню в детстве: кукушка кукует.
А уже все ребята ликует.

Нам казалось, что это листочки
Начинают проклеивать почки.

Что деревья от пенья кукушки
Скоро вскинут зеленые ушки,
Ветки соком наполнятся бурым,
И начнем вырезать мы жэмбуры.

Чуть не целые дни и недели
Мы тогда на жэмбурах дудели,
И земля, слыша пение это,
Набиралась зеленого цвета.

И сейчас, как кукушка кукует,
Сердце снова, как в детстве, ликует.
Словно стало крылатым, как сокол,
И весенним наполнилось соком.

И опять я не взрослый, не хмурый,
И готов вырезать я жэмбуры.
Но себя удержав от порыва,
Авторучку беру торопливо.

И текут из-под ручки не строки,
А хмельные весенние соки...

ПЕСНЬ О ВЕРБЛЮЖОНКЕ

Старики говорят, в степи следа нет. Даже копыто аргмака не в силах пробить твердь земли, скованной жесткой короткой травой, корни кото-

рой уходят в глубинные пласты тысячелетней Степи. Лишь после июльского ливня земля, задоленная Небом, отступает. И следы глубже там, где конь резко меняет направление...

Но лунки от копыт быстро зарастают. А если повезет, в эту, взрытую копытом, влажную почву попадет семя. И вырастет дерево, из ветви коего мальчик вырежет дудочку-жэмбур, воспевая величие Степи...

Так рождается поэт.

Остается от каждого шага
След, обведенный черной чертой,
Так в станке типографском бумага
Проминается буквой литой.
За тобою неслышно, как тени,
Осторожно ступают следы.
Их зигзаги, круги и сплетенья –
Как неровные строки судьбы.

Пара стремня что два крыла, несущие творчество любого поэта, – детство и любовь к женщине.

Но прежде звучит мелодия детства.

В библиографических указателях часто называют местом рождения Дамбы Зодбича Жалсараева село Додогол Хоринского аймака Бурятии. На самом деле он родился в селе Тэгда того же района в год Быка в 1925 году в месяц «ууса» – в дни, когда буряты забивают скот, где-то в начале зимы. Грамотеев в деревнях не хватало, записей новорожденных не вели, и, бывало, появление на свет оформляли задним числом, поверив на слово. Так Дамба, пойдя в школу, датой рождения выбрал 5 декабря. В тот день в стенной школьной газете, посвященной Дню Конституции, появилось его стихотворение.

«В годовалом возрасте я был почетно перевезен в соседнюю долину на берега Уды в улус Додогол, – писал Дамба Зодбич. – Дело в том, что меня усыновили Пунсок Аюшеева, старшая сестра моего отца, и ее муж Жалсарай Зодбоев. У них не было детей. Вернее, дети у них рождались, но все умирали. В старой Бурятии слишком много болезней подстерегало маленькие жизни, да и не только маленькие. Тяжелая судьба научила бурят дружной жизни, взаимовыручке во всем. Счастливы, имеющие своих детей, одного отдавали бездетной родне или хорошим соседям по их просьбе. Усыновленные или удочеренные дети и к тем и другим родителям относились одинаково с уважением и любовью».

Приданое мальчика – корову – привязали к телеге, и Дамба отправился в Додогол.

Если кто бывал в Додоголе, не мог не поразиться спокойной красоте этих мест. Спокойствие и тепло окружали маленького родственника в новой семье. Впрочем, Дамба никогда не считал приемных родителей таковы-

ми. И вообще избегал уточнений на эту тему. Тому подтверждение – имя приемного отца стало фамильным для Дамбы, а фамилия – отчеством. А родная тетя была для него матерью и бурятской Ариной Родионовной в одном лице. Мастерница на все руки, мама Пунсок знала много песен, сказок, поговорок, хорошо пела. От нее передалась мальчику музыкальность фразы, характерная для устного народного творчества бурят-монголов. Отец считался лучшим табунщиком в колхозе, который зарождался в долине Додогола в начале тридцатых. Лет в пять Дамба сел на коня – точнее, его привязали к седлу. «Привязали» на всю жизнь.

«Самые сильные, яркие воспоминания – тут, – говорил о Додоголе поэт. – Может быть, потому и сельская тема стала основной в моем творчестве...»

Долина Уды, долина Курбы –
Начало моих дорог и судьбы.
И где бы я ни был, это начало
В душе моей гордо звучало.

Когда Дамбе исполнилось восемь лет, отец умер. Чувство потерянности той поры уже в зрелом возрасте переплавилось в «Песнь о верблюжонке», сироте, бредущем по пустынной степи. Однако в жалсараевском переложении этот народный плач лишен в финале безысходности, свойственной каноническому тексту, ибо «поет несчастный белый верблюжонок о великом счастье, о грядущем чуде».

Мать после смерти мужа стала часто болеть, и Дамба пошел работать в колхоз. На первых порах, оседлав коня, возил копны сена. В тринадцать лет его поставили на конные грабли, в пятнадцать – на конную сенокосилку. Дамба Зодбич вспоминал, что оглобли сам поднимать не мог – помогали взрослые. На многих колхозных работах довелось побывать мальчишке – даже учетчиком. Заработанные трудовни шли в семейную копилку. Дамба ощущал себя мужчиной в доме. Он колол дрова, носил воду, убирал скотный двор. Любая работа нравилась и спорилась. Особенно – пастьба табунов. Еще и потому, что ночевали в степи, у костра...

Мальчишки гнали лошадей...
Как на плоты, на черные их спины
Взбирались – или это все во сне? –
И покрывало ржанье рев стремнины.

Отсюда, из этой стремнины, истоки фамильного жалсараевского трудолюбия (без него талант мертв). Среди многих сборников стихи для детей были особо дороги поэту. Образы далекого и близкого отрочества позволяли ему вести на равных «Разговор с юными друзьями» (сборник 1954 года).

Хотя сельские работы отнимали много времени, учился Дамба хорошо.

Грамоту он освоил еще до школы. В начале тридцатых в бурятских улусах началась кампания по ликвидации безграмотности. «Ликбезом это называлось, – вспоминал Дамба Зодбич. – К моей матери приходили молодые активисты, чтобы обучить ее азам грамоты. Я еще в школу не ходил, но, находясь рядом с мамой, гораздо быстрее ее научился читать. И вот тогда передо мной открылась изумительная картина жизни, созданная литературой. Я прочитывал все, что попадалось тогда в мои руки, разумеется, на бурятском языке. Читал и перечитывал. Читал не только сам, но и другим, взрослым, которые сами не могли еще так ходко читать, как я. Как-то незаметно моя «слава» чтеца вышла за пределы семьи, к нам стали приходиться соседи, а потом и те, кто жил подальше, с просьбой читать «все, что интересно». Никогда не забуду, как долгими зимними вечерами читал своим одноулусникам такие книги, как «Үбгэн Жэбжээнэй Мэргэн», «Харалтур хан», «Сэрэмпэл» Хоца Намсараева, «Брынзын санха» Ц. Дона и многое другое, что издавалось в те годы. Чтения эти длились зачастую допоздна – улусники, замороженные судьбой героев книги, не хотели расходиться. Об этом я всегда вспоминаю с теплотой».

В первый класс Дамба пошел в Барун-Хасуртайскую школу. Пошел в срок – в семь лет, редкость для крестьянских детей. Это была радость и печаль одновременно. Школа находилась в 30 километрах от Додогола. Надо было жить на постое у чужих людей. Но, видя тягу сына к учебе, простая мудрая женщина Пунсок Аюшеева не стала отговаривать сына. Постояльцем Дамба побыл не один год. Окончив три класса Барун-Хасуртайской школы, перешел в Харашибирскую Заиграевского района. Многие из одноклассников не выдерживали учебу вдали от родного улуса. Не все пошли учиться дальше – в среднюю школу, в 18 километрах, где учеба велась на русском языке. Семейское село Унэгэтэй казалось чужим, русский язык непонятным, а местные ребята – обидчиками. Мама Пунсок не настаивала...

И мальчик принял мужское решение. Зажав под мышкой туесок с «сухим пайком», Дамба тронулся в долгий поход за знаниями.

УРОКИ РУССКОГО

У Валентина Распутина есть пронзительный рассказ «Уроки французского», который по художественному весу, по моему мнению, «тяжелее» его повестей. Речь в нем, как помнит читатель, идет о горькой полуголодной доле школяра, вынужденного жить «на постое», и о той роли, которую сыграла в ней учительница французского языка. Построенный на личных воспоминаниях писателя, рассказ во многом перекликается с судьбой бурятского мальчика.

Так же, как герой рассказа, Дамба поначалу питался отдельно от хозяев – дичился, норовил пристроиться со своим туеском подальше от общего стола. Но быстро освоился, через месяц бегло говорил по-русски. Стал своим в дружной молодой семье Шурыгиных. И вот уже он нянчится с их младшим

ребенком, чистит стайки. Хозяева называли его Колей. Приклеилось это имя, что смола – так стали звать его и одноклассники, и учителя.

Так же, как автор рассказа «Уроки французского», писатель Жалсараев на всю жизнь запомнил высокие уроки нравственности, преподанные сельским учителем. В Барун-Хасуртайской школе это был Архип Ильич Скольжиков, который в знак своего расположения давал Дамбе книжки на дом. В Харашибирской школе учитель литературы Батор Прокопьевич Махатов учил ребят размышлять о читаном. «В Харашибири я написал первое свое в жизни стихотворение, если его можно так назвать, – вспоминал Дамба Зодбич. – Не стихотворение, конечно, так, детские строчки. Но эти строчки дороги мне – как бы то ни было, это первые мои шажки по литературному пути. Первым моим читателем и критиком был Батор Прокопьевич».

Так что в Унэгэтэй мальчик прибыл подготовленным учеником. И все-таки русская школа предъявила более высокие требования. Главным препятствием был «великий и могучий». И здесь (простите за невольный каламбур) хорошую школу в его освоении сыграла семья – русская семья Шурыгиных. Тепло второго дома, «тотальное», как бы сейчас выразились лингвисты, погружение в его языковую среду позволили бурятскому мальчику легко улавливать нюансы этого «средства межнационального общения».

Доброта бедных людей куда слаще, чем подачка, пускай жирная, богатеев.

Эту истину будущий поэт познавал попутно с освоением русского языка. И вот уже мать Пунсок Аюшеева, наезжая в Унэгэтэй проведать сына, и в шутку, и всерьез звала Акулину Шурыгину – молодухой, а мужа ее Василия – зятем. Когда через несколько лет началась война и Василий ушел на фронт, Дамба, будучи юношей, перевез русскую женщину Акулину Филипповну с детьми в Додогол, к матери, – вместе легче было переносить нужду военного лихолетья. Это была единая семья, ждавшая вестей с фронта.

Но ведь добрые люди
Лишь с добрыми дружат:
Был и есть самым добрым ты,
Русский народ!

Тема интернационализма в творчестве Дамбы Жалсараева была логичной, естественной, неконъюнктурной. Как когда-то «братьями» окликал он детей Шурыгиных, «братом» называл он позднее в своих стихах представителя иной нации – русского, эстонца, киргиза...

Знаменитая «Таежная, озерная, степная...», прежде, чем была утверждена гимном Бурятии, стала застольной (в лучшем значении слова) на русском языке. По сути, народной. По свидетельству писателя Сергея Цырендоржиева, в таком качестве она и задумывалась: Дамба Зодбич хотел, чтобы за столом русский и бурят пели одну песню, сидели рядом, делили один кусок хлеба, как когда-то за столом Шурыгиных.

И первые свои рифмованные строки Жалсараев сотворил в двенадцать лет – на русском языке. Накануне Дня Конституции его стихи поместили в стенной газете. «Такой радости, такого счастья, – говорил Дамба Зодбич. – я потом никогда не испытывал при выходе книг. Стенгазета моего класса заняла первое место на школьном конкурсе...»

И день своего рождения 5 декабря поэт выбрал не столько в память о Советской Конституции, сколько – о стихах, не написанных-прочитанных, а напечатанных в газете, пусть стенной.

Русский язык и литературу в Унэгэтейской средней школе преподавала Анна Елисеевна Каландаришвили, внучка легендарного в Сибири красного партизана. В том, что ученик-бурят запоем читал русскую классику, ее прямая заслуга.

«Почти вся школьная библиотека была прочитана им, – вспоминает бывший ученик Унэгэтейской школы Иннокентий Филаретович Воробьев, кандидат сельскохозяйственных наук. – На уроках литературы он всегда знал немного больше, чем требовалось по программе. Наизусть помнил Блока, Есенина, Маяковского. Учительница постоянно ставила нам в пример Колю-Дамбу».

Именно Анне Елисеевне Каландаришвили бурятский подросток отважился показать заветную тетрадь со стихами, в школьном саду после уроков подкараулив учительницу. Она хотела взять тетрадь домой – не дал, срывающимся голосом попросил почитать на месте.

«Она осталась в моей памяти, как человек, отлично знающий литературу, – писал, вспоминая учительницу русского языка, Дамба Жалсараев, – бесконечно в нее влюбленный, как человек светлой души, под стать лучшим героям русской литературы».

«В мае 1975 года Анне Елисеевне, заслуженному учителю Российской Федерации, исполнилось 75 лет, – продолжает И.Ф. Воробьев. – Она в то время жила в Улан-Удэ. Мы, бывшие ученики, Миша Карбаинов, кандидат наук и доцент, Прасковья Карбаинова, директор городской ветеринарной клиники, и я, быстро перезвонились. Первым откликнулся Дамба вместе с женой Валентиной. В министерском кабинете Жалсараева мы обговорили программу чествования, подарок и вместе пошли на квартиру нашей учительницы по улице Гагарина. Анна Елисеевна сначала никого не узнала – столько лет прошло! – но когда мы назвали имя Коли-Дамбы, вспомнила всех и даже назвала годы нашей учебы...»

И еще один педагог оставил добрую метку в душе поэта. Завуч Унэгэтейской школы Леонид Александрович Молоков словом и делом помогал пылливому бурятскому пареньку, который каждую неделю совершал многокилометровые пешие походы в Додогол за продуктами. Бывая позднее в Унэгэтэе, Дамба Зодбич приходил в школьный парк, где росли высоченные деревья, посаженные когда-то Молоковым вместе с учениками.

Никогда не забывал поэт русских «родичей». Будучи министром и общественным деятелем, Дамба Зодбич часто привозил столичных и иных гостей к Шурыгиным, которые жили в селе Новая Курба. И как же радовались они приезду своего Кольки!

Чем в гору дальний путь наш непреложней,
Чем выше мы, чем ближе к Богу,
Тем чаще устремляем взгляд к подножью,
Откуда вышли в путь-дорогу.

У истинного писателя, говоря словами поэта, детство всегда пристегнуто к луке его седла. Оно дает пишущему необходимую многослойность сознания. И пусть школярство было солоновато-горьким, как у Распутина, или солоновато-сладким, как у Жалсараева, детские годы – неиссякаемый источник вдохновения, «когда из-под авторучки текут не строки, а весенние соки».

Детство – фокус самопознания, когда в степном мареве вдруг проясняются вечные истины добра. Наличие доброты, которое в детстве подразумевается само собой разумеющимся, с возрастом, при подъеме на очередной Перевал, иссякает. И тогда, в разреженном воздухе взрослого мира, не поворачивая голову коня, надо срочно сделать глоток. Для этого достаточно вспомнить, на первый взгляд, любую мелочь, например, незатейливую мелодию дудочки...

Это пентатонический лад, на который настраивается лира будущего поэта, пять составляющих божественного промысла: тепло семейного очага, прикосновение к богатству устного творчества в лице матери – бурятской Арины Родионовны, чувство слитности с природой, привитое трудолюбие, и, наконец, «уроки русского» – необходимые начатки европейского образования в синтезе с традиционной культурой номадов.

«Поэт сам создает свою жизнь – и притом такую, какой до него не было... ощущением себя в пространстве мира». (Ф. Достоевский).

Так, к сороковым годам прошлого века формирование Жалсараева-поэта в общих чертах завершилось. Оставался последний мазок в портрете. Главный перевал на пути к вершинам творчества – любовь, которую не могла отменить война.

ПЕРЕВАЛ ВТОРОЙ

Сороковые роковые

*Дорога всяких всадников встречала:
Тех, кто свернул, хоть хорошио скакал,
И тех, кто не дошел до перевала,
И тех, кто пулей мчался, да упал,
И тех, кто, зорко оглядывая кругом,
Неспешной рысью или же шажком
Нелегкий путь одолевал, бывало.*

«ЗА СПИНОЙ – ТВОЯ СТРАНА»

Этот зоркий взгляд, неспешная рысь и шажок понадобились нашему герою как ответ «поспешному шагу врага». «На границе» – так называлось первое опубликованное стихотворение Д. Жалсараева в газете «Пограничник Забайкалья», в котором он выразил свое главное ощущение: «За спиной – твоя страна». Здесь-то, на границе, ему пригодились навыки обращения с лошастью.

С началом Великой Отечественной войны Дамба Жалсараев вынужден был оставить учебу, закончив только семь классов. Пошел работать в родной колхоз «Оборона СССР», вместе со сверстниками встав на место ушедших на фронт мужчин-додогольцев: пахал, сеял, косил, стоговал, управлял конной сенокосилкой, причем пристязной любил брать необъезженную лошадь – наука. Заготавливал и трелевал лес, ходил в ночное с табуном. Как наиболее грамотного, его поставили счетоводом колхоза.

В декабре 1942-го Дамбе исполнилось семнадцать лет. А в январе 1943 года ему пришла повестка из военкомата. Произошла явная канцелярская ошибка.

Но колхозный счетовод Жалсараев промолчал.

Так семнадцатилетнего Дамбу, на год раньше положенного, призвали в армию – в 35-ю запасную стрелковую бригаду на станции Мальта Иркутской области. В феврале того же года он поступил в Забайкальское военно-пехотное училище на станции Дивизионная близ Улан-Удэ. После окончания училища в 1944 году был направлен в пограничные войска. Служил заместителем начальника погранзаставы «Чиндант» в Читинской области. Затем его, как способного офицера, перевели в штаб Даурского Хинганского Краснознаменного пограничного отряда – одного из старейших в СССР. В августе-сентябре 1945 года в составе сводной группы этого погранотряда лейтенант

Жалсараев принял участие в войне против империалистической Японии.

«Штурмовая группа под командованием Жалсараева решительно атаковала на границе погранполицейский кордон, с честью выполнив поставленную задачу по локализации вражеского опорного пункта. Тем самым обеспечив успешное продвижение наступающих советских войск, – сообщалось в рапорте. – В боевой обстановке Жалсараев показал себя инициативным и отважным командиром».

«В сорок пятом году мы, пограничники, вместе с другими советскими частями вступили в войну с Квантунской армией, – вспоминал Дамба Зодбич. – Начались мои военные дороги... Впечатления тех дней отложились в стихах. Один из моих товарищей, тоже воин, перевел по подстрочникам два стихотворения на русский язык, и они были опубликованы в газете «Пограничник Забайкалья». С той поры я стал относиться к поэзии серьезней».

После окончания войны Жалсараев еще шесть лет служил в погранвойсках – контролером контрольно-пропускного пункта «Отпор», старшим контролером КПП «Наушки» Кяхтинского пограничного отряда.

«В ходе семидневного преследования группа под началом Жалсараева задержала нарушителей государственной границы, – отмечал бывший начальник Кяхтинского пограничного отряда, полковник в отставке Анатолий Иванович Пирушкин. – Сделано это было профессионально, без единого выстрела. Несомненно, здесь командиру группы помог его боевой опыт... Это лишь один эпизод из его повседневной напряженной службы на границе.

Офицер Жалсараев пользовался огромным уважением – и офицеров, и подчиненных. К солдатам он относился по-отечески, к офицерам – по-товарищески. Все восхищались его кавалерийской выучкой, грамотным обхождением с первым помощником пограничника – лошастью. Опытный контролер, Жалсараев неоднократно выявлял и изымал контрабанду на значительные денежные суммы. Обо всем этом мне рассказывал, например, его сослуживец, боевой офицер и кадровый пограничник Карл Николаевич Лихонин, с которым мне довелось учиться в Военном Институте КГБ СССР им. Ф. Дзержинского. Безусловно, если бы Дамба Зодбич не ушел в литературу, его ожидала бы блестящая военная карьера».

Майор Жалсараев был удостоен ордена Отечественной войны II степени, медалей «За победу над Японией», «За отличие в охране государственной границы СССР», нагрудных знаков «Отличник погранвойск» 1 и 2 степеней, медали Г. Жукова.

О своей принадлежности к братству «зеленофуражечников» Дамба Зодбич помнил всю жизнь. Помнил и гордился. Кяхта была для него, по его выражению, «второй столицей Бурятии». Будучи министром культуры и председателем писательского союза, Жалсараев способствовал укреплению культурных связей с кяхтинскими пограничниками и их монгольскими коллегам.

Он организовал встречи кяхтинцев с писателями Сергеем Смирно-

вым, автором «Брестской крепости», и литератором-фронтовиком Михаилом Алексеевым, с Вилем Липатовым, Галиной Серебряковой. В гостях у пограничников побывали киноактеры, народные артисты СССР Николай Крючков, Борис Андреев, известные артисты Лариса Лужина, Маргарита Володина, Владимир Дружников. Особенно запомнилась встреча воинов с актером и режиссером фильма «В бой идут одни старики» Леонидом Быковым. Все это работа Дамбы Зодбича.

А его личные встречи с бывшими сослуживцами всегда были неподдельно искренни.

Зеленая фуражка пограничника хранилась поэтом в улан-удэнском доме по улице Коммунистической.

ТАНДЕМ ЛЮБВИ И ТВОРЧЕСТВА

*Как это было! Как совпало –
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..*

Это строчки – не жалсараевские, а поэта-фронтовика Давида Самойлова из его программного «Сороковые роковые». Но под каждой буквой стихотворения Дамба Зодбич мог бы подписаться. Ибо эти «сороковые пороховые», несмотря на лихолетье, дышат любовью, они позднее «очнулись» и прорвались в творчестве Жалсараева мощной лирической струей.

...Неизвестно, услышал ли молодой пограничник в тот морозный ноябрьский вечер сквозь лязг вагонных буферов заветный звон стремян, но, задержав симпатичного «нарушителя» на станции Наушки, долго не хотел отпускать.

«Я сижу в вагоне, недоумевающая и испуганная, – вспоминает сегодня судьбоносную – будто вчерашнюю! – встречу Валентина Зондуювна Жалсараева. – Вроде все документы в порядке, а мне говорят: «Пройдемте в пропускной пункт». Этот офицер прицепился, как степная колючка. В тот момент я его шибко невзлюбила... Короче, меня чуть не ссадили с поезда. Успокоилась лишь, когда офицер улыбнулся и назвал свое имя – Дамба...»

Испугалась Валентина, урожденная Цыдыпова, не зря. Когда ей было три года, отца Зондуй-Цырендаци Батомункуевича Цыдыпова арестовали по печально известной 58-й статье за принадлежность к казачьему сословию и расстреляли. В том же 1931 году по той же статье арестовали и 70-летнюю бабушку. На руках у Валиной матери осталось пять малолетних детей.

Песня о верблюжонке-сироте в этой главке имеет свое продолжение.

Непросто было жить, нося клеймо «детей врага народа». Мать Валентины также была репрессирована – вслед за мужем. И умерла, не дожив и до сорока. Благодаря старшей сестре Цыпилме сирота смогла закончить школу.

Упорство и трудолюбие, природные данные помогли Валентине поступить в театральное-музыкальное училище (ныне музколледж им. Чайковского). Она занималась в классе народного артиста РСФСР Владимира Халматова. Дебют молодой актрисы состоялся в спектакле по пьесе В. Шекспира «Сон в летнюю ночь». После замужества заочно закончила филологический факультет педагогического института по специальности «бурятский язык и литература». Многие годы проработала Валентина Зондуювна диктором Бурятского радио и не раз читала стихи мужа в эфире...

Они были нужны друг другу.

Потому, что без той встречи на заснеженной станции в первый послевоенный год Жалсараев как поэт (и он это неоднократно подчеркивал!) не состоялся бы. И счастливый перезвон стремян сопровождал пару с первых дней.

Эти стремени – как два берега одной реки.

Станция Наушки, место службы офицера-пограничника, стояла на правом берегу Селенги, а на другом берегу, в семи километрах – находилось джидинское село Цаган-Усун, где тогда жила у старшей сестры Валентина. Туда и прискакал на лихом боевом коне старший лейтенант Жалсараев. Жених появился во всем блеске кавалериста, «увешанный, как елка» (выражение Дамбы Зодбича), он с ходу, размахивая саблей, принялся демонстрировать качества наездника – прыгать на лошади через изгородь. Сбежался изумленный народ. Словом, боевой офицер взял «крепость» штурмом...

И когда Дамба Жалсараев описывает стихами помыслы наездника и влюбленного, в том нет «этнографической экзотики». Это – прожито.

*Тянут шеи к друг другу и кони...
А не нашей ли это любви
Светлый день? Не в моей ли ладони
Чуть дрожащие пальцы твои?*

Да, то были «сороковые роковые» – судьба-рок на многие годы определила Валентину женой и музой поэта. Театральное и филологическое образование, прекрасное знание литературного бурятского языка позволяли ей быть, кроме прочего, и доброй советчицей. Они прожили в браке более полувека. Ее судьба неотрывна от доли поэта. И поэт знал это:

*Каким бы путь ни был тяжелым,
Я знаю наверняка:
В одной ты со мной упряжке
И чаще – в коренниках.*

*Пусть доля была и трудной,
Гордиться чем есть у нас.
Я жму твою руку, друг мой,
За каждый хороший час!*

Их дом – хлебосольный и радушный – был всегда полон гостей. Он видел известных в стране и Бурятии людей и простых земляков – почитателей талантов. Но когда поэта настигало вдохновение, жена говорила всем, что мужа нет дома. Он и вправду отсутствовал, мыслями уносясь в родную степь на иноходце-скакуне...

У меня в упряжке – ширь степная,
Вожжи – из лучей рассветных, тонких,
Яркой радугой-дугой сверкая,
С бубенцами жаворонков звонких
Я скачу к тебе.

...В нем это осталось на всю жизнь, когда «вспоминалось давнее время проказ». Бывало не раз, когда гости, покидая дом Жалсараевых и разбирая в прихожей обувь, от неожиданности чертыхались, обнаруживая в туфлях посторонний предмет... Громче всех смеялся устроитель проказ – убеленный сединами хозяин.

Детство и любовь к женщине – суть одно и то же.

Когда мальчишками в первый раз
На стремяна мы встали,
Мужчинами наши сверстницы нас
Назвали.
Когда – мужчины – в радостный час
Встали мы, заплясали,
Наши жены мальчишками нас
Назвали.

Взяв разбег в «сороковых роковых» и закаленные ими, «прожитых лет перевалы» они в дальнейшем одолевали, соприкасаясь стремянами.

Потому Дамба Жалсараев и выпустил в свет четыре десятка книг, что чувствовал за спиной крепкий тыл. Этот тандем любви давал силы на подъемах.

Так, пришпоривая струны стремян, Жалсараев одолел свой главный перевал. Правда, путь к вершинам творчества, по признанию поэта, занял у него всю оставшуюся жизнь.

ПЕРЕВАЛ ТРЕТИЙ

Струны стремян

ТВОРЧЕСТВО (1944–2002)

*Я не помню свой первый шаг...
Но вовек не забуду день я,
Когда бился и пел в ушах
Ветер первого восхождения!*

ПЕРВЫЙ ШАГ – ИЗ ДЕТСТВА

«...С той поры я стал относиться к поэзии серьезней, – вспоминал Дамба Зодбич реакцию девятнадцатилетнего стихотворца-неофита, воина-пограничника, на запах типографской краски, коей были пропитаны первые рифмованные строчки на газетной странице. – Новые стихи посылал в Бурятию, в Союз писателей, и получал от литераторов старшего поколения очень теплые письма».

А первый шаг на поэтическом поприще он действительно не помнил.

...Десятилетний мальчуган косил сено у самой дороги. Вдруг рядом при тормозила полуторка. Взрослые дяди вышли поразмяться. Один из них спросил: «Ты чей сын?» Как требовали дедовские обычаи, мальчик отбарабанил родословную до седьмого колена. Дяденька похвалил и уехал. Лишь позже мальчуган узнал: это был Хоца Намсараев.

Впрочем, со временем та символическая встреча у земляков-додогольцев обросла мифическими деталями. По другой версии, Хоца Намсараев с друзьями охотился на хоринской земле и заблудился. И вышел на окраину Додогола, где мальчишки косили сено. Намсараев, выгнав, где находится, и, успокоившись, спросил, кто из «хубушек» пишет стихи. Вперед вышел маленький Дамба и прочитал четверостишье. Живой классик выразился: дескать, так держать! И понюхал потную головку юного косца – знак особого расположения у бурят. А может, и не понюхал... Но факт, что, так или иначе, Хоца Намсараев стал для Жалсараева наставником и старшим другом. До самой кончины основоположника бурятской литературы в 1959 году Намсараев и Жалсараев дружили семьями, о чем свидетельствуют шуточные письма первого к младшему собрату.

«Передо мной старый послевоенный снимок 1947 года, – писал позднее поэт. – Недавно закончилась война. Неубраны еще боевые ордена. И в наших первых стихах и рассказах – близкое эхо Отечественной. Я служил после

Победы в пограничных войсках. И вдруг – приглашение. Да какое! На Первую конференцию-семинар молодых писателей республики. Там я впервые встретился не только с маститыми писателями, но и с моими сверстниками – молодыми поэтами и прозаиками. Однажды нас пригласил к себе домой Хоца Намсараев. Помню, что разбор нашего несовершенного творчества был довольно строгим. Но все-таки Хоца Намсараев остался в моей памяти именно таким, как на этом снимке: чуть лукавым, понимающим дружескую шутку, открытым на все доброе. Да и нам (на фото слева направо: Арсалан Жамбалон, Хоца Намсараев я и Барадий Мунгонов) тот далекий вечер кажется не только историей...

Творчество Хоца Намсараева привлекало богатой палитрой языка, прекрасным знанием народной жизни, народного творчества. А у Цыдена Галсанова молодой поэт учился форме стиха.

В эти годы молодой поэт, вынужденный прервать учебу из-за войны, много занимается самообразованием. На его столе – книги русских классиков, учебники «Синтаксис бурят-монгольского языка» «Бурят-монгольское стихосложение» и, конечно, тексты эпоса о Гэсэре 1930 и 1953 годов. Последние издания на столе кадрового армейского офицера – вещи небезопасные: из-за них ряд бурятских ученых подверглись репрессиям. Не получив диплома о высшем образовании, Жалсараев получил его по сути, учаь всю жизнь. На склоне лет поэт снова сделает своей настольной книгой сказание Гэсэриады...

Первый поэтический сборник Дамбы Жалсараева «Үнэн тухай угэ» («Слово о правде») – небольшая книжечка в красной обложке – вышел в 1949 году. Это публицистические в основном стихи. Поэт рассказывает о нелегкой службе на границе, о борьбе советских людей за мир. Свежие и сильные впечатления вылились в стихи. Они еще носили печать ученичества – впоследствии поэт вернется к немногим из них, лишь два из этой книги выйдут на русском языке.

Уже в год выхода первой книжки была написана другая – поэма «Үдын эрьедэ» («На берегу Уды»). Она предназначалась детям и увидела свет в 1951 году. Детская тема, как говорилось выше, не случайно занимала большое место в творчестве Жалсараева. Во время службы на погранзаставе бойцов нередко приглашали в школы, на утренники. «Меня всегда тянуло к детям», – говорил поэт.

Дети сидят на берегу Уды, и каждый рассказывает о своих родителях, брате – как видит ребенок тот или иной труд, что привлекательного находит в нем. Написанная не без влияния стихов Маяковского, книга имела целью ясно, доходчиво рассказать детворе о конкретной профессии. Само название ее глав уже определяло эту задачу: «Хлебобороб», «Ученый», «Строитель»... И два следующих сборника «Разговор с юными друзьями» и «Жаворонок» предназначались сельской детворе. Этот разговор стал кровным делом поэта на многие годы.

Николай Дамдинов писал в 1954 году: «Дети – очень чуткие читатели. Они уловят малейший неверный звук, исторгнутый лирой. Зато какую радость им доставляет хорошая, умная книга! «Разговор с юными друзьями» действительно состоялся. Беседа получилась искренней и задушевной».

«Встреча с Дамбой Жалсараевым и его поэтическим словом определила мой путь, – рассказывает народный артист РБ, член Союза писателей России Чингиз Гуруев. – Я учился в седьмом классе Кижигинской школы, когда к нам приехала целая бригада бурятских писателей во главе с Х. Намсараевым – Б. Базарон, Ц. Галсанов, Ц. Номтоев, Ц.-Ж. Жимбиев, Н. Дамдинов и Д. Жалсараев. Дамба Зодбич прочитал несколько детских стихотворений – они были добрые и смешные, дети захлопали в ладоши. И сам поэт, довольный аудиторией, засмеялся... Я сидел в первом ряду. Теплая волна словно окатила мое сердце».

В конце 50-х выходят книги Д. Жалсараева для детей «Звезда Баярмы», «Состязание с ветром», «Звенят стремени», «Сказ о баторе». Последние три – в Москве в издательстве «Детская литература».

«Какая это благодарная задача – живописным, образным словом показать малышам краски родной природы, привлекательность труда!» – повторял молодой литератор не только в писательском кругу, но и в кругу семейном. Не последнюю роль здесь сыграло то, что к началу 50-х офицер и поэт был уже отцом троих детей. Жизнь шла своим чередом.

В 1952 году по ходатайству республиканских властей Дамба Жалсараев демобилизовался из армии в звании майора и всецело отдался литературному творчеству. С 1956-го по 1958 год он учился на Высших литературных курсах при Литинституте им. Горького вместе с молодыми писателями Чингизом Айтматовым, Давидом Кугультиновым, Мустаем Каримом, Кайсыном Кулиевым, ставшими впоследствии, как и сокурсник из Бурятии, выдающимися мастерами слова.

Однажды на московский адрес общежития Литинститута пришла посылка из-за Байкала. Мама Пунсок Аюшеева прислала сыну вязаные носки, топленое масло в коровьем пузыре и сушеной конины с коротким письмом-наказом: хорошо питаться.

«Всяким я видел Дамбу, – вспоминал известный бурятский прозаик Цырен Галанов, в то время студент Литинститута, – но таким увидел впервые. Вскрыв фанерную крышку посылки и едва взглянув на содержимое, он заплакал, повторяя: «Эжымни... Мама, мама моя...»

«Дамба Жалсараев – и хороший человек, и хороший поэт... талантлив, умен, честен, искренен. Благодаря всем этим замечательным свойствам, он стал одним из любимых поэтов своей земли, крупным мастером, приобрел всесоюзную известность, своим трудом приумножил славу родной литературы». (Чингиз Айтматов).

Хоца Намсараев следил за своим учеником вплоть до 1959 года (воистину «В гроб сходя, благословил...»), знаменовавшего новый этап в жизни

и творчестве Жалсараева. Его стихи вырвались на всероссийский простор, когда бурятскому поэту открылась «Даль степная». Так назывался первый сборник бурятского поэта на русском языке, вышедший в московском издательстве «Советский писатель» в канун шестидесятых. Вместе с книжкой «Состязание с ветром» (1959), подготовленной издательством «Детская литература», они обеспечили уверенный дебют провинциального писателя в Москве.

ГРОМКАЯ «ТИХАЯ» ПОЭЗИЯ

Дамба Жалсараев входил в российскую поэзию и литературу в годы ее бурного подъема. Такими прежде всего остались 60-е, годы оттепели, в памяти современников. На сценических площадках, стадионах, у памятников и в студенческих аудиториях, на страницах периодики и толстых журналов звучали и печатались стихи Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского, Б. Окуджавы, Б. Слуцкого, Ю. Мориц, Н. Матвеевой, Д. Самойлова...

Наметилась тенденция делить поэтов на «громких», то есть декларативных, обращающихся к широкой аудитории, и на «тихих», – вдумывающихся в смысл слова, пробующих его на вес, обращающихся к каждому читателю в отдельности. При всей условности подобного деления, по замечанию критика Г. Ярославцева, уже тогда, в 60-х, знатоки сходились в том, что истинная поэзия – все-таки «тихая». К ней причислили стихи Д. Жалсараева, когда в 1963 году в Москве вышел его сборник «Степь родимая».

В эти годы произведения бурятского поэта, не выдвигаясь на первый план, не оставались незамеченными критикой. В разное время о них писали Н. Дамдинов, В. Липатов, М. Михайлов, В. Найдаков, М. Степанов, Л. Татьяничева, Вл. Разумневич, Г. Ярославцев, М. Ломунова... И региональная, и столичная критика большей частью положительно оценивала каждую новую книгу Д. Жалсараева. В чем причина? Ее эмоционально и точно, говоря о «чистом, ясном» поэтическом голосе Жалсараева, обрисовал Кайсын Кулиев: «В подлинной поэзии всегда живут мудрость народа и человечность колыбельной песни. Она рождается горячей любовью к подвигу и к мирному сну ребенка. И в ней нечего делать человеку, равнодушному к отваге героя и белому цветению алычи.

Творчество рождается удивлением, горячей любовью ко всему живому, добротой и благородством... Сказать все это меня побудил мягкий свет, разлитый по книге Дамбы Жалсараева «Степь родимая». Бурятский поэт своими стихами убедил меня в том, что земля и жизнь и все хорошее и доброе на свете дороги ему. Жалсараев не из холодных стихотворцев или позеров, любящих только самих себя. Когда он говорит «родимая степь», он словно произносит имя матери...»

Автор этих строк словно подслушал и выразил мысли многих читателей. Голос поэта был замечен, свет его поэзии не тускнел среди самых блестящих певцов и ярких звезд начала шестидесятых.

«Сорокалетье – страшная пора, / когда измотан с жизнью в поединке/ и на ладони две-три золотинки,/ а вырытой пустой земли – гора!» (Е. Евтушенко).

В шестидесятых за Байкалом писались иные по духу строки:

Я понял, встав на пик сорокалетия,
Что вижу дальше, чем в былые дни,
Что смог иные дали рассмотреть я, -
И все, как в детстве, синие они...

В начале семидесятых авторитетный журнал «Вопросы литературы» подвел предварительные итоги шестидесятым, «поре эстрадных успехов поэзии». Выяснилось, что «звучат все громче тихие стихи», и что «размышляющие стихи долговечнее общедоступных деклараций»

И с каждым годом, и на подъеме XXI века, звучат все громче размышляющие стихи Д. Жалсараева, Д. Улзытуева, Н. Нимбуева. В том числе на языке Пушкина, Есенина, Рубцова...

Но если Намжил Нимбуев писал на русском, то поэзия Жалсараева и Улзытуева была по достоинству оценена в стране благодаря выдающейся русской школе перевода. По словам Анатолия Наймана, постоянного переводчика Жалсараева и, кстати, ученика Анны Ахматовой и товарища нобелевского лауреата Иосифа Бродского (помните: «Храни вас Боже, Анатолий!» – И. Бродский, «Петербургский роман», 1961), поэзия бурятского «самородка» стоит в одном ряду с творчеством Расула Гамзатова и Мустая Карима. Другой, не менее известный поэт и переводчик (в том числе «Гэсэриады») Семен Липкин отмечал, что жалсараевские строки «еще в подстрочнике звучат музыкально и дают простор, воздух» для наиболее адекватного воплощения их на русском языке. Стихи Д. Жалсараева в разные годы переводили до двух десятков профессионалов!

Наиболее значимые из них, кроме Наймана и Липкина, – Олег Дмитриев, Наум Гребнев знали культуру Востока и Центральной Азии. Их бережность и требовательность к подстрочнику – досадному, но неизбежному посреднику – сказывалась на результатах и степени эмоционального воздействия на читателя. Будучи сами хорошими поэтами, литераторами с именем, находясь в Москве, они имели возможность выбирать из многонациональной поэтической палитры страны Советов, но выбирали для перевода только близкое их мироощущению. Такой и стала для них «тихая» поэзия Дамбы Жалсараева.

Потому что, по моему убеждению, любое творчество в конечном счете наднационально.

СВЕРХНАЦИОНАЛЬНЫЙ АКЦЕНТ

*И земля моя станет
Тебе с того часа родной –
Дом и сердце бурята
Для брата навеки открыты!*

«Братскую» поэзию Дамбы Жалсараева многочисленные исследователи называли интернациональной по духу. И были по-своему, в реалиях того времени, правы, выделяя «красную линию» его поэзии. Тема братства, дружбы русского и бурятского народов выстрадана поэтом с самых ранних лет. Он имел моральное право – фактами своей биографии – на призыв, по сути, к всечеловеческому братанию, не только с «другом с волжских берегов».

Хотелось бы, однако, уточнить главный вектор жизни и творчества Жалсараева.

Выдающийся русский философ Иван Ильин писал, что всечеловеческое братство должно быть не интернациональным, а сверхнациональным. Что есть сверхнациональное? Сначала должен быть национализм, обоснованный духовно. Человек, по Ильину, должен обрести родину как организм национальной духовной культуры («степь родимая!»). Только те народы способны к духовному братанию, утверждал философ, которые укрепились в своем патриотизме. Итак, сначала национализм (в высоком значении), потом – братание и доступ к созданиям чужого национального духа.

Что, собственно, и происходило в творческом мужании поэта, когда Жалсараев мог с ходу, навскидку, по свидетельству поэта Баира Дугарова, прочитывать строфы сказаний-улигеров и тут же, на русском языке, стихи Пушкина, Есенина и Блока. Он черпал строфы из степного родника, а уходя вдаль, поддерживал силы в пути, припадая к реке русской словесности и образности...

«В поэзии Жалсараева – высота философской мысли XX века. Она исследует человека в постоянном движении, развитии его духа». (Давид Кугультинов).

Рецензенты советского периода порой упрощенно трактовали духовную составляющую поэзии Д. Жалсараева, сводя ее к всепобеждающему интернационализму. У бурятского поэта существовала куда более глубинная связь с Родиной – большой и малой. У него был иной ход, не укладывающийся в прокрустово ложе официального литературоведения. Ведь интернационализм нивелирует национальную духовность и смешивает всех в бездуховную массу. Такой интернационализм наносит «бархатный» удар прежде всего по меньшинствам. К концу 60-х в этнической Бурятии, по обе стороны Байкала, оформилась угрожающая тенденция языковой ассимиляции, когда молодое поколение стало плохо знать родной язык.

Опубликовав первые опыты в стихосложении на русском языке, Жалсараев в дальнейшем никогда не изменял своей лире – звучанию бурят-монгольского хура. Вот почему на первом этапе творчества он уделял основ-

ное внимание маленьким читателям, понимая, что родник языка родом из детства. На склоне лет Дамба Зодбич поднялся на свой последний перевал, чтобы почерпнуть силы в чистых водах Гэсэриады...

Устье устного сказа.

«Начало искусства слова – в фольклоре, – говорил Д. З. Жалсараев в 1973 году на форуме писателей стран Азии и Африки. – Неиссякаемы духовные истоки современных национальных культур, велико их значение в единении народов. Подтверждением тому может служить культурное наследие моего народа – бурятский народный эпос, героическое сказание о Гэсэре...

Английский путешественник Диксон, посетивший наши края в конце XIX века, писал: «Сказочно ледяное Забайкалье, страна, отделенная тысячами километров от мира. Сюда, кажется, никогда не придет европейская цивилизация – Шекспир, Диккенс, Бальзак, Пушкин...» Ошибся уважаемый путешественник. И Шекспир, и Пушкин, и Бальзак, и Тагор, и произведения других титанов мировой культуры всех континентов звучат на моем родном языке».

Это был глубоко национальный поэт со сверхнациональным мироощущением. Оно рождало сочувствие и удивление, позволяло понять личность или явление изнутри – без «подстрочника».

Наиболее ярко этот императив выразился в «Песнях земли» – уникальном формотворческом цикле в бурятской литературе, увидевших свет также и на русском языке в 1975 году в переводе А. Наймана в издательстве «Современник», и в 1977-м в издательстве «Правда». Поэт своим шестым чувством заставил «петь» от первого лица не только степного жаворонка, изюбря, аргамака и традиционно певучие Байкал, аршан, ветер, стремена, дождь, стрелу, росинки, камнепад, но и – среди тридцати трех «голосов» – вовсе неодушевленные, казалось, чайную струю, старую юрту, телефонные провода...

Мы не бесстрастные висим
Над просекой и тихим полем –
Зовем, приказываем, молим,
Смеемся, шепчем, голосим.

И читатель слышит, как они пульсируют – в унисон со струнами стремян поэта. Что заставляет забыть о «национальности» субъекта внимания – принадлежности его к неодушевленному стану, окропленному «живой водой» стиха, образным строем и мелосом родной речи. Так, сквозь наложения быта и стереотипы неожиданно прорезается живой голос, транслируемый ясным «Я» поэта.

НАРОДНЫЙ ПОЭТ

*Хотя далекой юности грехи
Сегодня, видно, поздно исправлять,
Но почему безудержно хочу,
Чтоб время все же повернуло вспять?*

«Знаете, как в юности чаще всего рождаются стихи? – говорил Дамба Зодбич в беседе с русским поэтом Андреем Румянцевым. – Увидел событие, нахлынуло чувство – и стихотворение готово. Оно, как правило, повествовательное, в нем редко бывают обобщения, глубокая мысль. С годами приходишь к стихам-размышлениям. Хочется выразить свое отношение к жизни».

И здесь поэт нашел свой ход. Возможно, он идет от прищур Хоца Намсараева, лукавого и мудрого, и далее – из Традиции. Жалсараевский стих силен сплавом лирического и эпического начал. Эта афористичность строк, их емкость, даже скупость при широте обобщения, станет «фирменным» стилем бурятского поэта, который сопровождал его, ограняясь, с ранних опытов до зрелых творений.

«Фольклор я очень люблю, – уточнял мысль Дамба Жалсараев в беседе со столичным литературоведом М. Ломуновой. – Я его знаю неплохо, знаю легенды, сказки, побасенки, в них – большая мудрость, свой философский глубинный смысл. Меня всегда привлекали они. Но я долго не мог найти форму. Я хотел не просто пересказывать фольклор, а – взять лишь основу его, вложив сегодняшнее содержание».

Безусловно, поэт творит вне теоретических построений – интуитивно – и ему порой трудно объяснить тайну рождения стиха искушенному литературоведу.

«В стихах Дамбы Жалсараева нет ничего пришлого, – выслушав поэта, заключила М. Ломунова. – Все почерпнуто из родников родного края. Это приметы не только и не столько внешние, на этом построена вся образная система его стихов: «как пиалу, руками степь беру». Старое, извечное переплетается с новью».

Когда в 1973 году Д. З. Жалсараеву присвоили звание «Народный поэт Бурятии», то лишь констатировали очевидное...

«Издавна бурятские мастера в совершенстве владели искусством затейливой резьбы по дереву, тонкой чеканки по металлу, – итожит беседу с мастером Андрей Румянцев. – В сюжетах, взятых ими, западает в память экспрессивность картины, ее образная энергетика. Поэзия немало взяла от этого векового искусства народа».

Известно: проблема поэтического кроется не в том, о чем пишется, а в том, как пишется. Четкий «узор» сложения стиха у Жалсараева – не

только и не столько результат отточенной техники, хотя и это налицо, но – продолжение мысли. Исстари бурятское устное творчество сопровождало или шло вослед другому народному промыслу – сотворению орнаментального узора.

Стрелую,
Пущенной Гэсэром
В распахнутый небесный свод,
Мелькнул в просторе темно-сером,
Звук обгоняя, самолет.
И след его украсил дали,
Как будто острая игла
На отшлифованном сандале
Узор старинный провела.

Эти строки в переводе О. Дмитриева – убедительный и лапидарный пример подачи современного через образы фольклора, благодаря чему пейзаж становится выпуклым, песенным.

Не случайно почти полсотни стихов Д. Жалсараева были положены на мелодию, продолжились в песнях. Самая известная из них стала и гимном Бурятии. По замечанию автора музыки гимна композитора Анатолия Андреева, еще в подстрочнике первая же увиденная им строка «Таежная, озерная, степная...» легла на мгновенно родившуюся мелодию: он зримо представил раздольную ширь родного края-рая.

«Прислушавшись к традиционной для бурятской поэзии теме творчества Д. Жалсараева, – писал московский критик Г. Ярославцев, – нельзя не прийти к осознанию того отрадного факта, что не поэт поглощен традицией, а традиция поэтом: что, скажем, Байкал и конь постоянно присутствуют как темы, как персонифицированные образы в его поэзии и что эти традиционные мотивы не только стали пустыми «этнографическими погремушками», но постоянно служат у автора выражению духовного настроения современного человека».

Родившийся на берегах Уды, воды которой текут к Байкалу, поэт творческую энергию устремил к сакральному.

Байкал сверхнационален.

Каждый, вне возраста и национальности, находит в нем свое. Но не каждому дано адекватно выразить свое открытие-потрясение. Всадник-поэт нередко одушевлял Байкал, наделяя его прямо-таки человеческими способностями. В представлении стихотворца он «глубок, как людская душа, – не добаться до дна», автору кажется, что чудо-озеро смотрит на него бесконечно родными светло-кариими глазами отца, глазами матери, нежными и понимающими.

ПЕРЕВАЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

Серебряный век бурятской культуры

Гостеприимен мой народ отважный,
И гостю – он знаком иль незнаком –
Повсюду, где горит огонь очажный,
Мы преподносим чашу с молоком.

Природа повторила сущность нашу:
Исполнена душевного тепла,
Она с живой водой большую чашу –
Байкал семье людской преподнесла!

Природа – песенная стихия Жалсараева, которая, творя себя в слове, тем самым творит мир бытия и мир человеческий в их нераздельном единстве. Стихия.

ПОЭМА МИНИСТРА В ДВУХ ЧАСТЯХ (1960–1966, 1975–1986).

*Время –
Строгий счетовод.
Щелкает на древних счетах
Быстро и бесстрастно –
Вот
Лицевой ваш, личный счет
В Книге Жизни,
Точен, четок!*

«СТРОГИЙ СЧЕТОВОД»

Говорят, нельзя войти дважды в одну реку.

Жалсараеву-министру, в силу масштаба личности и обостренного чувства времени, сие удалось. Причем, второй срок – в развитие первого – был и плодотворнее, и продолжительнее. Что дало право впоследствии назвать 60-80-е годы прошлого века «серебряным веком бурятской культуры», когда «лицевой счет» ее пополнился зданиями и званиями.

Министром Жалсараев стал в тридцать пять лет. Для поэта – зрелая пора, для госструктуры эпохи дряхлеющего Политбюро – возраст мальчишки. Дамба и к прилюдному именованию по отчеству – Зодбич, – вращаясь в писательской среде, еще не привык...

Министр-поэт? Этот оксюморон в сочетании с «юным» возрастом кандидата озадачивал долгожителей площади Советов. Вдобавок у Жалсараева не было высшего образования, в походной котомке поэта и пограничника лежали аттестаты пехотного училища и литературных курсов вперемежку с мятыми листками стихотворений. Но поэт был на виду у Москвы – накануне назначения, в 1959 году, вышли сразу две книги Д. Жалараева в столичных издательствах, и он был награжден орденом «Знак Почета».

Первыми своими шагами новоиспеченный министр культуры заставил уважать себя как руководителя. И в высоких кабинетах, и в ближнем окружении.

...Это был трудный понедельник. Сразу после знакомства с сотрудниками аппарата министерства культуры ему принесли на подпись бухгалтерские документы – квартальный баланс. Обычно это дежурный ритуал, занимающий пару минут. Новый министр, взглядевшись в столбики цифр, оробел, но виду не показал. И велел принести в кабинет... счета. Обычные, канцелярские. Которыми привык орудовать в качестве колхозного счетовода. Изумленная главбух наблюдала, как ловко гремит, перебрасывая костяшки счетов, («не царское это дело!») руководитель ведомства. Мало того, министр нашел ошибку в расчетах!.. И заставил переделать документ. Слух о министре – «строгом счетоводе» в первый же рабочий день облетел коллектив.

С того дня массивные канцелярские счета – чего их каждый раз носить по коридорам! – поселились в кабинете министра в ближнем ящике огромного стола.

Вспоминает бывший первый заместитель министра культуры Бурятской АССР, заслуженный работник культуры Бурятии и России Анатолий Михайлович Герштейн:

«Дамба и сам считал себя в первую очередь поэтом, в этом видел свое главное предназначение, и вспоминать его будут прежде всего как литературное явление. Но я позволю себе не согласиться с таким однозначным подходом, потому что лучше, чем кто-нибудь другой, могу судить об иной стороне его деятельности. Убежден, что существеннейший вклад в культурное развитие бурятского общества Дамба Жалсараев сделал еще и как государственный деятель-функционер. Меня нисколько не смущает, что эта дефиниция несет на себе негативные стереотипы, особенно с позиции нынешней бюрократической системы. Но при той системе отношений успех в любой отрасли зависел прежде всего от широты воззрений и компетентности руководителя.

Жалсараев почти два десятилетия был министром культуры Бурятии. Исходя из сегодняшней трактовки советской истории, это был период застоя. Но для культурного развития республики это было время бурного роста, ее «серебряным веком». Именно в этот период расцвел талант многих замечательных деятелей искусства, творили выдающиеся композиторы и художники – кисти, сцены и слова.

В этот период засверкали на всесоюзной арене театры Бурятии, поднялись стены музеев, произошли кардинальные изменения в организации культурного обслуживания села, и республика заняла прочное положение ведущего в этом отношении региона в РСФСР. Конечно, в этом заслуга не только Жалсараева, но и всего сообщества работников культуры.

Но долгие годы управлял культурой Бурятии именно Дамба Зодбич. Нынче скажут: «Управлять культурой? Это – нонсенс! Управлять творчеством и художественными процессами невозможно!» Но в те времена Дамба Зодбич, подчас отходя от партийных директив, по-своему трактовал понятие «управление культурой». Он видел его не в том, чтобы тыкать пальцем в мольберт художника, партитуру композитора, репертуар режиссера или рукопись

писателя. Он видел свою задачу в создании максимально благоприятных условий для творчества, в том числе и материальных (ведь единственным покупателем продуктов творчества в то время было государство), в организации культурного строительства в его широком смысле – создании системы государственных очагов культуры, материальной базы культурной деятельности, подготовке кадров творческой и художественно-просветительской работы в массах.

Выполнил ли свою управленческую задачу министр Жалсараев? Об этом можно обобщенно судить по статистическим данным. А они говорят, что к концу пребывания Дамбы Зодбича в административной должности население Бурятской АССР далеко обошло другие регионы страны по уровню потребления культурных благ. Здесь в полтора раза чаще посещали театры, чем в прославленной театральной Литве, в три раза чаще пользовались библиотечной книгой, чем, скажем, в Таджикистане, в два раза чаще посещали кинотеатры, чем население «киношной» Грузии и т.д. И это – в условиях «остаточного» финансирования.

За два десятилетия была заново воздвигнута материальная база культуры республики – здания театров, учреждений и учебных заведений культуры и искусства, построены ДК и клубы во всех районных центрах и большинстве сел, открыты сотни библиотек, десятки школ искусств и музеев.

Но все это неодушевленное достояние не обеспечило бы общего подъема культуры, если бы не создание необычной и эффективной системы руководства сетью массовых учреждений отрасли, коренное улучшение подготовки кадров для них. Дамба Зодбич, несомненно, был неординарным руководителем. В чем же видится главный секрет его управленческих успехов?

Ключом руководящей методики Жалсараева было высокое доверие к соратникам, рядовым работникам.

Он не сковывал инициативу, а позволял проявлять ее, внести вклад в общее дело. Он всегда поддерживал положительные начинания, сколь бы они ни казались, на первый взгляд, проблематичными. Так, он поддержал идею централизованного комплектования библиотек в каждом районе, с которой выступил Ю.А. Хараев, и республика заняла передовые позиции в организации библиотечного дела. Так, он поддержал инициативу М.М. Банщикова по созданию первых в России районных научно-методических центров культурпросветработы. Так, он, засучив рукава, взялся за организацию первого в РСФСР этнографического музея под открытым небом, первого в России просветительского музея природы и многообещающей централизованной системы музеев (к сожалению, ее после нас необдуманно ликвидировали).

Вспоминает бывший первый заместитель министра культуры Бурятской АССР в 1961–1962 годах Н.Ф. Тихоненко:

«В то время в круг деятельности министерства входило много вопросов. Дамба Зодбич, как бывший боевой командир, умел охватывать весь круг вопросов в динамике, не упуская мелочей. Это и курирование театров, ан-

самблей, филармонии, руководство работой культпросветучреждений, кинофикации, книжного и газетного издательств, охраной и реставрацией памятников культуры, опека творческих союзов и другие вопросы. Это требовало напряжения всех сил, оперативности и знаний. Ведь на министерство культуры возлагались и вопросы финансирования и строительства, создания материально-бытовых условий, социальной инфраструктуры, от чего во многом избавлена нынешняя отрасль.

А штат был вдвое меньше... Но работали мы дружно и слаженно. В условиях административно-командной системы на нас постоянно «давили» сверху. Бывало, в обкоме партии выражений не выбирали... Но я никогда не видел министра раздраженным, грубым. Спокойный, выдержанный, он никогда не перебивал собеседника, был примером для подчиненных. А еще Дамба Зодбич не боялся признать своих ошибок, мог пересмотреть первоначальный план с учетом замечаний. Министр культуры был сам человеком высокой культуры».

ПОХОД ЗА СЕЛЬСКУЮ КУЛЬТУРУ

В 1960 году министр Жалсараев принял отрасль не в лучшем состоянии.

Если в столице республики дело обстояло сносно, то на селе положение по части культуры было «неудовлетворительным». Плановые показатели трехлетнего похода за дальнейшее развитие культуры на 1958–1960 гг. не были достигнуты. В частности, в строительстве за счет сверхплановых накоплений предприятий и колхозов (что также координировало министерство) клубов и ДК, библиотек. Во многих селах клубы находились в зданиях, построенных в 20-х годах, или в кое-как приспособленных помещениях, например, в церквях, и находились в аварийном состоянии. В глубинке, в Джиде, Баргузине, клубы буквально держались на подпорках. Плановые финансовые вливания доставались в основном столичной культуре, Улан-Удэ, своеобразной «витрине» ленинской национальной политики.

Жалсараев, сын малой родины, недавний сельский житель, понимал нужды деревни. Закрытый на амбарный замок клуб или библиотека, особенно зимой, – это зачастую повальное пьянство и несчастливое детство...

Что сделал новый министр? «По мнению Министерства культуры, сейчас особенно важно поднять работу на селе на общественных началах», – обратился он в Совмин республики, в другие министерства. Сейчас это назвали бы межведомственным взаимодействием.

Например, при содействии Минпроса (у Жалсараева были прекрасные отношения с министром просвещения Дугаровым) в учебных заведениях, институте культуры, пединституте, педучилище, были организованы факультеты и школы общественных профессий: студенты наряду с основной специальностью получали знания и навыки, которые помогли бы им участвовать в культпросветработе. Ведь в те годы действовало государствен-

ное распределение выпускников – они обязаны были несколько лет отработать на селе. Было создано 22 народных университета.

В марте 1963 года в министерстве культуры приказом Д.З. Жалсараева были созданы общественные отделы – отдел учебных заведений искусства (5 человек), общественная группа инспекторов (11), совет по музеям и памятникам культуры (7 внештатных специалистов). При этом штат минкульты оставался прежним, а объем работы – большим.

Это был иной ход министра.

И результативный. К 1964 году в республике уже работало более 2500 коллективов художественной самодеятельности, в которых занималось почти 45 тысяч колхозников, рабочих и членов их семей. Более половины кружков действовали на общественных началах. Работало 273 культбазы, представлявших собой новый тип культурного обслуживания непосредственно на производственных участках – на фермах и полевых станах. На общественных началах в сельской местности также действовало 98 библиотек. Были организованы библиотеки-передвижки. Так, Новогаганская библиотека имела на производственных участках 21 библиотечку-передвижку.

В практику по инициативе общественности города и села вошли новые формы работы: любительские киностудии, 3 из 6 в сельской местности, молодежные кафе и клубы творческой молодежи. Широкое признание получили школьные кинотеатры на общественных началах. В Кижингинской школе в качестве одной из профессий производственного обучения была избрана специальность культпросветчика. В Петропавловской школе в 60-х под руководством учителей-общественников (выпускников пединститута) работал клуб любителей искусств.

На культбазах, животноводческих фермах и гуртах, на полевых станах было задействовано 60 кинопередвижек. За 1962–1963 годы было сдано в эксплуатацию 15 кинотеатров в райцентрах и рабочих поселках.

Это с той поры начали свою деятельность народные театры и народные ансамбли песни и танца, известные и поныне. В колхозах, на предприятиях, в районных центрах было открыто 15 народных музеев. Сеть общественных музеев действует и в XXI веке.

«Чувствуя твердую руку министра Жалсараева, мы «воевали» за каждое здание, – вспоминал при жизни директор Республиканского краеведческого музея им. Хангалова К.М. Маланов. – К 1965 году было создано пять народных музеев на общественных началах: Барагханский, Чесанский, Каменский, Бичурский при колхозе им. Тельмана Селенгинского аймака. В течение 65-го года руководством районов было передано еще три помещения под музеи – в Джиде, Бичуре, Хоринске. У Дамбы Зодбича, как правило, были хорошие отношения со всеми главами районов – первыми секретарями и председателями райисполкомов. С ним было легко работать».

В июле 1964 года состоялся республиканский слет энтузиастов-общественников.

Одновременно шел плановый ремонт и строительство очагов культуры в рамках трехлетнего похода за ее подъем. В итоге к началу 1964 года в республике на балансе Минкульта насчитывалось 612 клубных учреждений всех типов (605 в 1961 г.), 206 сельских библиотек (203), всех типов массовых библиотек – 408 (395). За два с половиной года в результате кампании было построено или расширено 37 клубных и библиотечных учреждений. Впервые на селе открылись детские музыкальные школы.

За этими сухими цифрами – «жар холодных чисел», по задумке поэта.

КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ

Не менее остро стояли вопросы профессионального искусства. Хотя бы по той причине, что они были всегда на виду, «под рукой у обкома».

В 1959 году прошла II Декада бурятского искусства и литературы в Москве. Столичная критика благожелательно приняла творения мастеров культуры из-за Байкала. Благосклонно и снисходительно.

Если в 1940 году, во время I Декады, Сталина и его окружение восхищал сам факт того, что бурят-монголы, вчерашние кочевники, вышли на сцену, и они осыпали артистов из далекой окраины званиями и наградами, то спустя два десятилетия точка отсчета изменилась. Как и сама эпоха. После развенчания культа личности «вождя и учителя», официального осуждения политических репрессий, советское искусство, раскрепощенное, стало греметь по всему миру. В первую очередь, балет, опера, симфония и другие виды академического искусства. Плеяда исполнителей и композиторов мирового уровня серьезно подтянула в культурном отношении регионы и национальные республики страны Советов.

Скидка на национальный акцент во время исполнения классического репертуара с начала 60-х была уже не столь существенной. Впервые появились критические замечания выездных столичных критиков, писавших о «серьезных идейно-художественных недостатках» на улан-удэнской сцене.

От новоиспеченного министра культуры ждали оперативных действий. И они последовали. В апреле 1960 года Министерство культуры издало приказ об организации симфонического оркестра при республиканской филармонии. В 1962 году театры и филармония, согласно докладу Совмина БурАССР, «дали 2576 спектаклей и концертов с охватом более 712 тысяч зрителей, по сравнению с 1957 годом число их увеличилось на 120 тыс.».

Вместе с тем Жалсараев понимал, что достижение успехов на профессиональной сцене – процесс трудоемкий и долгий. Это дело не одного-двух лет. Именно в области культуры, перефразируя сталинское выражение, кадры решали все.

В сентябре 1960 года решением Совмина СССР в Улан-Удэ был организован Восточно-Сибирский государственный библиотечный институт, в дальнейшем расширивший спектр образовательных услуг. А в мае 1961

года постановлением Совмина БурАССР было открыто хореографическое училище – как близкий резерв театра оперы и балета. За последним постановлением «стоял» министр Жалсараев.

Это Дамба Зодбич добился в Москве для театров национальной республики «планового убытка» – дотаций до 40 процентов от бюджета.

Театр он любил. И ощущал его кадровый голод – в силу специфики в национальном театре он был острее. В 1962 году Бурятский театр драмы «дал в колхозах, совхозах и на предприятиях 388 спектаклей с охватом 68, 3 тыс. человек». Что стоит за отчетным показателем, выполнения которого неизменно требовал министр культуры? Многие артисты Бурдрамы говорили автору этих строк, что в детстве приезд драматических артистов в родное село самым решительным образом повлиял на выбор их профессии.

С начала 60-х в районах этнической Бурятии велась селекционная работа по поиску талантов. Венцом ее стал набор в 1964 году выпускников сельских школ во вторую национальную студию при Ленинградском институте театра, музыки и кино.

Об этом хорошо написал народный артист России, лауреат Госпремии Бурятии Майдари Жапхандаев: «1964 год. На пришкольном участке Агинской средней школы десятиклассники во время летних каникул проходят производственную практику. Мы получим удостоверение тракториста-машиниста широкого профиля, а после окончания одиннадцати классов аттестат о среднем образовании».

А в это время объявляется набор в национальную студию. Ленинград, Эрмитаж, сцена, театр... Все это настолько завораживало, что, уговорив родных, я поехал в Улан-Удэ на вступительные экзамены. Первое мое впечатление от Улан-Удэ – трамваи, которые я увидел впервые в жизни. Три тура отборочного творческого конкурса и приемные экзамены сдал без особых трудностей. Имелся опыт публичных выступлений со стихами и танцами в художественной самодеятельности. Но решение приемной комиссии было непоколебимым: «У Жапхандаева нет аттестата о среднем образовании, и он не может быть принят в вуз».

Я был в отчаянии. Моя юношеская наивность и огромное желание учиться в Ленинграде заставили меня обратиться к завучу и директору школы, к их начальству с просьбой о досрочной выдаче аттестата в связи с успешной сдачей вступительных экзаменов. Ответ, конечно, был однозначным: «Закончи 11-й класс и поступай в любой вуз». Расстроенный, вернулся в Улан-Удэ: надо было предупредить Министерство культуры о невозможности моей поездки в Ленинград.

Меня пригласили на беседу с министром культуры Дамбой Зодбичем Жалсараевым. Его кабинет находился на втором этаже Дома Правительства со стороны гостиницы «Байкал». В кабинете сидел красивый, улыбчивый человек с добрыми глазами, который прекрасно говорил на бурятском языке. Он поинтересовался моими делами и семейным положением. После

смерти отца в 1962 году я остался старшим сыном в многодетной семье. Мать «крутилась» как могла, в одиночку воспитывая нас.

Министр сказал: «Ребята, которых мы отобрали, выезжают в Ленинград через два дня. Билеты куплены. Что касается тебя, ты поедешь вместе со всеми».

Я был ошеломлен и не знал, что сказать.

А Дамба Зодбич продолжает: «Тебя приняли в порядке исключения – вольнослушателем на первый курс с условием параллельной учебы в 11 классе вечерней школы. Вопрос согласован с Министерством просвещения РСФСР и ректоратом института. Общежитие тебе будет предоставлено наравне со всеми. А стипендия? Гм, вольнослушателю она не положена... Вот что: стипендию тебе будем платить мы – Министерство культуры Бурятии».

Так я стал студентом Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии. Ежемесячно получал стипендию от Бурятии да еще просил материальную помощь в связи с выездом домой на каникулы. Наивный, посылал телеграммы по адресу: «Министерство культуры, Жалсараеву». Что удивительно – помогали. По прошествии многих лет я понял, насколько дальновидно и неординарно, иногда нарушая нормативные инструкции, поступал Дамба Зодбич. В моем юношеском представлении он был не только опекуном, но и добрым волшебником».

Майдари Жапхандаев не стал трактористом-машинистом широкого профиля, но – широкого профиля артистом. Во второй половине трудных 90-х он возглавил театр на посту директора.

Опекуном министра Жалсараева могут назвать многие артисты. Он немало сделал и для открытия драматической национальной студии в Дальневосточном институте искусств во Владивостоке.

Вспоминает народная артистка СССР, лауреат Госпремии РБ и международных конкурсов, профессор Галина Шойдагбаева:

«В 1975 году я закончила Улан-Удэнское музыкальное училище. Встал вопрос о дальнейших планах. Как раз накануне выпускных экзаменов, сказали преподаватели, в училище побывал недавно назначенный министр культуры Жалсараев. Он просил сообщить выпускникам, что в Министерстве культуры будет сформирована группа из наиболее перспективных выпускников для дальнейшей учебы. Эта группа из 8 человек – пианистка Е. Хижнякова, скрипач В. Олзоев, теоретик Г. Хижнякова и пять вокалистов – О. Аюрова, П. Емонакова, В. Базарова, В. Жаргалова и я – продолжила занятия вокалом в столичных консерваториях. И в годы учебы мы чувствовали помощь министерства, в том числе, материальную.

В 1980 году после окончания Ленинградской консерватории я узнала, что Дамба Зодбич ведет переговоры с Министерством культуры РСФСР о дальнейшей моей учебе. Так, после конкурсного отбора я попала на стажировку в прославленную «Ла Скала». Этому предшествовали гастрольные выступления Бурятского оперного в 1979-м в Москве, где я выступала в «Отелло». После спектакля Дамба Зодбич меня тепло поздравил. Вместе с директором театра Дам-

дином Шираповичем Яхунаевым он постоянно заботился о нас, певцах.

И на гастролях, и в родном Улан-Удэ – начиная с бытовых условий. Не случайно в период руководства Жалсараева, это конец 70-х – начало 80-х, столу Бурятии называли не иначе, как Милан-Удэ».

Говорит народный артист РФ, лауреат Всесоюзного конкурса им. Глинки, профессор Вячеслав Бальжинимаяев:

«Это в бытность Дамбы Зодбича как министра культуры вошли в практику творческие отчеты студентов столичных творческих вузов перед земляками. Помню зимние каникулы 1978 года, когда я учился на старших курсах Московской консерватории. Как известно, студенту деньги нужны всегда...

Дамба Зодбич как-то узнал о наших затруднениях и предложил блестящий выход: министерство оплатит нам проезд на родину, а мы выступим с концертами. Так, кроме опыта публичных выступлений, мы заработали свои первые гонорары. Я, Болот Бороев и другие ребята были довольны и впоследствии называли между собой Дамбу Зодбича «аха» – старшим братом... Когда на следующий год я стал лауреатом конкурса им. Глинки, министр меня поздравил телеграммой в числе первых».

АКАДЕМИК БУДАМШУ

*На Будамшу сердился очень
Один нойон не без причин:
– Ты уважать меня не хочешь,
Так уважай хотя б мой чин!..*

*Но Будамшу привык от века
Нойонам важным возражать:
– Чин – как скамья без человека!
За что ж пустую уважать?*

В июне 1969-го, в год выпуска национальной студии Ленинградского института театра, музыки и кинематографии, с успехом прошли гастрольные выступления Государственного Бурятского театра драмы им. Х. Намсараева – без приставки «академический». Высокое звание он заслужил (как и театр оперы и балета) во время второго срока пребывания Д.З. Жалсараева на посту министра культуры. И во многом благодаря его стараниям.

«Одними из ведущих качеств Дамбы Жалсараева были его общительность и умение строить отношения с людьми самого разного положения, – отмечал бывший первый заместитель министра культуры А. Герштейн. – Это немало способствовало решению сложных вопросов и на республиканском, и на всесоюзном уровне. Мы нередко бывали с Дамбой в служебных командировках, и я могу лично свидетельствовать, что его глубоко уважали и любили в российском министерстве культуры, во всех творческих союзах страны».

В середине 1970-х, когда Д.З. Жалсараев стал министром во второй раз, культура Бурятии еще не была «академической». Получение же этого звания для художественного коллектива сулило финансовую поддержку из Москвы, в том числе, по части зарплаты артистов, которая оставалась самой низкой даже в среде интеллигенции. Кроме того, драматические театры испытывали стесненность в квадратных метрах и, соответственно, в художественном развитии.

Многие известные бурятские артисты, художники, литераторы вспоминают 1970-80-е как время постоянных гастролей, всесоюзных и всероссийских выставок, декад, фестивалей за пределами республики. Москва, Ленинград, Казахстан, Элиста, Украина, Татарстан, Улан-Батор, Дальний Восток...

Дамба Зодбич иногда сетовал в кругу друзей, что его измучила министр культуры СССР Фурцева, тем не менее, всегда отзываясь о ней как об очень умной женщине. Не первый год «пробивал» бурятский министр в Москве академические звания для театра Бурдramы и оперы и балета, льготы и преференции для всей культуры республики.

«А чем ваши буряты лучше татар или казахов? Чем ваши театры лучше новосибирского «Красного факела» или красноярского ансамбля песни и пляски?» – усмехаясь, спрашивала дотошная Фурцева, имея в виду академичность исполнения.

Надо было срочно организовывать гастрольные выезды, чтобы «показать и доказать», в том числе в столичной прессе. И в «Советской культуре», «Вечерней Москве» в 70-х появляются положительные отзывы на гастроль бурятских артистов в столице, в Белоруссии, Свердловске, Саратове, на Украине. В одной из публикаций «бурятским Ренатом Ибрагимовым» назвали бурятского певца Саяна Раднаева. Звучным аккордом в споре с «академиками» стала победа студента Свердловской консерватории Дугаржапа Дашиева в Киеве на Всесоюзном конкурсе им. Глинки, поделившего звание лауреата со знаменитым украинским тенором А. Соловьяненко.

А что такое дальние гастроль? Это доставка декораций, гостиница, питание двух сотен человек, билеты и прочий «пожар». К счастью, министр быстро нашел общий язык с талантливыми администраторами, директорами театров – Цыреном Аюржанаевичем Балбаровым и Дамдином Шараповичем Яхунаевым.

Еще в свой первый срок руководства Дамба Зодбич часто просил своего товарища, народного артиста СССР и депутата Верховного Совета страны Лхасарана Линховоина, по воспоминаниям дочери, заслуженной артистки РФ Даримы Линховоин, помочь «выбить» деньги для бурятской культуры в московских приемных: «Когда это удавалось, они радовались, как мальчишки...»

Детищем министра Жалсараева можно назвать Республиканскую библиотеку им. Горького, Улан-Удэнское хореографическое и музыкальное училища, Бурятский театр драмы, Республиканскую типографию. Его заслуга

в открытии в 1967–68-х годах республиканского театра кукол и этнографического музея-заповедника. И хотя эти два новых в сфере культуры Бурятии учреждения открылись после ухода Жалсараева с поста министра в 1966 году, готовил постановления об их открытии Дамба Зодбич вместе с Анатолием Герштейном. Лично приглашенный в 1965 году министром на должность первого заместителя, Герштейн на долгие годы, и в 1970-80-е, образовал с Жалсараевым эффективный тандем управленцев, гибкий и креативный. Между собой они общались на «ты».

– Будамшу, коль ты мудрец,
Объясни нам, наконец:
Кто здесь умный, кто дурак?
– Чтобы не попасть впросак, –
Отвечает Будамшу, –
Умных встать я попрошу.

Способность находить «умниц» не по «чину», а по таланту, вслед за героем своих стихов Будамшу, и их качества ставить на службу делу – сильная сторона министра Жалсараева.

«Дамба широко опирался на творческие способности не только талантливых организаторов-бурят, – пишет в воспоминаниях А.М. Герштейн. – Он был напрочь лишен ксенофобии. Среди его соратников были администраторы Иофин и Кузмерж, дирижеры Айзикович, Чудновский, Колобов, Кукушкин, балетмейстер Заславский и многие другие, стоявшие у истоков всесоюзной славы бурятского искусства. Лично я благодарен Дамбе за то, что помог мне самореализоваться, сделать то, что при других обстоятельствах и с другим руководителем было бы невозможно.

Его глубокий интернационализм был и идеологическим, и организационным качеством. Он проявлял его и в непростых межбурятских отношениях («восток-запад»), и в многочисленных интернациональных художественных акциях, и в неподдельной заботе о русской «семейской» и казачьей культуре, и в развитии эвенкийского творчества. Фольклорные национальные ансамбли из Бурятии всякий раз производили фурор на всесоюзных смотрах и лишней раз свидетельствовали о том, что в нашем регионе подлинное национальное согласие и дружба...

Особенно внимательно относился Дамба к своим сослуживцам. Как бы несолидно не звучало для руководителя, он «милел к товарищу людскою ласкою». Доброта была в его природе. Помню, как, поощряя за успешную работу молодого сотрудника, он по бурятскому обычаю касался носом его темени, как это делали в старину бурятские дедушки со своими внуками. Но доброта не мешала ему быть суровым и требовательным к аппарату, когда это диктовалось ситуацией».

В 1979 году Государственному ордену Ленина Бурятскому театру оперы и балета было присвоено почетное звание «Академический». Ранее, в 1977 году того же почетного звания был удостоен коллектив Государственного Бурятского театра драмы им. Х. Намсараева. Этому предшествовал успешный творческий отчет бурдрамовцев в Москве в мае 1976 года, гастроли в Ленинграде, Элисте.

Все эти факторы повлияли на решение Москвы о возведении в Улан-Удэ нового здания для академического коллектива. Строительство театра Бурятской драмы началось вскоре после присвоения высокого звания.

«Тогда наша квартира больше напоминала штаб, – говорит Валентина Зондуювна Жалсараева. – Столы в гостиной и на кухне были завалены чертежами и эскизами. Дело в том, что весь круг разнообразных вопросов строящегося здания Бурдрамы не мог чисто физически уложиться в рабочий день, и муж брал работу на дом. Особенно часто, до полуночи, задерживались у нас художники Дашинима Дугаров и Алла Цыбикова, так как министр персонально отвечал за интерьер и барельеф, за всю начинку театра, начиная с кресел и кончая системой синхронного перевода».

Результат этих ночных бдений жители Улан-Удэ смогли оценить в 1982 году, когда распахнул двери новый Бурдрам и поднялся занавес из конского волоса. В том же году театр был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

А в 1984 году в новом здании состоялась премьера спектакля «Будамшу», ставшего на десятилетия визитной карточкой театра, в котором органично звучал цикл стихов Д. Жалсараева о народном герое.

Простой парень Будамшу стал академиком.

МИНИСТР С ДУШОЙ ПОЭТА

«Надо учитывать, что всю жизнь Дамба Жалсараев находился рядом с не совсем обычными людьми, – отмечал его соратник А.М. Герштейн, – людьми творческими, неординарными, часто обидчивыми, отягощенными многими субъективными восприятиями и эмоциями. Каждый из них требовал собственного, особого подхода, и обращался к министру. Относительная стабильность творческого состава театров и концертных организаций того времени свидетельствует, что Дамба умел успешно разрешать творческие конфликты между руководством и коллегами, улаживать взаимоотношения».

Вспоминает народная артистка России Лариса Егорова:

«Жаркий май 1976-го. Москва. Малый театр. Творческий отчет Бурдрамы перед москвичами. Перед показом спектакля «Барабанщица», где я играю главную роль, все волнуются. Чужой театр, чужая гримерка, избалованный столичный зритель... За кулисами обстановка нервная. Напряженные лица. И вдруг в коридоре – как гром! – слышится заразительный смех. Это министр культуры Жалсараев «хохмит», просится в эпизод, где моя героиня

взбирается на стол и слегка обнажается... Напряжение как рукой сняло. Наша «Барабанщица» произвела фурор в Москве, на нее откликнулись ведущие издания, и, думаю, немало способствовала присвоению театру звания «академического». После спектакля Дамба Зодбич пришел за кулисы еще раз – уже с цветами.

1979-й. Декабрь. БАМ. Жуткий холод на улице и на сцене ДК в г. Северобайкальске, где должен состояться концерт. Артистов бьет дрожь. И тут – как волшебник! – на вертолете прилетает министр Жалсараев и рассказывает анекдот про чукчей. И весьма острый. Молодую артистку этот факт поражает до глубины души: «Как?! Министр, народный поэт?! Рассказывает анекдот!.. Не может быть!» На что я заметила: «Дорогая моя девочка, но ведь тебе после этого стало теплее?» Она удивленно кивнула...

Величие человека в его простоте. Эти слова в полной мере относятся к Дамбе Зодбичу. «Наш» министр был напрочь лишен чванства. Это сейчас невозможно артистам попасть к министрам, надо записываться за месяц вперед. А Жалсараев сам приглашал к себе в кабинет творческих работников. Поговорить «о жизни». А еще всегда приходил на юбилейные торжества артистической братии и коллег-писателей с собственными стихами-посвящениями. Так было и на вечере, посвященном присвоению мне звания народной артистки России. Знаете, я всегда чувствовала, что Дамба Зодбич где-то рядом... С удовольствием пела песни на его стихи. Особенно нравилась мелодия на музыку А. Андреева: «Жизнь не стоячая вода...»

Жалсараев сам не был «стоячей водой». В нем была уйма юмора и какой-то внутренней раскрепощенности, а в глазах то и дело мелькали «бесы». Эти «бесы», думаю, толкнули его к написанию лукавых четверостиший о Будамшу и для «Будамшу». В одноименном спектакле я играла роль Гэрэл и могу свидетельствовать, что успех и долгожительство постановки обязаны во многом стихам Д. Жалсараева. Да он сам иногда напоминал мне народного героя – добротой, озорством, высокой простотой философа и мудреца».

Рассказывает народный артист России Михаил Елбонов:

«Дамбу Зодбича я считаю своим вторым отцом. На поворотах судьбы он вовремя «перехватывал узду» и придерживал моего горячего коня. Начиная с того, что это он, будучи министром, в нарушение инструкций, с третьего курса Восточно-Сибирского института культуры «командировал» меня в ЛГИТМиК, в национальную студию в Ленинград. Когда позднее меня за «все хорошее» выгоняли из театра, я шел к Дамбе Зодбичу. Так было и в 1983 году на сдаче спектакля «Монгольское застолье». Директор заставил нас играть спектакль перед пустым зрительным залом три раза подряд! Все актеры были вымотаны, но помалкивали. А я не смолчал и сказал директору, что о нем в данный момент думаю. Назавтра в театре висел приказ о моем увольнении. Полгода я болтался без дела. Пока в дело не вмешался Дамба Зодбич. Вызвав к себе и по-отечески изругав для начала, он сказал: «Будешь на коленях ползти от рынка вверх до крыльца театра, понял!» Ослушаться «отца» я не

посмел. После «всенародного» покаяния меня приняли обратно. И вове-
мя. Как раз начинались репетиции «Будамшу», где мне доверили заглав-
ную роль. Главную роль моей жизни. В 2000-м году, когда наш «Будамшу» стал
совершеннолетним, в театре сыграли 1000-й спектакль! А стихи Жалсараева
о Будамшу осветили дальнейший мой путь. Я до сих пор с удовольствием чи-
таю их перед детской аудиторией, когда не первый год провожу республикан-
ский конкурс «Юный Будамшу». И стихи эти нравятся взрослым и детям...»

Вспоминает известный сибирский издатель и поэт Батор Тумунов:

«В 1960 году мы с Дондоком Улзытуевым целеустремленно и молча шли
по улице Кирова в сторону реки, где находилась популярная в массах шофер-
ская столовая, торговавшая пивом и прочими горячими блюдами. В карманах
звенела какая-то мелочь – оба сидели без работы, а Дондок, хоть и набирал
силу как поэт, до больших гонораров еще не дожил.

И тут невеста откуда «третий» – Дамба Зодбич, недавно назначенный ми-
нистром. Но ни рубля он нам не дал, а повел в гору, на площадь Советов. В
министерстве он распорядился издать приказ о зачислении нас в штат. Меня
назначили заведующим методическим отделом (в единственном числе), а
Улзытуева – зав. автоклубом. И Дондок принял по описи аккордеон, гитару,
домбру и теплую доху.

Так мы на пару начали колесить по районам республики, оказывая куль-
турные услуги населению. Например, в проведении «Праздника урожая».
Согревались дохой и проверенным народным способом. И так нам этот
«праздник» пришелся по душе, что Жалсараев сам же через год издал приказ
о нашем увольнении. Но мы были ему благодарны. Это был важный год –
в 1961-м у Дондока Улзытуева в издательстве «Советский писатель» вышел
сборник стихов «Млечный путь» в переводе Е. Евтушенко».

«Когда я беру с полки томик стихов и поэм Дамбы Жалсараева с его авто-
графом и датой «19.11.79», – пишет народный художник Бурятии Вадим Бро-
йко, – вспоминаю слова Виктора Шкловского, философа и историка литера-
туры: «Искусство запечатлевает изменения мира, искусство делает мир более
прочным, останутся стихи, они станут звонче, станет крепче рифма, потому
что они – причалы великих слов, то, что прошло, не прошло в искусстве»...
Невысокий, плотный, с волевым лицом, любящий юмор, – таким остался в
моей памяти Дамба Зодбич. От него исходило жизнелюбие и основатель-
ность, та основательность, что характерна для землепашца, крестьянина...

Дамба Зодбич много лет был министром культуры. К нему обращались
люди искусства и всегда максимально решался вопрос в пользу просителя...
Поэт, муж, дед, государственный деятель и просто душевный человек с заме-
чательной улыбкой. Когда я иду по улицам Улан-Удэ, мысленно здороваюсь с
мемориальными досками на фасаде зданий.

Я всех знал лично. И говорю сейчас: «Здравствуй, Дамба Зодбич! Вы
живы в памяти своими книгами. Ваши стихи – пища для размышления о
смысле жизни, о стране, в которой мы живем...»

Рассказывает директор Республиканского центра народного творче-
ства, заслуженный работник культуры РФ Н.Г. Дансорунова:

«В 1960-80-е годы, когда у руля культуры Бурятии был Дамба Зодбич, в
стране многое делалось по закреплению людей на селе. Культура рассматри-
валась как один из главных рычагов этой политики. Поработав в 60-х в сель-
ском ДК, с 70-х я трудилась в Министерстве культуры, в республиканском
Доме народного творчества и могу с уверенностью сказать, что Бурятия в те
годы накопила передовой опыт по подъему сельской культуры.

Во всех районах республики были созданы, одними из первых в стране,
организационно-методические центры народного творчества, позже КСК –
культурно-спортивные комплексы. В Бурятии к 1980 году действовало более
720 клубных учреждений. Достаточно заметить, что в 1971, 1975 и 1982 годах
в Улан-Удэ проводились Всероссийские совещания директоров домов народ-
ного творчества.

Это было следствием необычайно продуктивного союза министра и его
заместителя. Жалсараев и Герштейн взаимно дополняли друг друга, понимая
друг друга с полуслова. Помню одну деталь: вызванный в кабинет министра
«зам» вошел с непотушенной папироской в руке. В этом не было неуважения
или позы – люди просто работали, не теряя времени на «политес»... И Жал-
сараев, и Герштейн блестяще проводили балансовые комиссии – оба умели
считать деньги.

...Но у меня есть глубоко личная причина помнить Дамбу Зодбича –
за его чисто человеческие качества, природные такт и доброту. Пожалуй, об
этом можно сегодня говорить – время все расставило по своим местам...

Именно в те годы я встретила дорогого мне человека – Анатолия Андре-
евича Андреева. К несчастью, он был не свободен. Но наши чувства были се-
рьезны. Оказалось, эта частная извечная история интересна не только двоим.
Сфера культуры, увы, кроме прекрасного, подчас – мир зависти и сплетен.
И вот в этой атмосфере всеобщего осуждения «аморалки» нас вызывает ми-
нистр Жалсараев. Примерный семьянин, Дамба Зодбич принялся было уко-
рять Анатолия как мужчину: «Посмотри, до чего ты ее довел?» Но, оглядев
наши печальные лица, вдруг заговорил ласково. И предложил мудрый выход:
уехать на время в район. И работать там по специальности.

Я потом поражалось дальновидности Дамбы Зодбича – за те четыре года,
что мы пробыли в Кяхте, отношение к нам диаметрально поменялось. Бывая
в командировках, он обязательно навещал нас.

Мне кажется, то, что наш министр был поэтом – тонким, искренним, под-
сказало ему правильную оценку непростой ситуации.

Композитор Анатолий Андреев и поэт Дамба Жалсараев создавали гимн
Бурятии с любовью».

ЧЕЛОВЕК-ЭПОХА

В 2002 году Министерство культуры Республики Бурятия учредило премию имени Дамбы Жалсараева «За личный вклад в развитие культуры Бурятии». Первым ее лауреатом стал его соратник Анатолий Герштейн. А в 2006-м – его ученик Майдари Жапхандаев.

Впервые в советские годы при Жалсараеве в сфере культуры научились считать деньги. Именно экономический резон толкнул tandem Жалсараев-Герштейн к централизации основных отраслей культуры. Было организовано ТЭП – транспортно-экспедиционное предприятие, обслуживавшее всю республику. Была централизована библиотечная система. Было создано Объединение музеев. Если в 60-х в Бурятии насчитывалось всего два музея республиканского уровня, то в 70-х – втрое больше.

Открыли двери этнографический музей на Верхней Березовке, музей природы в Улан-Удэ. Кроме того, дополнительно – музеи советско-монгольской дружбы в г. Кяхте, декабристов – в Новоселенгинске, им. И. Бабушкина – в г. Бабушкине. А также десятки народных музеев. В 1980 году только государственные музеи посетило 410 тысяч человек, что почти в 4 раза больше, чем в 1970 году.

К началу 80-х в республике действовала полноценная отрасль культуры: 721 клуб и ДК, 590 массовых библиотек, 797 киноустановок, 4 театра и филармония, 5 творческих союзов. Тираж книг местного издательства перевалил за миллион. Опыт Бурятии неоднократно обобщался Министерством культуры РСФСР. Улан-Удэ был избран местом проведения мероприятий всесоюзного и всероссийского значения. Всесоюзная лаборатория руководителей научно-методических центров народного творчества, всесоюзный семинар музейных работников, семинар-совещание библиотечных работников России с участием представителей союзных республик, первый всероссийский фестиваль «Молодые голоса и молодой балет России», выездные заседания секретариата советских композиторов и правления Союза писателей РСФСР, Всесоюзная выставка произведений художников.

Впервые прошедшие в 1963 году выездные Дни русского искусства и литературы в Бурятии положили начало проведению таких дней далеко за ее пределами. Ответные Дни бурятской культуры в разные годы проходили в Москве, Ленинграде, на Украине, в Прибалтике... Большой резонанс получили выставки изобразительного искусства в столичных залах, республиках Средней Азии и Кавказа. Маршруты гастролей бурятских артистов пролегли по всему миру.

Опыт Жалсараева-министра не пропал. Его значимость – в наметившейся в сегодняшних рыночных условиях централизации культуры и возрождении понятия госзаказа.

Жалсараев, человек-эпоха, дав имя премии, и сам при жизни не был обделен наградами и званиями. В 1973 году ему было присвоено звание

народного поэта Бурятии и лауреата Государственной премии Бурятской АССР. Дамба Зодбич был удостоен, помимо боевых наград, орденов «Знак Почета», Трудового Красного Знамени, Октябрьской революции, Дружбы народов. А в 1986 году, подытоживая многолетний труд министра, его наградили орденом «За заслуги перед Отечеством».

Заслуги его неоспоримы.

«Дамба Жалсараев – министр среди поэтов и поэт среди министров». (Ардан Ангархаев).

Министр с душой поэта и «строгий счетовод», Д.З. Жалсараев к середине 1980-х, к началу радикальных перемен в стране, создал с единомышленниками концептуальную поэму, в которой рифмовались холодная цифра и жаркое вдохновение.

Алгоритм культуры, действующий и в XXI веке.

ПЕРЕВАЛ ПЯТЫЙ

Дамба Зодбича

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ(1960–1990-е)

«ДРУЗЬЯ, ПРЕКРАСЕН НАШ СОЮЗ!»

Разнообразна общественная деятельность Дамбы Жалсараева – как разнообразны творческие жанры поэта. Зачастую он занимался ею параллельно с основными обязанностями. Депутат Верховного Совета Бурятской АССР (в те годы должность была не освобожденной), председатель правления Союза писателей и комитета по государственным премиям, Председатель Российского комитета по связям с писателями стран Азии и Африки, совета старейшин при Президенте Республики Бурятия и бурятского отделения Советского (Российского) фонда культуры.

Но видный государственный и общественный деятель Жалсараев прежде всего был литератором.

«Едем, бывало, в командировку на машине, – вспоминал первый заместитель министра культуры Н.Ф. Тихоненко. – Мимо проплывают горы, реки, степь... Вижу, министр притих, глядя в окно. Знаю, его лучше не тревожить. Мне Дамба Зодбич как-то «жаловался», что потребность сочинять не покидает его ни днем, ни ночью».

Писательский стержень сидел в нем глубоко. Дамба не раз говорил товарищам-писателям, что, будь такой выбор, он, не задумываясь, променял бы все свои регалии и должности на звание поэта. К литераторам он относился по-братски. Иногда разгоряченная ватага коллег заваливалась в кабинет министра. Дамба Зодбич, спешно перепоручив обязанности своему боевому «заму», заводил самых дорогих непрошенных гостей в гостевую комнатку и говорил секретарше, что он «занят».

Вслед за великим поэтом, он мог совершенно искренне воскликнуть: «Друзья, прекрасен наш союз!»

Это трепетное отношение к товарищам по ремеслу идет от уроков Хоца Намсараева. От того «лицейского» духа, витавшего в 50-х в общежитии писателей на Верхней Березовке. Жалсараев, не имея жилья в городе, ютился тогда с женой и тремя детьми в комнате дачного общежития. Кулаковские дачи были названы в честь купца Кулакова, который когда-то за городом

держал конюшню. Молодой поэт говорил, что это добрый знак – то и дело в шуме окружающих сосен ему слышался перезвон стремян...

А еще он слышал, как стучит по ночам пишущая машинка Цэдена Галсанова; как храпит за стенкой, отсыпаясь после бессонной ночи и разбросав исписанные листы, Дондок Улзытуев; как поет Намжил Балдано – значит, пьеса спорится; как громко режутся в карты писатели Хоца Намсараев и Жамсо Тумунов против композиторов Бау Ямпилова и Дандара Аюшеева; видел, как идет к ручью, к своему «рабочему столу», Барадий Мунгонов; как декламирует свеженаписанные строки Солбон Ангабаев; как, раздевшись по пояс, Мэлс Самбуев вызывает на бурятскую борьбу коменданта Кулаковских дач Шурыгина; как тихо курят в беседке Никифор Рыбко и Семен Дунаев; как гуляет поодаль, обдумывая что-то, Чимит Цыдендамбаев... Многие, как и Жалсараев, в застиранной военной форме.

В 1967 году Дамбу Зодбича избрали председателем Союза писателей Бурятии, и он пробыл на этом посту два срока, до 1975 года. Работалось ему легко, с душой. Товарищи единогласно оказали доверие Жалсараеву еще и потому, что помимо творческих заслуг, он был хорошим организатором и многое сделал для писательского цеха.

Например, в 1966 году Бурятское книжное издательство, курируемое Минкультом, выпустило почти две сотни изданий художественной, научно-популярной и другой литературы на бурятском, русском и монгольском языках тиражом в 830 тысяч экземпляров.

Именно тогда увидели свет стержневые для бурятской литературы произведения – пятитомное собрание сочинений Хоца Намсараева, первая бурятская трилогия «Похищенное счастье» Даширабдана Батожабая, две книги Чимита Цыдендамбаева о Доржи Банзарове, произведения Жамсо Тумунова, Намжила Балдано, Николая Дамдинова, Шираба Нимбуева, Барадия Мунгонова, Африкана Бальбутова, «Антология бурятской поэзии». Был издан народный эпос «Гэсэр».

Это был агент-нелегал, засланный писательским союзом во властные структуры, потому что знал чужой «язык». И «легенда» у него была безупречная.

Одновременно являясь секретарем правления Союза писателей РСФСР, Д.З. Жалсараев целенаправленно «пробивал» произведения бурятских литераторов в столичных издательствах.

Рассказывает бывший главный редактор журнала «Байкал» писатель Сергей Цырендоржиев:

«Что для писателя главное? Книга, публикация. Дамба Зодбич это хорошо понимал. В 1975 году Жалсараев, Дамдинов и я, недавно назначенный редактором журнала «Байкал», находились в Москве на пленуме Союза писателей РСФСР. У Дамбы Зодбича тогда был «переходный» период: он вновь назначался министром культуры и, видимо, хотел передать не только бразды правления союзом писателей, но и свои связи преемнику Николаю Дамдинову. Мы жили в гостинице «Россия». И я, тогда молодой писатель, поражался

обширным знакомствам нашего председателя в Москве и в многонациональной России. «Дамба!» – хлопали его по плечу Кайсын Кулиев, Алим Кешоков, Мустай Карим, Семен Данилов, Владимир Санги, Григорий Ходжер, Юван Шесталов. Дамба Зодбич старался познакомить меня со всеми главными редакторами региональных журналов в перерывах съезда. А когда съезд подходил к концу, распорядился купить авиабилеты на два дня позднее назначенного. Мы заказали такси. Эти два дня, по задумке Жалсараева, были посвящены налаживанию контактов с литературной Москвой. Что было крайне важно.

Мы побывали во всех ведущих столичных издательствах – «Современник», «Советская Россия», «Советский писатель», «Детгиз», даже в издательстве «Малыш», в Союзе писателей СССР на Воробьевых горах. В «Современнике» главный редактор Ю. Прокушев, кстати, преподаватель в Центральной ВПШ в годы моей учебы в конце 60-х, угостил нас кофе. В «Советской России» нас приветствовал главный редактор отдела национальной литературы В. Шкаев, большой друг Бурятии, многое сделавший для издания и переиздания наших писателей (в том числе «Жестокого века» И. Калашникова).

В «Советском писателе» главный редактор М. Тамм нашего М. Жигжитова назвал «байкальским Дерсу Узала». В «Детгизе» мы договорились об издании сборника бурятских писателей. Побывали мы и у главного редактора журнала «Дружба народов» Сергея Баруздина. Ну, а в Союзе писателей СССР его секретарь и председатель СП России Сергей Михалков встретил нас на крыльце словами: «Дорогие мои буряты!» И обнялся с Дамбой Зодбичем. А подошедший известный прозаик Сергей Сартаков (у него жена бурятка) проявил осведомленность: «Я слышал, Дамба, ты уходишь из союза министром культуры?»

В результате в 1977–78 годах в Москве были опубликованы произведения 17 (!) бурятских писателей – И. Калашникова, В. Корнакова, Л. Тапхаева, А. Ангараева, М. Жигжитова, Г. Раднаевой и других. Вот так работал Дамба Зодбич.

Помню, когда Сергею Сартакову представили меня в качестве нового главного редактора журнала «Байкал», он воскликнул: «Ух ты, какой молодой!» И вправду, я был самым молодым среди российских коллег – мне было 36 лет. А выдвинул мою кандидатуру председатель Союза писателей Жалсараев. Дамба Зодбич всегда заботился о молодой смене».

Одним из первых шагов Жалсараева как писательского вожака была организация в 1967 году республиканской конференции молодых писателей. В дальнейшем форумы начинающих литераторов проходили регулярно, на которых было открыто немало новых имен.

«Помню доброе напутствие министра Жалсараева в 1964 году, – вспоминает Чингиз Гурьев, – нам, выпускникам, перед отъездом в Ленинград. Его улыбку, его слова о том, чтобы берегли себя, не расстраивали своих родных. Это была наша вторая встреча. Я хотел подойти, сказать, что помню его стихи, которые он читал в нашей школе... В 1969 году я стал артистом

бурятского театра драмы им. Х. Намсараева. Но писать стихи не бросил.

Начиная с 70-х, когда Дамбу Зодбича избрали председателем Союза писателей Бурятии, наши встречи продолжились. Он доброжелательно разбирал мои первые опыты. И настал тот день, когда Дамба Зодбич, переглянувшись со своим заместителем Исаем Калистратовичем Калашниковым, молвил с улыбкой: «Ну, хорошо. Я вижу, ты созрел для книги». И в 1975 году моя книжка стихов «Харгы» («Путь») увидела свет в Бурятском издательстве».

В отношении уже состоявшихся мастеров пера Бурятии Д.З. Жалсараев продолжал тактику налаживания контактов с центральными издательствами. В первой половине 70-х в Москве вышло около 50 книг прозаиков и поэтов из-за Байкала. До десятка книг наших писателей вышло также в Киеве, Алма-Ате, Минске, Новосибирске, Иркутске. В географию изданий также вошли Чехословакия, Венгрия, ГДР, МНР. Это такие значительные произведения, как романы И. Калашникова «Разрыв-трава», Ц. Жимбиева «Год огненной змеи», «Подлеморье» М. Жигжитова, повести Ц. Цырендоржиева и В. Корнакова, сборники стихов А. Бадаева и Д. Жалсараева.

Во всех концах необъятного СССР был известен орган Союза писателей Бурятии журнал «Байкал» – его выписывали в 11 странах мира. Тираж журнала в начале 70-х доходил до 18 тысяч экземпляров.

Немало было сделано Д.З. Жалсараевым в деле социальной защиты литераторов, в результате чего «квартирный вопрос» не испортил творческие взаимоотношения в писательском сообществе.

В какой-то мере подытожил период руководства Д. Жалсараевым литературным цехом факт присуждения в 1975 году народному поэту Бурятии Н. Дамдинову Государственной премии РСФСР им. Горького за книги стихов и поэм «Новая земля» и «Апрель». Это была победа всей бурятской писательской общественности, приковавшая на долгие годы к республике за Байкалом пристальное внимание Москвы.

Мнение председателя Союза писателей Бурятии М.Р. Чойбонова: «Нынешнее поколение бурятских писателей изучает не только творческое наследие выдающегося поэта Дамбы Жалсараева, но «перечитывает» и его неординарный административный опыт, опыт общественного деятеля. Например, по сплочению писательских рядов. Это особенно важно в современных непростых реалиях».

И в административной должности министра Дамба Зодбич стремился помогать собратям по перу. Он, например, готовил и проводил вместе с другими функционерами выездное заседание Секретариата правления Союза писателей РСФСР в Улан-Удэ в июле 1978 года. В Бурятию прибыли лауреат Ленинской и Государственной премий СССР Юрий Бондарев и секретарь правления СП России Николай Шундик. В своем докладе «Основные тенденции в развитии прозы бурятских писателей, созданной в 70-е годы» Н. Шундик, в частности, отметил творчество стремительно вошедшего в литературу В. Митыпова и его роман «Долина бессмертников».

Народный писатель Бурятии, лауреат премии Союза писателей РСФСР Владимир Митыпов предложил свои воспоминания о старшем товарище специально для данного очерка.

В.Л. МИТЫПОВ: «ВСПОМИНАЯ ПОЭТА...»

*«Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были!..»
В.А. Жуковский «Воспоминание»*

Маяковский однажды сказал: «Я – поэт, тем и интересен».

И в самом деле: от поэта векам остаются именно стихи, а не похождения его брэнной оболочки на этой достаточно грязной земле.

Обыватель волен сколь угодно мусолить имя, допустим, Оскара Уайльда – для потомков же он навечно останется создателем «Баллады Редингской тюрьмы», остальное – тлен.

Если взять ближе, можно опять-таки на все лады судачить насчёт неустроенной жизни Николая Рубцова, однако над чередой годов и десятилетий, поверх скоротечной суеты бытия и болтовни политиков, в торжественной тишине ночного российского неба, среди иных-прочих негасимых созвездий, всегда будет сиять вот это:

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Хотите воздать должное поэту – возьмите томик его стихов, откройте на любой странице и... вот это и будет наилучшим его памятником.

...Так уж получилось, что над поэзией Дамбы Жалсараева годами витала репутация сугубо «правильной» и, может быть, не без оснований: ну как же-с, автор государственного гимна Бурятии!

Но всё же, но всё же...

Наш человек, с молодых ногтей воспитанный на Пушкине, пребывал и пребывает в интуитивной уверенности, что «стихи похожи на их автора». Собственно, так оно и должно быть, вопрос лишь в том, как понимать эту похожесть.

Известен курьёзный случай, имевший место при первой встрече двух поэтов – Александра Блока и Андрея Белого. Оба они были ещё очень молоды, дело было в конце 1903 года. Белый и его московские друзья, находившиеся в восторге от религиозно-мистических, смиренных, болезненно-утонченных стихов незнакомого им петербургского декадента, уже успели нарисо-

вать для себя его «лирический портрет».

«Белый воображал автора этих стихов человеком малорослым и тщедушным, с постным лицом послушника и зачёсанными назад небогатыми волосами. А перед ним стоял статный и широкоплечий, с военной выправкой кудрявый здоровяк с равномерно обветренным, без вспышек румянца, но как бы загорелым лицом, напоминающим доброго молодца русских сказок. Где же «мои восковые черты»?

Нет, – вспоминал позже Белый, – всё это было не Блоком, давно уже жившим во мне, Блоком любимых мною стихов... Впечатление от реального Блока застало врасплох; что-то подобное разочарованию подымалось...» (Вл. Орлов. Гамаюн. М. Изд. «Известия». 1981).

...Отлично помню тот летний вечер 1966 года, когда я зачем-то заглянул в журнал «Байкал», помещавшийся тогда в полуподвальном этаже ныне уже снесённого дома по ул. Коммунистической.

У А.А. Бальбунова сидели двое – один из них Л. Линховоин, а второго хозяин кабинета пафосно представил как поэта и, словно воспаряя над столом, продолжил: «...а в недавнем прошлом – министр культуры. Кто из нас может когда-нибудь похвастаться, что был министром?!»

Честно: «поэт» скользнуло для меня как-то сторонкой, а вот «министр» – это звучало. К этому предрасполагала и внешность его: невысокий, полноватый, лицо – округлое, свежее, из тех, о каких говорят «симпатичное». И вообще – обаятелен, приветлив, добр и умен.

Министр? – А почему нет!..

Поэт? – Что ж... возможно...

К тому времени я уже был знаком, например, с Дондоком Улзытуевым. Вот это, по моему тогдашнему разумению, несомненно был поэт. И доныне помнятся его глаза – какие-то нездешние, подёрнутые какой-то дымкой, словно взирающие из другого времени, из иных пространств.

Или вот Даши Дамбаев. Весь порывистый, с рваными, неожиданными движениями. С неуютной для собеседника сумасшедшинкой во взоре. Иногда начинающий странно жестиковать и бормотать что-то невнятное, колдовское, шаманское... Может, таким был несравненный Хлебников, «председатель земного шара»?

Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,
Лиэээй – пелся облик,
Гзи-гзи-гзээ пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.

Кошмар. Но – ведь Поэзия. Велимир Хлебников.

* * *

Прошли годы.
...Снова открываю сборник Дамбы Жалсараева. Стихотворение. Без названия.

Время такое ли, старость ли ближе,
Только нет сладу мне с сердцем моим:
Юношу с девушкой рядом увижу
И – несказанно обрадуюсь им.
Любо смотреть мне, как медленно бродят,
То веселясь, то молчанье храня.
За руки взявшись, подолгу не сводят
Взглядов друг с друга, не видя меня.
Радуюсь им... Только пару иную
Мысленно вижу в родной стороне –
Прожитых лет перевалы минуя,
Милая пара шагает ко мне.

(Пер. Владимира Липатова).

Спрошу: уж если это не чистейшей воды элегия, то что же?

* * *

...Существует так называемая медитативная лирика, это – раздумья поэта о жизни и смерти, о вечном и сиюминутном, о любви и природе, о времени и о себе. Таковы, например, знаменитые «Стансы» Пушкина.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас –
Мы все сойдём под вечны своды,
И чей-нибудь уж близок час.

.....

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

Как мы знаем, вообще медитация – это размышление, пребывание человека в углубленной сосредоточенности, попытка заглянуть «в иные миры». Для лирического поэта состояние самое естественное.

И каждый поэт, как может, пытается по-своему разрешить вечную загадку жизни и смерти.

Пушкин: «И пусть у гробового входа / Младая будет жизнь играть».
Смерти нет – есть вечное возрождение.

Вот и наш поэт Жалсараев говорит о том же: «Прожитых лет перевалы минуя, / Милая пара шагает ко мне».

Надо ли истолковывать?..

Надо ли доказывать, что первооснова творчества «правильного» поэта Дамбы Жалсараева – именно лирическая?

Медитативная, добавил бы я, имея в виду буддийскую ментальность его предков.

* * *

Возглавив где-то во второй половине 60-х Союз писателей Бурятии, Дамба Зодбич тянул эту лямку почти 10 лет.

Почему «лямку»?

Давно замечено: творческая публика – народ тяжёлый.

Еще К.С. Станиславский шутил: актёры, они же как дети, – и после паузы уточнял, – сукины дети.

Писатели тоже были люди не без норова.

Видите ли, тогдашняя писательская организация состояла из колоритнейших людей. Представьте себе: Н. Балдано, Д. Батожабай, М. Степанов, Д. Улзытуев, И. Калашников, Ц.-Д. Дондокова, Н. Дамдинов, Ч. Цыдендамбаев, В. Корнаков, В. Найдаков, Ц. Галсанов, А. Бальбуров, Б. Мунгонов, А. Уланов, Ц. Шагжин, М. Жигжитов, Ц. Галанов, Ц.-Ж. Жимбиев, Ц. Номтоев...

Каждый – личность. У каждого ИМЯ (а не только фамилия). У каждого самолюбие (и даже капризы). Каждый сам себе начальник. Такими не шибко-то покомандуешь.

И тем не менее тогдашняя жизнь Союза писателей Бурятии шла спокойно, слаженно. Все занимались своим делом. У всех была уверенность в завтрашнем дне. Не могу припомнить ничего такого, к чему можно было бы прилпать столь соблазнительное сегодня словцо «скандал».

В немалой степени это было следствием того, что Зодбич по натуре своей был очень деликатным человеком. Ценил юмор и сам умел пошутить. У всех, кто общался с ним, воспоминания о нём зачастую оказывались окрашенными добрым юмором.

Секретарь Союза писателей Украины (если не ошибаюсь, Петро Ильич Осадчук) как-то уверял меня, что во время пребывания на Байкале украинской писательской делегации родилась коллективная эпиграмма:

Говорил Дамба Зодбич,
Обращаясь к музе:
«Пьянка это просто бич
В творческом союзе!»

...Очередной съезд Союза писателей РСФСР проходил в Кремлёвском дворце. От гостиницы «Россия» – рукой подать. Рано утром мы прошли через Спасские ворота и, миновав затем многочисленные внутренние пе-

реходы, оказались в обширном помещении (которое так и подмывает назвать «палатой») – здесь для делегаций был приготовлен завтрак. Пока шло неспешное рассаживание, мы небольшой группкой задержались у входа. Мы – это Зодбич, Владимир Петонов, я, еще кто-то.

В номер к Петонову накануне вечером приходили его друзья, московские поэты. Естественно, имело место весёлое застолье. И вот теперь он, явно плохо спавший, хмуро оглядывал обширный зал, уставленный белоснежными столами.

– Тяжело? – сочувственно спросил Зодбич.

Володя что-то пробурчал.

– А ты вот что... Видишь вон тех парней?

Вдоль стен и кое-где в проходах стояли элегантные, как манекены в витринах, парни в одинаковых черных костюмах, ослепительных рубашках, при темных галстуках.

– Они здесь, чтобы помочь гостям, – объяснил Зодбич с самым серьёзным видом. – Потихоньку попроси у них грамм сто коньяку.

Поначалу оживившийся было Петонов окаменел с презрительно вскинутой головой и сделал вид, что ничего не слышал. Потом он не раз возвращался к тому случаю и похихатывал: «Нет, но ты помнишь, а? Шутник, хотел меня прямо в лапы кремлёвским кагэбэшникам! Да он сам бывший кагэбэшник!..»

Тут Володя загнул – Дамба Зодбич был из «погранцов», выражаясь по-нынешнему. Пограничник военного поколения.

...А вообще-то то время было довольно-таки непростым. Именно тогда в среде «столичной интеллигенции» зарождалась и набирала силу «любовь к трём апельсинам». Дамба Зодбич всё это прекрасно понимал, поскольку часто бывал в Москве, в «Большим Союзе» (так в своей среде называли Правление Союза Писателей СССР). Там он в формальной и неформальной обстановке общался со своими давними друзьями поэтами и был в курсе всех идейных брожений того времени. И, разумеется, это не проходило для него бесследно.

Не выходит из головы один случай.

Как-то среди лета, солнечным субботним утром (это было где-то в конце 60-х) я сунулся – теперь уж не припомнить, зачем, – в редакцию журнала «Байкал». Добрейшая вахтёрша, знавшая нас всех наперечёт, сообщила, что в редакции никого, а вот наверху кто-то есть. На втором этаже размещался Союз писателей.

Этот «кто-то» оказался Зодбичем. Он был хмур и взъерошен. На длинном совещательном столе – пальто, свёрнутое в виде подушки. Едва увидев меня, он без лишних слов достал деньги: «Сбегай». Что ж, поручение аксакала у нас в Азии не обсуждается.

Не помню уж, какую дрянь я нашел, но это точно было не шампанское.

– Вчера из Москвы прилетел, – сказал он, начиная светлеть лицом. –

Был у Георгия Маркова... Сложно там...

(Георгий Мокеевич Марков много лет руководил Союзом писателей СССР).

Таким расстроенным Зодбича я никогда не видел, поэтому не стал спрашивать. Постепенно разговор свёлся к обычным делам, и лишь напоследок он вдруг бессвязно изрёк, явно отвечая на какие-то свои мысли:

– Мелкотемье... Писать не о чём... Критиковать нельзя...

Я его поддержал, как говорится, на все сто...

Мы все мечтали о свободе. И вот она пришла...

«Там разрешается ползать нагишом по полу, выть шакалом, беситься и кушаться... Там такая свобода, что и социалистам не снилась. Там можно выдавать себя и за господ бога, и за божью мать... Еще был там такой, который всё кричал, что он архиепископ. Этот ничего не делал, только жрал, да еще, с вашего позволения, делал то, что рифмуется со словом «жрал». Впрочем, там никто этого не стыдится... Там каждый мог говорить всё, что взбредёт ему в голову, словно в парламенте... Вообще жилось там, как раю...»

(Из воспоминаний Йозефа Швейка о пребывании в сумасшедшем доме).

Николай Дамдинов любил повторять: «Писательский труд – одинокий труд». Не могу похвастаться тем, что видел за работой, допустим, Исаю Калашникова. Или Даширабдана Батожабая. Да, пожалуй, и никого другого. За исключением Дамбы Зодбича Жалсараева.

В те годы зимой на Верхней Берёзовке бывало просторно. Снег, солнце, сосны. Дома отдыха, профилактории и другие заведения этого же профиля цепенеют в земной тишине и малолюдстве. Тогда это было отличное место для работы. Не знаю, как сейчас.

Я уже дня два-три как заселился, когда появился Зодбич. Мы почти ежедневно встречались с ним в прилегающих сосновых аллеях. И что характерно: человек исключительного дружелюбия и гостеприимства, он ни разу не сказал, что вот, мол, надо бы как-нибудь вечером собраться, посидеть, поговорить.

По ночам у него в комнате допоздна горела настольная лампа, он её привез с собой. Я её видел, и она мне понравилась. Красного цвета, на суставчатой ножке с пружинами, можно привинтить к столу в любом удобном месте. Иногда на освещённой занавеске возникала тень, размеренно, неспешно двигалась. Туда-сюда, туда-сюда...

В ту зиму я писал «Геологическую поэму». Порой оказывался в безнадежном тупике, переставая что-либо соображать. Раздражался, терял терпение. Торопливо одевался и выходил на мороз.

Освещенное окно Зодбича невольно притягивало взгляд. Было в этом окне что-то солидное, успокаивающее. Я бы назвал это незримой дружеской поддержкой.

Безмолвный зимний лес. Игольчатые зимние звёзды. Тишина.

Повиливая косматым хвостом, подходил беспородный пёс со странным именем Долбенко (как объясняли здешние работницы, это была фамилия уволившегося кочегара, его прежнего хозяина). Он сочувственно вздыхал, садился рядом и тоже глядел на окно – наверно, оно ему тоже нравилось...

Я возвращался к столу, к рукописи, и одинокий труд переставал казаться столь уж одиноким.

Такие это были ночи. Давно это было.

Жизнелюб и оптимист, Дамба Зодбич Жалсараев был прекрасным человеком, жившим в прекрасное время в прекрасной стране...

ЗНАМЯ ГЭСЭРА

*Сказал же кто-то – странный мы народ:
Что видит он, о том бурят поет:
Но разве лучше, если человек
О том поет, что не видал вовек?*

Народный поэт Бурятии Баир Дугаров, на рубеже 1980-90-х возглавивший писательскую общественную организацию республики, считает: «С началом реформ, в трудный период 90-х поэт Дамба Жалсараев не изменил своей лире, следованию бурят-монгольской традиции – и в творчестве, и в общественной деятельности. Тропа Гэсэра, на которую мы ступили благодаря усилиям Дамбы Зодбича, вывела на верный путь и помогла одолеть самый трудный перевал...»

«Возвращается человек к воде, которую в детстве пил...» – завершающие строки эпоса о Гэсэре могут послужить эпиграфом к последнему периоду творчества поэта и его общественной деятельности на посту председателя бурятского отделения Советского (Российского) Фонда культуры. Им он стал в 1987 году.

Еще в 1973 году на форуме писателей стран Азии и Африки в г. Алма-Ате полпред из-за Байкала Жалсараев, отметив, что «начало искусства слова – в фольклоре», подчеркнул: «Подтверждением тому может служить культурное наследие моего родного народа – бурятский эпос, сказание о богатыре Гэсэре».

«Бурятская поэзия с древних времен таит в себе очарование обыденности, спаянной с вымыслом, прозы повседневной, нередко трудной жизни, озаренной сказочным светом фантазии. Говоря о древней бурятской поэ-

зии, я имею в виду, конечно, прежде всего изумительный эпос «Гэсэр», где люди борются с извечными силами зла, чтобы привольно жить в стране «ранних жаворонков». Дамба Жалсараев – потомок тех, кто сказывал «Гэсэр». (С. Липкин).

Общественная деятельность поэта после официального ухода на пенсию совпала с известными переменами в стране. В условиях распадающегося Союза ССР и роста национального самосознания на его окраинах резко обнажились негативные тенденции, до того замалчивавшиеся. В Бурятии это были ассимиляция родного языка, нивелирование его до вульгарно-бытового уровня, забвение молодым поколением традиций и культуры предков.

Консолидация народного духа могла состояться лишь в «седле устного сказа», в пути – подъем к его истокам означал эмоциональный подъем в условиях экономического упадка и политического разброда, в борьбе «с извечными силами зла». Жалсараев и его соратники понимали, что лишь сохранение культуры в переходный период гарантирует достойную жизнь в будущем. Родник слова, к которому припал поэт, дал ему силы подняться на «обо».

Вспоминает видный государственный и общественный деятель Бурятии Г.Н. Манжуев:

«Мне посчастливилось знать многих бурятских поэтов. Но ближе всех по своим человеческим качествам, по своему творчеству был Дамба Жалсараев. Знаю наизусть не один десяток его песен, стихов, афоризмов. Мне довелось работать с ним в одной упряжке в начале 90-х, когда, как заместителю председателю Совмина, мне было поручено возглавить Комиссию по государственным премиям в области науки, литературы и искусства. Ответственным секретарем комиссии был Дамба Зодбич. Мы откровенно обсуждали многие вопросы, касающиеся не только комиссии...

Долгие годы Дамба Зодбич страдал ревматизмом ног. С возрастом болезнь осложнилась сахарным диабетом. Был случай, когда после юбилея народной артистки СССР Галины Шойдагбаевой я подвез его с супругой к подъезду дома. Выйдя из машины, он неожиданно сел на холодную землю. Я без раздумий поднял Дамбу Зодбича на руки и занес на третий этаж. С гордостью подумал про себя: вот где пригодилась спортивная закалка. А что бы я делал, если бы не смог поднять дорогого человека, провалился бы от стыда...

В декабре 2001 года в один из приездов из Монголии, я решил во что бы то ни стало посетить моего кумира. С искренней радостью встретил меня хозяин дома. Вид и состояние поэта были тяжелыми, но дух и голос оставались по-прежнему бодрими. Мы прошли на кухню, где всегда гостеприимная супруга Валентина Зондуевна накрыла на стол. Дамба Зодбич подарил мне новую книгу, которая оказалась последним изданием при жизни... Надев очки, он с трудом подписал сборник «Таежная, озерная, степная...», который я храню как реликвию: «Моему дорогому и всегда любимому Геннадию Николаевичу с пожеланиями добра, счастья и благополучия. Твой Дамба. 20 XII 2001 год».

Рассказывает бывший заместитель председателя Президиума Бурятского отделения Российского Фонда культуры, член Союза писателей России Ю.И. Будаев:

«Прежде чем поднять знамя Гэсэра на гору «обо», была проделана немалая подготовительная работа. Мы начали в конце 1980-х с малого. В городских и сельских школах наш фонд в сотрудничестве с учительством проводил конкурсы на лучшее сочинение о «своей родословной», о «малой родине». Мы начали ездить по селам и устраивать вечера родного языка и истории. Иволга, Оронгой, Хурамша, Селенгинск, Жаргаланта, Додогол, Мухоршибирь, Шаралдай, Хонхолой... Мы опекали не только бурятскую культуру, но и семейскую, казачью, эвенкийскую.

В клубах и сельских ДК устраивались стенды по истории родного края, с древом родословных земляков. Дамба Зодбич сам читал свои стихи, привлекал к поездкам коллег А. Бадаева, Ц.Д. Дондогой. Одновременно в печати и на телевидении совместно с журналистами были запущены тематические циклы «Духэриг», «Истоки». В эти же годы Бурятское книжное издательство выпустило «Сокровенное сказание монголов». Фонд способствовал его популяризации, привлекая для встреч с читателями поэтов В. Намсараева, Л. Тапхаева, Г. Чимитова, Ч.-Р. Намжилова. Подготовив соответствующую «почву», мы замахнулись на проведение мероприятий, посвященных 1000-летию «Гэсэриады». В 90-х это было сделать очень сложно...

Опытный администратор, Дамба Зодбич говорил нам, сотрудникам фонда культуры: «Хорошая идея должна быть оформлена на хорошем уровне. Готовьте бумаги, а я буду их пробивать. Быть «ходоком» мне не привыкать...»

В июне 1989 года состоялось совещание научных и творческих работников. Оно научно обосновало 1000-летие Гэсэриады, что было крайне важно. Оформился костяк единомышленников, штаб Гэсэриады, в который вошли доктор наук Алексей Ильич Уланов и Михаил Петрович Хомонов, председатель Союза писателей, поэт и историк Баир Дугаров. Ну и, конечно, Дамба Зодбич. В «коридорах власти» он привлекал к нашей идее все новых сторонников. Проведение 1000-летнего юбилея эпоса горячо поддержал Геннадий Николаевич Манжуев, зам. председателя Совмина.

По просьбе Дамбы Зодбича наш замысел приветствовали его товарищи, известные советские писатели. Первым откликнулся лауреат Государственной премии РСФСР Владимир Солоухин: «Гэсэр», несомненно, заслуживает торжественного празднования. Это был бы праздник не только бурятского народа, но наше братское общенациональное торжество... Я за то, чтобы отпраздновать тысячелетие «Гэсэра» особо и всенародно».

В таком же духе выразился и народный поэт Калмыкии Давид Кугультинов.

Нашими усилиями было подготовлено постановление Президиума Верховного Совета БурАССР от 15 ноября 1990 года, в котором первая строка такова: «Согласиться с предложением Президиума Бурятского отделения Советского фонда культуры о проведении летом 1995 года фестиваля

«Эпос «Гэсэр» – сокровище народов Центральной Азии».

И начались будни подготовки к фестивалю – она заняла целую пятилетку. Были изданы буклеты о каждом из сказителей эпоса: П. Петрове, А. Тороеве, П. Тушемилове, ученых-фольклористах Ц. Жамцарано, Б. Барадине, М. Хангалове, книги, сувениры, календари. И здесь неоценима роль Дамбы Зодбича (кстати, он трудился председателем на общественных началах, бесплатно).

Черновая работа, которую он делал, обеспечила успех замысла. Он говорил, что в условиях тотального дефицита для продвижения идеи нужен «бензин» – в прямом и переносном смысле. Хотя бы для того, чтобы доставить знамя на его историческую родину. Знамя Гэсэра было поднято 17 августа 1991 года в селе Хадахан Нукутского района Усть-Ордынского округа на родине улигершина П. Петрова. Был разработан пятилетний маршрут сакрального штандарта по этнической Бурятии, по обе стороны Байкала.

И, действительно, то и дело возникала проблема с «бензином» – автобус, артисты, гости, их размещение и питание. Дамба Зодбич, как он шутил, «работал лицом». Его все знали и шли навстречу. Автобус дал директор Бурдрамы Балбаров, артисты были согласны выступать бесплатно, размещение и угощение брали на себя местные власти и хозяйства. С 1991 по 1995 год фестивальные торжества состоялись в 33-х памятных местах «от Ангары до Шилки», в родных селениях улигершинов, от горной Оки до степной Аги.

Помню, как волновался Дамба Зодбич, когда знамя Гэсэра прибыло в его родные хоринские места, к горе Наран-Хада. Здесь состоялось освящение «сэргэ» коня Гэсэра. Уже тогда Дамба Зодбич неважно себя чувствовал, у него болели ноги... Но он собрался с силами и отправился в путь».

Пять перевалов – пять рабджунов

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

*Время –
Строгий счетовод.
Мерных чисел караваны –
Миг, минуту, месяц, год –
Все старательно учтет,
Без ошибки, без обмана.*

*Время –
Строгий счетовод.
Знает дням прожитым цену:
Все заносит в полный свод –
И падение, и взлет,
И победу, и измену.*

Очевидцы говорят, что там, у горы Наран-Хада, в сизой дымке, которой освящали коновязь-сэргэ четвероногого спутника Гэсэра, на миг возникли фигуры древних всадников...

Отсюда, гласят летописные хроники, в месяц «ууса» 1702 года, сотворив обряд, караван представителей одиннадцати племен хори-бурят во главе с Баданом Туракиным и шаманкой Абжа-удаган отправились в исторический конный поход к Петру I. Они ушли от родных кочевий накануне лютых холодов, дабы по льду одолеть большие и малые реки...

У Дамбы Жалсараева в домашнем кабинете были маленькие счеты. Он почему-то предпочитал их калькулятору. Домочадцы говорят, что счеты никогда не лежали без дела, быть может, их хозяин просчитывал годы? Обратный отсчет судьбы. И так он точно высчитал время своего ухода и зафиксировал это в своих стихах.

Он ушел в морозные дни 2002 года, одолев Пять Перевалов как пять рабджунов, пять шестидесятилетних циклов.

Уже после его исчезновения камлающий родовой шаман-боо, впав в транс у горы Тэнгэриин болдог, у Небесного холма близ Додогола, крик-

нул, что видит рядом с вооруженными всадниками пишущего человека за грубо сколоченным столом... И что этот писарь из племени галзут, а не хуасай, как говорил при жизни поэт. Это откровение, учитывая, что в младенчестве Дамбу отдали в родственное племя, лишь подтверждает истинность шаманского видения.

Видно, его позвали в дорогу.

Время, строгий счетовод, свершило трехвековой виток по спирали и встряхнуло счеты. Перезагрузка истории. Все начинается сначала. Смерти нет – есть вечное возрождение.

И вот уже бьет копытом верный иноходец...

Он услышал в темноте все тот же звук – любви и дороги. И увидел, как под перезвон стремян предки седлают коней, вопросительно оборачивая к нему обветренные и такие родные скуластые лица...

Да, они вернулись за ним через пять перевалов-рабджунов. Кукушка в детстве накуковала точно. Ибо дальний поход немислим без своего сказителя-летописца.

День начинается с восходом солнца,

День завершается с заходом солнца.

С рождением человека начинается жизнь его,

Так пусть со смертью вместе не кончается жизнь его.

И вот уже растворилась, ушла во тьму боль в ногах и под пение жаворонка и свирели-жэмбура, под гортанные родовые кличи – «Даа-агай!» – кричат галзут, «Хандага!» – вторят хуасай, «Уря!» – откликаются хубдут, – начинается ослепительно новый день. Ветер холодит волосы. Тропа круто уходит вверх, в белоснежную высь. Осталось вскочить в седло и пришпорить стремени стрóf...

Он в пути.

ДАМБА ЖАЛСАРАЕВ

Зеленые строфы

Таежная, озерная, степная,
Цветущая от края и до края,
Ты добрым светом солнечным полна,
Богата соболями, омулями...
Как жаворонок вешний над полями,
Будь счастлива, любимая страна!

Я слушаю, как дышишь ты, вставая,
В холодных, чистых росах поутру:
Зеленый лист – как клеточка живая,
Как жилочка – травинка луговая,
От радости трепещут на ветру.

Прекрасны маки, лотосы, ромашки,
Как будто это на ковре цветном
Хозяйка ставит пиалы и чашки,
Чтоб их наполнить медом и вином.
То светло-голубыми огоньками,
То алыми – цветы в степи встают!
Старательные пчелы хоботками
С прозрачных донец сладость достают.

Брусничный дух, черемухи дыханье,
Лилового багульника настой...
Я не дышу, а пью благоуханье
Моей земли равнинной и лесной.
Как пиалу, руками степь беру я
И долгий-долгий делаю глоток –
Бурлит во мне, избыток сил даруя,
Целебный облепихи красный сок!
Я приношу своим детишкам щедро
Не горсти карамелей покупных –
Янтарной красоты орехи кедра:
В них терпкость смол лесных
И трав степных!
Знай, Додогол, стоящий над Удою,
Омытый горной белою водою, –

Она, в гранитных скалах прозвения,
Прошла сквозь можжевелевую хвою
И сделалась навек живою
Для моего коня и для меня!

Знай, Додогол, что лучшею подругой
Была мне в дальнем детстве сарана,
Головкой багряной и упругой
Издалека кивала мне она.
И разрывал я землю осторожно,
Разламывая вязкие комки,
И клал в мешочек из телячьей кожи
Округлые тугие клубеньки.
Мне мать потом урму из них варила
И землю каждый раз благодарила
За сарану, за сладкую урму –
Нет в мире лучше лакомства для сына! –
За травы, чтоб коровы ели сытно,
Чтоб вдоволь было молока в дому!

Так вспоминаю детские года я.
Но время –
Не жалеющая мать:
И матерям приходится, страдая,
Детей одних
На свете оставлять...
Но мать-земля меня к груди прижала,
Горячими руками обняла, –
Как мать в великом горе поддержала,
Как мать,
От новых бед уберегла.
Прими, земля, сыновнее спасибо!
Крутой водой аршана угости,
Чтоб я обрел невиданную силу
Для дальнего нелегкого пути.

О степь моя!
Прижмусь к тебе щекою...
Здесь мать моя лежит в земном покое,
И тоонто* мое сокрыто здесь,
И здесь, когда умру, лежать я буду,
О степь родная!

* Тоонто – место, где по обычаю, зарывают послед новорожденного

Но куда
Я буду жить,
Тобою полон весь!

Земля, ты вся –
В моей груди широкой,
Ты вся –
В моей душе, в моей крови!
Иди вперед своей большой дорогой
И в дружбе с солнцем огненным живи!
С такою дружбой, чистой и нетленной,
Вам легче пронести сквозь времена
Людские судьбы в сумраке Вселенной,
Что тайной неразгаданной полна.

Мне тоже легче
Сквозь простор, сквозь время
С хорошим самым другом –
Стремя в стремя!
Скакать вперед, откинувшись в седле,
По жизни, необъятной и суровой,
По этой –
Соболиной, омулевой,
Степной, таежной, солнечной
Земле!

О путь неудержимый,
Путь бескрайний,
Как широко распахнутая степь,
Лежит перед тобою утром ранним, –
И хочется
Об этом песню спеть!
И мускулы, как тетива, упруги,
И крепко, как походный твой ремень,
На рысаке затянуты подпруги, –
И ты скорее в стремя ногу вдень!

Лежит земля, от солнца золотая,
А ты скачи, скачи во весь опор,
На острую луку седла мотая
Простор степей
И времени простор!
Лежит земля под необъятным небом,
Знакомая,

Загадочная вся –
Степную даль запомни каждым нервом,
На сердце, как на карту, нанеся.

Лежит земля и делится с тобою
Летающим с неба солнечным теплом.
Лежит земля и делится травой
С твоим золотогривым скакуном.
Про хладные целебные аршаны
Манят тебя прозрачною водой.
И в грудь твою течет благоуханно
Дух терпкий
Ая-ганги голубой!

Но если буря пред тобой завертит
Тугие кольца серой пыльной мглы,
То грудь твою
Разрежет встречный ветер,
Как острие гранитное скалы.
Но если небо разразится ливнем,
Ты голову в натающем снегу
Подставишь, словно в детстве,
Струям синим И пыль дороги смоешь на скаку.
Чем дальше едешь, тем друзья дороже.
И тягостней минуты не найти,
Когда коснуться стремянем не сможешь
Ты стремени товарища
В пути.
А с другом скачешь, позабыв усталость,
Как будто молодея оттого,
Что стремя твоё звонкое
Касалось
Сверкающего стремени его!

Держи поводья сильными руками,
Равниной
От рассвета дотемна
Мы скачем не с порожними вьюками –
В них желуди, тычинки, семена.
Пусть там,
Где мы на землю твердо встанем,
Растут дубы огромной высоты!
Пусть там,
Где руку мы к земле протянем,
Взметнутся к солнцу яркие цветы!

МУЗА МОЕЙ ЗЕМЛИ

Э-э-эй!

Не ты ли, табун настигая,
Летишь, как шальная гроза?
Мальчишкою вижу тебя я,
Всю ночь не смыкавшим глаза.
Широким аллюром рысистым
И песнею сон растревожь!
Над утренним лугом росистым
Не ты ли, не ты ли поешь?

Э-э-эй!

Не ты ли идешь спозаранку
За шумной отарой в горах?
И вижу тебя я – смуглянкой
С лукавинкой в черных глазах.
Песнь ветра про резав литую,
Кого-то «бездушным» зовешь...
На всю эту степь золотую
Не ты ли, не ты ли поешь?

Э-э-эй!

Под ветром порыв исто-резким
Не ты ль направляешь баркас?
Стоишь ты в рыбацкой зюйдвестке
С усталой улыбкой у глаз.
Смирняя прибрежные волны,
Встречающим радость несешь, –
Над грозным Байкалом привольным
Не ты ли, не ты ли поешь?

Э-э-эй!

Идешь ты спокойной и статной,
Ты валишь деревья в лесах.
Ты – женщина в стеганке ватной
С суровой печалью в глазах.
Припомнив опять о любимом
Под пил электрических дрожь,
В февральском лесу нелюдимом
Не ты ли, не ты ли поешь?

Э-э-эй!

Под небом просторным и чистым
Ты пашешь загон у реки,
И в ясных глазах тракториста
Улыбки дрожат огоньки.
Здесь встанут потом на приволье
Овес, и пшеница, и рожь.
На все это щедрое поле
Не ты ли, не ты ли поешь?

Э-э-эй!

Несется дорогою зыбкой
Подержанный «газик» сквозь снег,
Глядит с молодою улыбкой
В машине седой человек.
Забот впереди еще много,
Но день про мелькнувший – хорош!
И песня летит над дорогой...
Не ты ли, не ты ли поешь?

Э-э-эй!

Не ты ли повсюду, где праздник
Бушует в труде молодом?
Живешь ты хорошей и разной
Во всем, что творится кругом.
Ты бури смиряешь по праву,
Ты мрак изгоняешь и ложь.
На всю на родную державу
Не ты ли, не ты ли поешь?

ПОДСНЕЖНИКИ

Сугробы зима настелила,
На землю снега намела,
Но солнца весенняя сила
В них черные дыры прожгла.

И там, где метели летали
И вихрь приседал на бегу,
Цветы светло-синие встали
На сером и тонком снегу.

Поднялись от края до края,
Запахли недалней весной,
Осколками неба играя
На голой равнине степной.

И степь на глазах подобрела,
Улыбки ее расцвели, –
Смотрите, они то и дело
Выходят на свет из земли!

Водитель застрявшего МАЗа,
В сердцах проклиная весну,
Увидел подснежник и сразу
Про девушку вспомнил одну.

Про косы ее, для которых
И созданы, видно, они –
Цветы на весенних просторах,
Ручьям и озерам сродни.

А девушка, к встрече готовясь,
В соседнем улусе сейчас
Украсть любимого пояс
Цветком голубым собралась...

Подснежники! Первые дети,
Любимые дети весны, –
От буйных грядущих соцветий
Идущие к людям послы.

Как жаль, что живут они мало:
Увянув средь поздних снегов,
Стареют еще до начала
Цветенья лесов и лугов.

Потом по лугам и оврагам
В величье своей красоты
За ними размеренным шагом
Пойдут остальные цветы.

Они и нарядятся краше,
И запахом будут пьянить,
Красивые девушки наши
Их будут сильнее любить.

Но выделю я перед всеми
Подснежники,
Ибо они
Рождались в суровое время
И жили в нелегкие дни!

ЁХОР

Ёхор, ёхор, аэйдон!
Ты ко мне приходишь вновь!
Ёхор – детство, отчий дом.
Ёхор – первая любовь.

Ёхор, ёхор, аэйдон!
Первозданность красоты!
Ёхор – дружества закон.
Наша юность, ёхор, – ты!

...На равнине, за улусом,
Становись вокруг костра!
Парни, девушки смеются –
Видно ёхорить пора!
Как мы рядом оказались –
Наши личные дела...
Три подружки пошептались,
Песня тронулась, пошла!

Значит, день для дел оставим,
Ночь для ёхора опять!
Пальцы с пальцами сплетаем –
Будем ёхор танцевать!
Сливки песен собирая,
Угощаем всех подряд –
Содрогнётся ширь степная,
Шумно реки забурлят!

Словно синих вод коснулся
Ветерок весенний друг –
Тихо, плавно покачулся
Влево-вправо тесный круг.
И пошла волна живая
От души к душе, легка.
Пыл сердец передавая,
Напряглась в руке рука.

Значит, день для дел оставим,
Ночь для ёхора опять!
Пальцы с пальцами сплетаем –
Будем ёхор танцевать!
Сливки песен собирая,
Угощаем всех подряд –
Пусть, от зависти сгорая,
Стар и млад на нас глядят!

Молодые муж с женою
Тоже просят сюда,
Даже их порой ночью
Ёхор наш сорвал с гнезда!
Но руками, как узлами,
Связан круг – никто не вхож!
Между близкими сердцами
Здесь зазора не найдёшь!

Значит, день для дел оставим,
Ночь для ёхора опять!
Пальцы с пальцами сплетаем –
Будем ёхор танцевать!
Сливки песен собирая,
Угощаем всех подряд –
Пусть хохочет тишь ночная,
Пусть проснутся те, кто спят!

Стукнут парни каблуками –
Что там иноходь коней!
Девушки взмахнут руками –
Что там крылья лебедей!
Видно, силы нарастают –
Ну, давай ещё сильнее!
Косы девушек взлетают
У горячих лиц парней!

Значит, день для дел оставим,
Ночь для ёхора опять!
Пальцы с пальцами сплетаем –
Будем ёхор танцевать!
Сливки песен собирая,
Угощаем всех подряд –
Даже голос надрывая,
Каждый петь погромче рад!

Но уже за кругом первым,
Словно пояс – круг второй.
Громче девушки запели,
Парни встали – грудь горой!
Ты, земля, земля-долина,
Подняла цветы свои,
Чтобы юность
Надарила
Людям счастья и любви!

Значит, день для дел оставим,
Ночь для ёхора опять!
Пальцы с пальцами сплетаем –
Будем ёхор танцевать!
Сливки песен собирая,
Угощаем всех подряд –
Пусть костёр наш догорает:
Небосвод зарей объят!

Ёхор, ёхор, аэйдон!
Ты ко мне приходишь вновь!
Ёхор – детство, отчий дом.
Ёхор – первая любовь.

Ёхор, ёхор, аэйдон!
Первозданность красоты!
Ёхор – дружба закон.
Наша юность, ёхор, – ты!

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В СОРОК ЛЕТ

Настанет день,
Когда себя мы спросим:
– А время-то
Не слишком ли спешит? –
Смотрю,
Моя сороковая осень:
Пришпоривает время,
Как джигит.

Вдруг удивишься,
Выходя из дому,
Забыв на миг

Важнейшие дела,
Что вот – к сороковому,
Верстовому
Столбу
Дорога жизни привела.

Себя двадцатилетним
Не считая,
Ты втайне
Полагал наверняка,
Что где-то рядом
Юность золотая,
А молодость –
Совсем-совсем близка.

Но сорок раз
Шумели травы мая,
И сорок раз
На праздничной гульбе
Земля родная,
Чашу поднимая,
Благословляла
Лучшее в тебе!

Но сорок раз
Ложился снег и таял,
И на висках
Остался белый след.
И ты не знаешь,
Кто его оставил:
Летающий снег?
Черемуховый цвет?

Зачем глядишь в толпе
С улыбкой грустной
На девушку,
Ответный взгляд лоя?
Мужчина взрослый,
Седоватый, грузный, –
Она прошла,
Как молодость твоя!

И так же, как в тайге
Буран слепящий,
Валя деревья,

Ищет путь прямой,
Густых волос
Бушующую чашу
Прореживает
Зрелый возраст мой.

Вдруг голову
Ты вскинешь, как бывало,
Но не придет опять
Издавека
Тот день,
Когда в кудрях твоих блуждала
Далекая и нежная рука...

Ровесницы!
Я шел по жизни трудной,
Теряя вас и узнавая вас.
Свой ясный след
Все праздники и будни
Оставили
Морщинками у глаз.

Усталыми своими голосами
Рассказывали вы,
И слушал я,
Все понимая,
Долгими часами:
Заботы,
Дети,
Дом,
Дела,
Мужья...

Но слышал я,
Как летом, под луною
Перекликались
Ваши голоса,
И подмывало
Шуткой озорною
Вас рассмешить,
Как в прежние деньки!

Да, сорок лет.
Каким я был недобрым:

Ведь стариками
Мне со стороны
Казались люди
В возрасте подобном,
Хоть были
И красивы и стройны, –

Стройней, чем я сейчас...
Так что ж –
Со смехом
Двадцатилетний
Смотрит на меня?
Не обошел свой возраст,
Не объехал.
Недалеко
И до такого дня,
Когда...

Да нет, послушай, –
Рановато
Костяшки счетов
Гнать туда-сюда:
Не так,
Как в бухгалтерии зарплата.
Судьбою начисляются года!

Но хочется еще:
Аркан на шею
Накинув
Молодому скакуну
И ветер
Грудью разорвав своею,
Скакать, как в старину!
Как в старину?!

Как в детстве...
Вдруг за шумною игрою
Я забывался,
Долго вдаль смотря,
И размышлял:
А что там за горою,
Округлою, как шлем богатыря?
Стущалась даль
За дымкой голубою...

Что разгляжу,
Коль на гору взбегу?
Что разгляжу,
Коль встану над рекою
На противоположном берегу?

Да и сейчас
За вечными делами
Такое вдруг
Случается со мной:
Гляжу я в даль рассвета
Над домами –
Что скрыто
Темно-синей пеленой?

Я понял,
Встав на пик сорокалетия,
Что вижу дальше,
Чем в былые дни,
Что смог иные дали
Рассмотреть я, –
И все, как в детстве,
Синие они...

Посвящается жене моей Валентине

Дорогу торя упрямо,
Доверено мне судьбой
В одной навсегда упряжке
Бок о бок идти с тобой.

В жару нас и неполаду
Дорога туда вела,
Где вдоволь поищешь броду
И в дебри заводит мгла.

Немало дорог осталось
За нашей спиной лежать...
Презрев навсегда усталость,
Пускались мы в путь опять.

Нам туго порой бывало,
Но трудностям вопреки
Не раз ты меня сменяла,
Впрягаясь в коренники.

Случапись порой и ссоры,
Но вовремя ты могла
Костер потушить,
Который
Всю душу мог сжечь дотла.

И доброго нам хватало,
Как солнечных дней в году.
Есть что-то, что нам давало
И силу, и доброту.

Пусть доля была и трудной, –
Гордиться есть чем у нас.
Я жму твою руку, друг мой,
За каждый хороший час!

Друзей мы любили верных,
Любили и нас друзья.
И недруги есть, наверно...
Но есть-таки жизнь судья!

И радости, и тревоги,
И совесть свою, и честь,
Бескрайние дали-дороги
Кому завещать нам есть!...

Каким бы путь ни был тяжким,
Я знаю наверняка:
В одной ты со мной упряжке,
И чаще – в коренниках.

ПОЗДНИЕ ОГНИ

Одно, другое – окна в доме гаснут...
Окончен день труда, тревог, забот,
Конец делам, общественным и частным –
Ночная тишь на караул встает.

Но на немых громадах спящих зданий,
Во тьму швыряя резкие лучи,
Как островки в полночном океане,
Квадраты окон светятся в ночи!

Их вид всегда таинствен и чуден:
Кому пришел на ум такой каприз,
Когда спокойно спят сады и люди
И все земные страсти улеглись?

Зачем плывет окно в полночном море,
Лучащееся светом и теплом?
Но ведь не зря стоит солдат в дозоре!
Не зря и он склонился над столом, –

Тот человек, бессонный, увлеченный!
Ломает рамки дня его порыв.
Он бодрствует – поэт или ученый, –
Свои земные сутки удлинив.

Быть может, завтра где-нибудь некстати
Средь бела дня его настигнет сон.
«Вчера кутнул?» – хихикнет друг-приятель.
«Да, было...» – чтоб не спорить,
Скажет он.

Но это к слову. Главное не в этом.
Как хорошо, что в мире есть они,
Наполненные душ горящих светом,
Земные звезды –
Поздние огни.

ДРУЗЬЯМ

Друзья,
С кем, забыв про еду и про дом.
Пока не рассердится мать,
Как батор лихой на хулэг* гнедом,
Без устали мог я скакать;
С кем силой не раз, засучив рукава,
Я мерился в честном бою;
С кем в детстве далеко не год и не два

* хулэг – рысак, иноходец

Закаливал волю свою –
Друзья мои,
Нет, не померкнет ваш след,
Пусть дней миновало немало и лет!
И самым святым,
Чем живу я сейчас –
Стихами приветствую вас!

Друзья,
С кем проникся я истиной той;
Что мир необъятно велик;
С кем вместе над мудрою слов простотой
Терзаться до боли привык;
И с кем, от себя самого затая,
Любви золотые слова
Подолгу под сердцем вынашивал я,
Едва пробуждалась трава;
С кем сели однажды в седло, устремясь
За далью, закутанной в дым,
И, власть познавая звенящих стремян,
Летели простором степным –
Друзья мои,
Нет, не померкнет ваш след,
Пусть дней миновало немало и лет!
И самым святым,
Чем живу я сейчас –
Стихами приветствую вас!

Друзья,
С кем в шестнадцать мальчишеских лет –
Счастливую пору весны –
Я встретил июньский кровавый рассвет,
Встречал эшелоны войны;
С кем каску солдатскую цвета земли
Надел я на тысячу дней,
Как баторы, с кем мы в сраженьях прошли
Сквозь страны и судьбы людей;
И с кем оплатили желанный покой
Всей юностью нашей сполна;
С кем павших вспомняем слезою скупой
И горькою чаркой вина –
Друзья мои,
Нет, не померкнет ваш след,

Пусть дней миновало немало и лет!
И самым святым,
Чем живу я сейчас –
Стихами приветствую вас!

Друзья,
Хоть и пройдено много вершин,
Но, к стремени стремя примкнув,
Достаточно дел мы еще совершим,
Вершину возьмем не одну.
Мы радостью, словно походным пайком,
Спешим поделиться всегда
И друга готовы прикрыть, коль тайком
К нему подползает беда.

Пусть слава едва приоткрыла нам дверь –
Не стоит об этом тужить.
Мы внуков дождались уже,
А теперь
До правнуков надо б дожить.
Друзья мои,
Нет, не померкнет ваш след,
Пусть дней миновало немало и лет!
И самым святым,
Чем живу я сейчас –
Стихами приветствую вас!

Байкальские строфы

*Гостеприимен мой народ отважный,
И гостю – он знаком иль незнаком –
Повсюду, где горит огонь очажный,
Мы преподносим чашу с молоком.*

*Природа повторила сущность нашу:
Исполнена душевного тепла,
Она с живой водой большую чашу –
Байкал семье людской преподнесла!*

Та земля, где небо подпирают
Кряжистые кедры-старики,
Где в долинах долго не сгорают
Озорных саранок огоньки,
Та земля, где предков кровь густая
Пламенеет в ягоде лесной,
Где литою рожью прорастает
Пот, упавший на поле весной,
Та земля, где с детства даль за далью
Я прошел, проехал, проскакал –
Та земля зовется
Прибайкальем –
Славным твоим именем,
Байкал!

Давнею военною порою
Мы с тобой расстались, но когда
Пить хотелось –
Чуть глаза закрою –
Пела предо мной твоя вода.
И сейчас, когда, как конь горячий,
Рвется сердце из груди моей
Иль плетется загнанною клячей, –
И сейчас, среди тяжелых дней,
Если стану чахнуть, задохаться,
Мне поможет воздух синих скал!

И себя зову я
Прибайкальцем –
Звонким твоим именем,
Байкал!

Добрый конь в дороге познается,
Познается в горе верный друг.
Жизнь ломает, но всегда найдется
Для опоры пара сильных рук.
Над бездонной пропастью подхватят,
До земли склониться не дадут!
Дорогих друзей рукопожатья,
Где бы ни был я, –
Меня найдут.
Говорить о верности не нужно,
Поднимая праздничный бокал,
Тем, кому однажды клялся в дружбе
Светлым твоим именем,
Байкал!

Ты даришь, Байкал величавый,
Мне звонкие волны-слова –
Сказания древнего главы,
Исполненные волшебства.

Они, многоцветьем сверкая,
Заманчивы как новизна,
Они глубоки, как людская
Душа, – не добраться до дна!

То движутся плавно, как будто
Беспечных подружек гурьба,
А то повернут они круто,
Стремительные, как судьба.

То ль клетотом кличут их птицы,
То ль гонит их грозный бурун –
Встревоженные кобылицы
Те волны бегут, как табун.

То бьются о мощные скалы,
А то захлестнут их взхлест.
То бег прекратит небывалый,
Распавшись на тысячи звезд.

Но вечен поток их широкий,
Как будто искусной рукой
Суровые пишутся строки,
Чтоб нежной смениться строкой.
Немало здесь песен звучало,
Веками народ их слагал,
Но ты – всех начал ты начало,
Великая песня – Байкал!

— Сколько лет Байкалу?
— Сколько лет?
Точный мы не можем дать ответ.
— Сколько лет еще он проживет?
— Наш Байкал бессмертен, как народ.
— Много ль у него сокровищ есть?
— Никому богатств его не счесть.
— Но чего ему недостает?
— Наших попечений и забот.

Триста сибирских рек
К Байкалу стремят свой бег,
Чтоб в нем, после тягот пути,
Отдохновенье найти.
По белому свету мчась,
Приносят они Байкалу
Вместе с водою – грязь,
Которой везде немало.
Байкал же добр, терпелив:
Вымыв и подсинив
Каждую их струю,
Им дарит прозрачность свою.
И только одну их сестру
В своей чистоте лелея,
Выводит он в мир Ангарау,
Чтоб в мире стало светлее.

У Байкала спросило
Солнце в давние дни:
— В чем, Байкал, твоя сила,
Чем ты горд, объясни!
— Тем, что лишь у меня есть, –

Горд казною своей,
Вызывающей зависть
Всех озер и морей.

А что не дано мне или
Что недодано мне,
Есть у них в изобилье –
Этим горд я вдвойне!

Если вдруг на тяжелой устану дороге,
Если цели своей не увижу вдали,
Если буду с трудом волочить свои ноги,
Как стреноженный конь, задыхаясь в пыли, –
О, Байкал-богатырь,
Ты прохладой повеи,
Укрепи мое тело, чтоб стал я сильней.

На дороге бывают любые напасти,
Если где-то расслабится воля моя,
Если с жалом отравленным горе-злосчастье
Подкрадется коварно ко мне как змея, –
О, Байкал-властелин,
О, волшебник седой,
Окропи мою душу целебной водой.

Если в утренний час или ночью во мраке
Я, как зоркий охотник, по следу пойду,
И загадочной жизни приметы и знаки
Попытаюсь понять, изучить на ходу, –
Мой наставник Байкал,
Помоги мне: со мной
Поделись ты бездонной своей глубиной.

Седой Байкал, как должное, приемлет
Луны и солнца сменный караул.
Что может возмутить его? Он дремлет,
Он засыпает, он совсем уснул...

Но иногда угрюмые морщины
Вдруг набегут на светлое чело,
Вздыхают, как в тоске, его глубины,
Он стонет и рокошет тяжело.

Потом, как будто рассердясь на небо,
Вздывает волны высотой с дом,
И, как быки ревущие, свирепо
Они о берег бьются белым лбом.

Не то его своя забота гложет,
Не то кручина у него своя ...
Что ж, видно, как у всех, Байкал тревожат
Извечные вопросы бытия.

Славное море, священный Байкал ...
Мы драгоценней не знаем святыни.
Звонко народ мой тебя прославлял,
Звонко тебя величает поныне.

В песне старинной народ сочетал
Горе свое, и надежду, и счастье,
«Славное море, священный Байкал» –
Пел он и в солнечный день, и в ненастье.

Хором, – да так, чтобы мир задрожал! –
Иль про себя, в одиночестве грустном,
«Славное море, священный Байкал» –
Всюду поем с возвышающим чувством.

Ближним ли, дальним пойдем мы путем,
Где бы пред нами заря ни вставала –
Много чудесного в мире найдем,
Но не отыщем второго Байкала!

Саянский кряж, высокий и седой,
До чьих высот не долетала птица,
Решил своей великою тоской
С праматерью-природой поделиться:
«Высок-то я высок, но глубина
И мне, остроконечному нужна».
Байкал, что волны широко простер,
До чьих глубин и рыба и не снижалась,
С праматерью-природой в разговор
Вступил, как будто вызывая жалость:
«Глубок-то я глубок, но только ты
Мне не дала завидной высоты».

Праматерь, всех живых существ начало –
Природа так обоим отвечала:
«Лишь потому ты, горный кряж высок,
Что глубоко в земле твои истоки.
Ты только потому, Байкал глубок,
Что суть твоя и помыслы высоки».

По степи струится маленький родник,
Он едва ягненку по колено,
Но усталый путник, что к нему приник,
Пьет и пьет и жадно и блаженно.

О Байкале знаем: знаменит, велик...
Но своей блистая чистотою,
Нас поит студеный маленький родник,
По-байкальски вкусною водою.

Наш Байкал, что к славе мировой привык.
Не унижен этим добрым сходством.
Морем слыть не хочет маленький родник,
Тихий, не кичится первородством.

Этот – всем известен, жизнь того скромна,
Силы их различны – суть у них одна!

Сколько суток в году, столько в синий Байкал
Речек разных впадает – прозрачных и мутных.
Сколько суток в году, столько каждый познал
И печалей и радостей сиюминутных.
Но течёт из Байкала одна Ангара,
И её красота повсеместно известна...
Дай-то бог, чтоб одна только песня добра
Каждый день выливалась из нашего сердца!

ПЕСНЬ БАЙКАЛА

Ты сказал: «О, как красив Байкал!»
Если я такой, как ты сказал, –
Девственную эту красоту
Подарила мне земля в цвету.
Эту песнь поет моя волна,
Кедрами подхвачена она.

Ты сказал: «Кристально чист Байкал...»
Если я такой, как ты сказал, –
Чистоту моих хрустальных вод
Подсинил прозрачный небосвод.
Эту песнь поет моя волна,
Чайками подхвачена она.

Ты сказал: «О, как могуч Байкал!»
Если я такой, как ты сказал, –
Это буйство сказочное сил
Мне Гэсэр великий подарил.
Эту песнь поет моя волна,
Скалами подхвачена она.

Ты сказал: «Бездонней бездн Байкал...»
Если я такой, как ты сказал, –
То обязан этой глубиной
Я душе народа золотой.
Эту песнь поет моя волна,
Рвется из груди моей она.

По вашему, не движется вода,
Оцепенели перекаты,
И под шершавым, толстым слоем льда
Застыл Байкал, в броню зажатый?

Нет, холодом не побежден Байкал,
И если б, ярость обнаружа,
Внезапно он подняться пожелал,
Ему б не помешала стужа.

Всю землю он заставил бы дрожать,
Внушил бы трепет небосводу,
И невозможно было б удержать
Его бушующую воду.

Но сделал он валы своей броней:
Высоким наделен уделом,
Цветущий мир, рожденный глубиной,
Своим он прикрывает телом.

Ураганы-ветры четырех сторон
Света –
на волнах его беснуются.
Трудные дороги четырех времен
Года –
у тебя в груди волнуются.

Но без ураганов четырех сторон
Был бы он Байкалом, наш единственный?
Без тревог-волнений четырех времен
Разве жизнь была бы жизнью истинной?

Славное море... Да, славное!
Не по плечу никому
Слава Байкальская, равная
Только ему самому.

Не пузырями блестящими
(Дунул – и нет ничего) –
Струями, в небо летящими,
Слава сверкает его.

Слава и тяжестью славится.
Только ему не страшна
Ноша любая – с ней справятся
Мощь, чистота, глубина.

Такая, видно, мода –
Хвалить тебя, Байкал.
Все больше год от года
Летит к тебе похвал.

Другой, хоть и не видел
В глаза твою струю,
Но тоже не обидел –
Воспел красу твою.

Особенно поэты:
О, сколько строк лихих
Про синь твою пропето –
Их больше волн твоих.

У девушек-байкалок
И то скудней улов –
Составьте-ка каталог
К ним обращенных слов.

Хоть звания и лестны,
Что мы тебе даем,
Но все ль они уместны
При имени твоём?

Ты клятвами в безмерной
Любви набит до дна,
Но службы твоей верной
Достойна ль хоть одна?

Всего-то нам заботы,
Что петь хвалу, любя...
А жаль! Пора бы что-то
И делать для тебя!

Благодарные строфы

*Стихи, прочитанные на открытии
obeliska павшим воинам-землякам.*

I

Мой улус, моя долина Додогол,
Слушай скорбный голос сына, Додогол!
Встретили на поле брани смерть
Многие твои мужчины, Додогол,
Кровь и слезы нес жестокий смерч.

Здесь их ждал счастливый смех ребенка,
Плут могучий, пенье жаворонка,
Их ждала семья, ждала любовь...
В каждом третьем доме похоронка,
Желтая, как выцветшая кровь.

Братья, провожал я вас на сечу,
На прощанье обнимал за плечи,
Думал, что недолго быть нам врозь,
Знал: разлука обещает встречу...
Вот как, братья, встретиться пришлось!

II

Священные ожили списки!
На встречу с селом перед школой
Сошлись вы теперь в обелиске,
Как прежде на ёхор веселый,
Явились к тому же месту,
Откуда умчались давно вы,
Смеясь – будто сватать невесту
Иль в город, обновы купить.

Где Смертью Храбрых вы пали?
В какой вас земле зарыли?
Доска с именами была ли
На вашей братской могиле?
Вы к подвигу были готовы,
Гвардейцы сибирских полков,
Как тридцать три батора, снова
Заслыша Гэсэра зов.

III

За Додогол,
Где тоонто всех вас,
Как высший знак родства, хранятся свято,
Чьи песни и стихи, чей древний сказ
В наследство получили вы когда-то;
За Додогол,
Который не забыл,
Как быстро вырастали вы на воле,
Как иссушал вас первой страсти пыл,
Как набивали первые мозоли;
За Додогол,
Где малахаи гор
Нависли над тайгою молчаливой,
Белеет пух целительных озер,
Курганы спят, Уда колышет гривой,
В четыре стороны да в сорок стран
Дороги разошлись – иди любую;
За Додогол,
Где самый воздух пьян,
Настоянный на чебреце и хвое,
Где молоком и дымом пахнет он,
Где мошкара весной звенит и вьется,
Где сеют хлеб пять дружеских племен
И древних пять пород скота пасется;
За Додогол,
Чьи мощны битюги
И скакуны прославлены достойно,
Где, сгорбившись за плугом, старики
На мир глядели мудро и спокойно,
Трудились руки ловкие старух,
Летели дни за бойкой их беседой,
Мечтали дети, про себя и вслух,
Когда вернутся их отцы с победой,
Где девушки, взяв вилы, сев за руль,
В мужской работе всякой мастерицы,
Словно прислушиваясь к свисту пуля,
Для вас кисеты шили, рукавицы,
Всю ночь не поднимая головы;
За Додогол,
За милую отчизну
На бой ушли из Додогола вы,
Пожертвовав бесценным даром – жизнью

IV

Нам являлась долина с тех пор
И в зеленом, и в желтом, и в белом,
Но тоскою измученный взор
Видел траурным все, почернелым.

Сколько раз разливалась Уда –
Вдовьи слезы в волнах были грозных,
В родниках иссякала вода –
Как в глазах материнских бесслезных.

Не раздастся ни ропот, ни стон,
Смотрят матери вдаль, но отсюда
С извещеньем идет почтальон,
А они ждут родимых, ждут чуда.

Чуда ждут. Но бездушно война
На обветренных каменных лицах
Оставляет свои письма,
Как на дышащих горем страницах.

V

Тянулась череда годов
Под шум дождя, под вой метели,
И не дождавшись женихов,
Невесты ваши поседели.
Забыл о свадьбах наш улус.
Для двух влюбленных нет суровой
Судьбы, разбившей их союз...
О, сколько радостных любовей

Увяло, не успев расцвести,
И очагов не задымилось,
Сынов и дочек не родилось!..
По всей большей земле – не счесть!

VI

Молодыми, крепкими, меднокожими
Вы остались для нас,
На сибирские кедры похожими,
Как в прощальный час.

Миновали десятилетия,
Я теперь в отцы вам гожусь,

Но как долго б ни прожил на свете я,
Буду младшим, как был, – и горжусь

Тем, что я вашей крови биение
Слышу в сердце своем,
Тем, что вашего я поколения,
Хоть и младший я в нем.

Высоким в жизни считаю отличием –
С вами в общем стоять строю.
Вашим мужеством и величием
Жизнь я мерю свою!

ПЕСНЬ ОБЕЛИСКА

*Я возвышаюсь посреди бурятского
села Бургалтай, что в Джидинской долине.
С четырех сторон начертаны на мне
имена бургалтайцев, не вернувшихся с войны.
Все они героически погибли, защищая Родину.
Двести три бурятских имени.
Двести три – на одно село.
А в селе тогда не было в полтора раза дворов.
Бургалтайцы назвали свой колхоз словом «Мир».*

Я – весь в именах. Сотни выбитых строк
Из одних лишь имен, немудреных и милых!
А кого ими звали – лежат вдоль дорог
От Москвы до Берлина, в братских могилах.

Но вчитайтесь, взгляните: во мне двести три
Громко бьющихся сердца, слепящих как пламя,
Жар их душ согревает меня изнутри,
И пою эту песню я их голосами.

Вереницы идущих на тайный их зов
Матерей, в неизбывной тоске об утратах,
И седых, постаревших до времени вдов,
И тогдашних невест, в жены так и не взятых,

От домов проторили тропинки ко мне:
За цветами душистыми выйдут в долину,
Принесут их ко мне – и сидят в тишине,
Обращаясь безмолвно к супругу иль сыну.

Или сходятся, дедов шепча имена,
Внуки, их не выдавшие, им поклониться –
Вместе с теми, которым, когда б не война,
Было время тогда в Бургултае родиться.

Я не мертвый гранит. Я с любовью гляжу
Взором тех, кто погиб, на родных и знакомых,
Их поступки я совестью павших сужу,
Близко к сердцу успех принимаю и промах.

Я спасибо от имени их говорю
Тем, кто славу приносит родимому краю,
Я юнцов легкомысленных строго корю
И стезю свою выбравших – благословляю.

Посредине села, посредине земли
Жду я всех, кто придет. С верой жду и с любовью.
Жду вас в память о тех, что в бою полегли,
О великой победе, добытой их кровью.

Песенные строфы

*Стихи, написанные после того,
как автор увидел коня в кузове грузовика*

Как звучно, как прекрасно слово:
Конь!

В нем – перезвон стремян,
И стук тугой
Подковы, высекающей огонь,
И пенье колокольников под дугой!

И как степей без жаворонка нет,
Так у бурят и песни нет такой,
В которой не был бы скакун воспет
Хотя б одной-единственной строкой!

Во глубине веков и в нашем дне,
В кругу застольном и наедине
Поют о друге – вспомнят о коне,
Поют о милой – вспомнят о коне.

Все время рядом радость и печаль
В тех песнях, как у седел стремена:
Ты в них, о конь, летишь беспечно вдаль
И плачешь в стороне от табуна.
Тебе бы, конь, помчаться, как вчера,
Вперед с лихим джигитом на спине,
Чтоб вам вдогонку встречные ветра
Пророкотали песню о коне!

Но в кузове меж узких двух бортов
Стоишь ты, опустив глаза свои,
И вздрагиваешь, словно от пинков,
На выбоинах старой колеи.

Летят навстречу серые столбы
И птицы на провисших проводах.
Летят луга. Слепяще голубые,
Летят озера в топких берегах.

И как на сенокосе, в самый зной,
Страдающий от жажды и слепней,
Ты разделял безропотно со мной
Восторг и тяжесть первых трудовней!

Как ты, играя мускулами, вез
Многопудовый высоченный воз,
Как шел ты от зари и до зари,
Таща по полю тяжкий плуг стальной,
И простиралась поперек земли
Та борозда прекраснейшей строкой!

А после, с наступленьем темноты,
Совсем забыв о трудном дне своем,
Как стригунок, в траве катался ты
И весело похрупывал овсом...

Припомни скачек топот, гул и шквал,
Когда, признанья стариков ища,
Смельчак мальчишка на тебе скакал,
Как крыльями рубашкой трепеща!
И в упоенье ты летел вперед –
Быстрее машины, что тебя везет!

А свадьбы?
(Я хотел бы юным стать,
И, очутившись в стороне родной,
Вдруг в девушке одной
Жену узнать,
И вновь ее назвать своей женой!)

А свадьбы –
Что за свадьба без коня?!
И ты б не ехал в кузове пустом,
А в разудалой тройке мчал меня,
Звения на всю округу бубенцом!

Не позабыл ли ратные дела, –
Когда, гоня коней во весь опор,
Не раз на вражьи цепи
Грозно шла
Буркавбригада.
Как лавина с гор?!

Ты землю алой кровью пропитал,
Не перечислить всех твоих заслуг.
И те, кто в жизни много испытал,
Тебя зовут недаром:
Первый друг.

...Когда-то проиграл один бурят
Скотину, юрту, деньги – все подряд! –
Но не поставил на кон скакуна,
Чтоб все вернуть, фортуны изменя...
Да как пойдешь на риск такой?
Смешна,
Нелепа жизнь мужчины без коня!

У человека множество друзей:
Машины, трактора и поезда.
Но кто, скажи, поймет его верней
И в трудный час не бросит никогда?
Кто привезет уснувшего домой
И раненого вынесет к своим?
Лишь ты, о конь,
Товарищ добрый мой!
Во многом ты еще незаменим!

Ров – перепрыгнешь!
Горы – перейдешь!
Река – переплывешь!
И я с тобой!
Пусть сейчас людей
Сквозь звездный дождь
Несет ракета в бездне голубой,
Пусть сейчас моторным скакунам
Дорогу уступил ты –
Не догнать! –
Но есть в тебе и то,
Что временам
Вовек не заменить и не отнять!

Ты думаешь, что люди не всегда
Считаются с тобою? Не беда.
Ведь человек не позабыл родство:
Ты подойди, в глаза ему взгляни
И нежно, как в былые дни, его

В плечо своею теплой мордой ткни.
Он вздрогнет,
Но, опомнившись тотчас,
С открывшейся внезапно добротой
Тебе потреплет гриву он, смеясь,
Погладит кожи бархат золотой.

Не вешай головы, не унывай!
Ты нужен людям, конь!
Ты нужен мне.
Живи и никогда не забывай
Свое предназначенье на земле!

Давай скорее с машины соскочи, –
Пусть погоня за спиной близка!
Ты по степи еще быстрее мчи,
Когда аркан просвищет у виска!
Друзья при встрече борются. Потом
Идут, обнявшись, гордые, вдвое...

Как звучно, как прекрасно слово:
Конь!
В нем – перезвон стремян,
И стук тугой
Подковы, высекающей огонь,
И пенье колоколов под дугой!

ПЕСНЬ СИБИРСКОГО КЕДРА

Корни в землю впились, чтоб держать мой торс,
Врылись в самую сердцевину:
То ль изюбря рога, то ль стожильный трос –
Неразрывная пуповина.

Знают мой малахай островерхий леса,
Облакам он кивает при встрече,
И ложатся порой отдохнуть небеса
На мои богатырские плечи.

Игл зеленых штыри и антенны ветвей,
Как природы локатор чудесный,
Всяких астросейсмических станций верней
Ловят пульсы – земной и небесный.

И все ветры Вселенной, что я поборол,
Не смогли причинить мне урона,
Не в один обхват вековой мой ствол
И прочнее железобетона.

Этот гимн я сложил не себе самому,
А родимой земле, в которой
Укрепился корнями, – и лишь потому
Небесам я бываю опорой.

ПЕСНЬ СПУТНИКА

Как велел человеческий разум,
На челе звездно-тысячеглазом
Неба, ждущего чутко зарю,
Самым младшим и малым алмазом,
Но зато ярче всех я горю.

Знать, была учтена при расчете –
И в моей металлической плоти
Теплой кровью пульсирует связь
С мыслью, мир осветившей в полете,
Потому и лечу я, светясь.

Купол космоса великолепный
Воспеваю я в песне хвалебной
И, как мальчик, попав за порог
Упоительной сказки волшебной,
Озираю хрустальный чертог.

Но всегда, как к родимому дому,
Взгляд мой к шару прикован земному,
Он к себе меня властно манит,
И зовет на ладонь космодрома,
И притягивает, как магнит.

Сколько скрыто в нем тайн и загадок!
Словно спектр переливчатых радуг –
Цвет лесов, океанов, пустынь!..
Говорят, дым отечества сладок, –
О, как дым этот сказочно синь!

ПЕСНЬ КОЛЕСА

Во мгле неведомых времен,
В какой, не помню, из сторон
Мотив закручен песни этой,
И до сих пор не молкнет он,
Не знаю кем впервые спетый.

Желание, надежда, боль,
Призыв судьбы, борьба с судьбой,
Все, от чего светло иль грустно,
Все темы жизни, ритм любой –
Вплетались в песню безыскусно.

Под грузом работяг-телег,
Тайгой и степью, в дождь и снег,
Сползая в рытвины и ямы,
По гребням гор, по бродам рек
Скрипело-пело я упрямо.

Под легким кузовом карет,
Звения, я выезжало в свет,
На большаки и мостовые,
И под мельканье зим и лет
Столбы считало верстовые.

Под колесницей боевой,
Увы, давило я собой
Тела людские, а не кочки,
Гремело марш военный свой
И разлеталось на кусочки.

И, под тачанкой взяв разгон,
Под посвист пуль и сабель звон
Я, в зареве багрово-дымном,
Биенью на ветру знамен
Победным отзывалось гимном...

Песнь эту, что была слышна
Земле, узнала и Луна:
Пропетая под луноходом,
Она была повторена
Всем много звездным небосводом...

Из глуби четырех времен,
Из дали четырех сторон
Я песней этой зазвучало:
Мотив простой, а вечен он,
Ей нет конца, как нет начала.

ПЕСНЬ НОВОГО ДОМА

В наряде новом, но неброском,
Глазами-окнами лучась,
Стою пред людным перекрестком,
Как будто солнечным подростком,
Вступаю с шумным миром в связь.

Счастливым чувством в полной мере,
Как свежей краской, я расцвел.
Тревожась, всматриваясь, веря,
Как сердце, раскрываю двери
Перед тобою, новосел!

В свой мир уютный и удобный
Добро охотно я беру:
Добро за дверцей гардеробной
И все добро души беззлойной –
Добро пожаловать Добру!

Заботливо готов принять я
Все, что так дорого для вас:
Не раз надеванные платья,
Друзей проверенных объятья
И песни, пetye не раз.

Зато захлопнем дверь железно,
Чтоб сохранить целей добро
Пред всем, что нажито бесчестно,
Что лживо или бесполезно,
Будь это ново иль старо...

Сродни всем сверстникам и тезкам,
На мир восторженно гляжу,
Пред людным стоя перекрестком,
Как будто солнечным подростком
С улыбкой в мир большой вхожу.

ПЕСНЬ ДОМАШНЕГО ОЧАГА

В тот час, как таинство огня
Свершается внутри меня,
И пламя пляшет в глубине,
И стонет, и гудит во мне, –
Прислушайтесь, ведь я пою
Вам песню лучшую свою!

Когда, дыша сухим теплом,
Я грею ваш продрогший дом,
И угольков веселый звон
Слышней, чем вьюги скорбный стон, –
Прислушайтесь, ведь я пою
Вам песню лучшую свою.

Когда на мне клокочет чай,
Печется пышный каравай,
Похлебка жирная кипит
И мясо сочное шипит, –
Прислушайтесь, ведь я пою
Вам песню лучшую свою.

Мне не по нраву тихо тлеть,
Хочу звенеть, хочу гудеть,
Хочу отдать весь жар огня
Вам, разжигающим меня!
Прислушайтесь, ведь я пою
Вам песню лучшую свою!

ПЕСНЬ МОЛОЧНОЙ СТРУИ

В четырех сторонах
Света – нет ни лужка,
В четырех временах
Года – нет ни денька,
Где бы я не стучала
Об звенящее донце,
Чтобы я не встречала
Песней радостной солнце.

Песни все хороши,
Все звучны, но моей

Вдруг возникшей в тиши,
Нет на свете добрей.
Белопенно кипуч
Бьет источник Молочный,
Бьет живительный ключ,
Нежно звучный, немолчный.

Льюсь, в себе сочетаю
Нивы блеск золотой,
Сочность листьев и трав
И кореньев настоек
С теми каплями пота,
Что землей этой черной
Поглощались без счета,
Влагой став животворной.

И покуда земля
Так безмерно щедра,
Эту песнь буду я
Петь до ночи с утра
В четырех сторонах
Света – в каждой долине,
В четырех временах
Года – впредь, как и ныне.

ПЕСНЬ РОДИЛЬНОГО ДОМА

В меня врывается судьба
То смехом, то мольбой протяжной.
Я – деревенская изба,
Я – особняк многоэтажный.

Во мне Вселенная, пусть я –
Лишь юрта об одном оконце.
Тепла и света не тая,
Во мне всегда сияет солнце.

И вдруг, в один великий миг,
Становится весь мир чудесен,
И новорожденного крик
Звучит прекрасней всяких песен.

И мукой искаженный рот
Вдруг улыбается, как в сказке,

Как в сказке, высыхает пот,
И полон взор любви и ласки.

Даю я первый на земле
Приют бессильному комочку
И человеческой семье
Вручаю сына или дочку.

Страницы этой белизны
Укрась лишь добрым знаком, время!
В нетронутую целину
Кинь лишь проверенное семя!

ПЕСНЬ ДОРОГИ

Тропку когда-то пастух протоптал,
Верно, не думал, что мной она станет.
Через долину, поток, перевал,
Словно веревку, меня кто-то тянет.

Плечи мне лупит копытами конь,
Быстро и тяжело, мерно и мелко,
То высекая, как молот, огонь,
То стрекоча, как секундная стрелка.

С визгом и скрипом колеса телег,
Словно бичи, полосуют мне спину.
И набирают все больший разбег
Автомашины, автомашины.

Скажете вы: не езда, а полет!
Денно и ночью, по делу и в гости,
С грузом, с прицепами, назад и вперед
Мчатся и мчатся – болят мои кости.

Это – от гусениц трактора шрам,
Тот – от бульдозера; шрамов без счета.
Ливням открыта, метелям, ветрам...
Я лишь на миг отдаюсь лекарям –

Роздых недолгий дает мне работа.
О, как за эту судьбу я держусь!
Ею я счастлива, ею горжусь!
Мне надо знать, что сейчас вот по мне

На самосвале, на иноходце
В зной, в снегопад, на заре, при луне
Кто-то
Куда-то
Зачем-то
Несется!

ПЕСНЬ СТРЕМЯН

Легкая звонкая сталь
С двух сторон от седла,
Для тех, кто стремится вдаль,
Мы – два верных крыла.

С ветрами земных дорог
Вступили мы в вечный спор,
Для тех, кто свершает рывок,
Мы – лучшая из опор.

Но скачет навстречу беде
И не вперед, а вспять
Тот, кто привык при езде
Других стремянами цеплять.

Ногами достань до стремян,
И скажут, что ты – человек,
Но знай, что любой твой изъязн
Стремительный выявит бег.

Мужская повадка видна
В том, кто уверен и прям
В седле, кто мог стремяна
Себе подогнать по ногам.

Легкая звонкая сталь
С двух сторон от седла,
Для тех, кто стремится вдаль,
Мы – два верных крыла.

ПЕСНЬ АРГАМАКА

Я не сказочный чудо-хулэг,
В край заоблачный взявший разбег,
Я – хулэга земное подобье:

Грязь летит из-под звонких копыт,
И земля под их цокот не спит,
Барабанной разбужена дробью.
Плавной иноходью и в карьер
И на легкий рысистый манер
С незапамятных дней и по ныне
Эту песнь, как тугую струну,
Через горы и реки тяну,
По болотам, лесам и равнине.

То широким прямым большаком,
То по тропке, в тайге, напролом
Я скачу – даль любая близка мне,
Пот глаза заливают мне в зной,
Иней шкуру мохнатит зимой,
Искры я высекаю из камня.

Сколько всадников мчалось на мне,
На удобной, как кресло, спине -
Кто устало скакал, кто удало!
Видно, время хотело найти
Способ справиться с далью пути
И навеки меня оседлало.

Но не все удержались в седле:
Тот, дороги не видя во мгле,
Припустил - очутился в канаве,
Тот – как плохо привязанный вьюк,
Тот – под стрелами ливней и выюг..
В скачке – зов и опасность, как в славе!

Да, не всем по плечу эта роль:
Кто набил, извините, мозоль,
Тот на землю сползает уныло,
Кто поводья в сердцах натянул,
Поднял кнут – сам того я смахнул:
Не в кнуте у наездника сила.
Но я счастлив, что в нашем краю
Есть мужчины на долю мою,
Что в нем истинных всадников много –
Как железо, тверда и верна
Их рука, и при этом нежна,
С ними кажется легкой дорога.

Нет препятствий, не сдавшихся им,
Край земли стал для них достижим.
Как корнями могучими кедры
Укрепились надежно в земле,
Так они укрепились в седле –
Никакие не свалят их ветры.
В честь таких гордо я и пою
Эту песню простую свою,
Проносясь сквозь столетия и страны
Плавной иноходью и в карьер
И на легкий рысистый манер:
Стук копыт – словно дробь барабана.

ПЕСНЬ СТРЕЛЫ

Взлетев под воинственный клич
Далекого вашего предка,
Я цели стремилась достичь
Бестрепетно, быстро и метко.

Немало веков я живу,
И рук мускулистых немало,
К плечу оттянув тетиву,
Меня над землей выпускало.

То я заострялась, звеня
Под молотом правды и чести,
А то проникала в меня
Отрава коварства и мести.

Мой тенор и бас тетивы
Звучали тревожно и властно,
Неправым и правым, увы,
Вонзалась я в сердце бесстрастно...

Что было – быльем поросло,
По-новому песня поется,
И пусть никогда уже зло
Мизинцем меня не коснется,

Пускай отправляет в полет
Меня только доблестный воин!
...А кто эту песню убьет,
Тот жизни и сам недостоин.

ПЕСНЬ СТЕПНОГО ЖАВОРОНКА

Я средь птиц не великан,
Не орел ширококрылый,
Над вершинами Саян
Возносимый чудной силой.

Я не чайка, в пенный вал
Целящаяся тревожно,
Без которой нам Байкал
И представить невозможно.

Выбрал всяк судьбу свою,
Мы за первенство не спорим:
Надо быть ручьем ручью,
Морю быть пристало морем.

Я полет свершаю свой,
Звучный и неторопливый,
Между небом и землей,
Между облаком и нивой.

Пусть не громко я пою,
Но довольно голос звонок,
Чтоб, услышав песнь мою,
Улыбнулась степь спросонок.

Буду я в разлуке с ней
Так же выглядеть нелепо,
Как без песенки моей
Синее степное небо.
Над тайгой висеть звеня
Не смогу я, как над степью,
И поблекнет без меня
Трав ее великолепье.
Колокольчик слышен мой,
Полнозвучный и счастливый,
Между небом и землей,
Между облаком и нивой.

ПЕСНЬ КАМНЕПАДА

То ли бешенство ливней и выюг,
Доконав меня, с места толкнуло,

То ль накопленной тяжестью вдруг
Самого меня вниз потянуло –
Я помчался, зажмурив глаза,
Как табун обезумевший мчится,
Иль машина, сорвав тормоза,
Иль подбитая падает птица.

Как заоблачный гром грохоча,
Я лечу от вершины к подножью,
В грудь горы кулаками стуча,
И гора отзывается дрожью.
Как орда, что огню и мечу
Предавала цветущую землю,
Все в пути я крушу и топчу
И мольбам о пощаде не внемлю.

Чтоб унять этот бешеный гон,
Власть одну над собою приемлю,
Лишь один не сметаю заслон –
Бесконечную ровную землю.
Остановка есть только на ней,
Лишь ее не могу одолеть я
И ложусь грудой мертвых камней
Средь равнины на тысячелетья...

Но пока, грохоча как гроза,
Мчусь я под гору в облаке праха,
Как машина, сорвав тормоза,
Как табун, одуревший от страха, –
Тонны камня в себе я несу,
Разрушительной силою гордый,
Чтоб бесславно разбиться внизу,
Как всегда разбиваются орды.

ПЕСНЬ ДОЖДЯ

Для того сквозь небосвод,
Как сквозь сито, я просеян
И ветрами всех широт
Весь до капельки провеян,
Чтобы землю напоить
Влагой чистою при встрече,
Чтоб воды не замутить
Ни морей ее, ни речек.

В ткани музыки земной
Песнь моя – одна из нитей.
Еле слышный шепот мой –
Громких арий знаменитей.
Грохот ливневой воды,
Как оркестр, приятен слуху.
Жадно нивы и сады
Подставляют песне ухо.

Я не праздный гость: пою
Степь, иссохшую от зноя;
Вновь заводят речь свою
Ручейки, наполняясь мною;
Гарь и копоть в водосток
Сбросить с крыш – моя забота;
Прибиваю пыль дорог,
С лиц смываю капли пота.

И для детских игр не жаль
Мне своей небесной влаги –
Пусть плывет бесстрашно вдаль
Белый крейсер из бумаги.
И шепча: «Простят небось»! –
Я люблю, приникнув к платьям,
Женщин промочить насквозь
И прически растрепать им...

Но у неба иногда
Дождь иной был наготове,
И струилась не вода
По земле, а реки крови.
Но лилась на грудь земли
Вновь и вновь вода живая!..
Падай, дождь! Струя, звени!
Лейся, песня дождевая!

ПЕСНЬ ОБМЕЛЕВШЕЙ РЕКИ

Бросались в воду с берега пловцы,
И начиналась буйная потеха,
Над гулом волн звенели бубенцы
Их восклицаний радостных и смеха.

Метались волны-скакуны мои
С их смуглыми телами на заливках,
И взор сверкал, как серебро струи, –
Я словно вижу давний сон в обрывках.

Мальчишки гнали лошадей ко мне;
Как на плоты, на черные их спины
Взбирались – или это все во сне? –
И покрывало ржанье рев стремнины.

Водила рыба ёхор-хоровод,
Как плясуны вокруг костров бесчисленных
На берегу... Но уж который год
Ни рыбы нет, ни плясок искрометных.

Склоняли горы предо мной в те дни
Крутые лбы в кудрях густого леса, –
Теперь стоят плешивые они...
Нет больше даже уткам интереса
В моей воде учить нырять утят,
Овце – и той по щиколотку ровно.
Как стрелы, из груди моей торчат
Гниющие затопленные бревна.

Средь пеня и цветов хочу я течь,
Чтоб влиться где-то в океан безбрежный!
О горе, если суждено мне лечь
На лик земли морщиной безнадёжной!

ПЕСНЬ РОСИНОК

Мы – прозрачные росинки,
И под нами до утра
Дремлют листья и кора,
Все цветы и все травинки,
Как под грудой серебра.

Мы – блестящие росинки.
Собирайте по пути
Свежесть звездную в горсти
С каждой ветки и кувшинки,
Чтоб скорбящим поднести!

Мы – волшебные росинки,
И в недолгие часы
Чарами своей красоты
Превращаем все слезинки
В капли радужной росы.

Мы – небесные росинки,
К облакам летим в жару
И справляем на ветру
По самим себе поминки,
Словно звезды поутру.

Мы, бесчисленные росинки,
Этот выбрали мотив,
На безмолвье рощ и нив,
На кремнистые тропинки
Слезы радости пролив.

ПЕСНЬ ИЗЮБРЯ

Под глухой и мерный ритм шагов
Возникает в зарослях зеленых
Голова с короной рогов,
Как лесные тропки, разветвленных.
Песнь моей любви, мой трубный стон
По углам разносится таежным
И ко мне же с четырех сторон
Эхом возвращается тревожным.

Я пою – и отвечает даль
Долгожданным голосом подруги,
В нем смешались радость и печаль,
Он ликует и дрожит в испуге.
Осыпая хвою и листву,
Шею изогнув движеньем плавным,
Громко я соперника зову
Силы испытать в сраженье равном...

Но в ответ порой звучит вдали
Голос лже воинственен, лже нежен:
Человек, старейшина земли
(Пред которым я и в снах безгрешен),

Как подруга, как соперник мой,
Песнь ведет, в манок обманной дуга, –
И сквозь чащу путь избрав прямой,
Мчусь на зов и западни не жду я.

И в полете этом по земле,
Солнцем освещенной и согретою,
Встретив пулю, спавшую в стволе,
Падаю я с песней недопетой.
Погружаясь в розовый туман,
Я шепчу: «О, есть ли что бесчестней,
Чем над песней совершить обман,
Чем убийство песни – той же песней?..»

ПЕСНЬ ВЕТРА БАРГУЗИН

Трепетным ухом к простору прильнувший,
Слышу, как лес, до рассвета уснувший,
Горы седые и древний Байкал
Песнь повторяют эпохи минувшей:
– Эй, баргузин, пошевеливай вал!

Помню того смельчака одиночку,
Помню, как, сев в омулевую бочку,
Гнать ее к западу мне приказал,
– Эй, баргузин, пошевеливай вал!

Годы, как волны, неторопливы...
Вдруг издалека примчали порывы
Голос знакомый, он вновь меня звал
Сквозь расстоянья, сквозь стоны и взрывы:
– Эй, баргузин, пошевеливай вал!
Голос взлетел и упал, замирая...
Но загремел уже, мощь набирая,
Хор миллионный, как яростный шквал,
Землю потрясший от края до края:
– Эй, баргузин, пошевеливай вал!

Годы бегут, как волна за волною...
Над необъятной взмывая страной,
Старый напев обновился и стал
Гордой мелодией позывною:
– Эй, баргузин, пошевеливай вал!

ПЕСНЬ АНГАРЫ

Байкала-батара единственная дочь,
Я бросила отца и убежала в ночь
К позвавшему меня красавцу Енисею –
Любовью пленена я не боролась с нею...
Прошли столетия, и теперь моя вина
Седым Байкалом всенародно прощена.

Как меч, я рассекла пласт далей и времен,
Грозил бедо мне в пути со всех сторон,
Но чистоту глубин родителя Байкала
Я, как заветную святыню, сберегала.
Сквозь линзу выпуклую пляшущей волны
Песок и камушки на дне моем видны,
И так отчетливо – точь-в-точь в ночи морозной
Алмазов россыпи в глубинах чаши звездной...
Не потому ль моя дочерняя вина
Была Байкалом всенародно прощена?

Как меч, я рассекла пласт далей и времен,
Вставало множество преград со всех сторон,
Но по наследству мне недюжинная сила
Досталась от отца, и я ее хранила.
И чудо-мощь во мне скопилась день за днем:
Напором вод моих, как приводным ремнем,
Передалась она стальным сердцам-моторам –
И словно солнце над земным зажглось простором!
И стала верить я, что прежняя вина
Навек Байкалом всенародно прощена.
Дочь Ангара, зять Енисей, отец Байкал –
Кто о семье сплоченной нашей не слыхал!
Хоть и сбежала я от батара Байкала,
Но честь его ничем с тех пор не запятнала –
И тот поступок дерзкий мой, моя вина
Им от души и всенародно прощена.

ПЕСНЬ УЗОРА

Моим напевам столько же веков,
Как сочетаниям цветов и линий
Рек, гор, долин красавицы земли.

Мелодии все те же – ритм их нов,
Как та спираль витков, что в бездне синей
Космические чертят корабли.

Тысячелетья песнь мою хранит
Сиянье звезд на баторском колчане
И на седле хулэга-рысака.

Тысячелетья песнь моя звенит
На девичьей груди, на стройном стане,
На трубке и огниве старика.

Ликующая песнь моя добра:
Душа художника-народа дышит
В гармонии чеканки и резьбы.

Раздумчивая песнь моя мудра:
Что там, пейзаж ли прибайкальский вышит?
Иль оперенье птиц? Иль знак судьбы?

Моя бессмертна песнь, недаром я
Сияю солнцем – кругом жизни вечной
И лунами свершений и побед.

Моим напевам столько же веков,
Как сочетаниям цветов и линий
Рек, гор, долин красавицы земли.
Мелодии все те же – ритм их нов,
Как та спираль витков, что в бездне синей
Космические чертят корабли.

ПЕСНЬ ЧАЯ

Называют кто старым, кто древним напитком меня,
Я же крепок и свеж становлюсь с каждой новой заваркой, –
Так старинная песня, на струнах искусных звеня,
Открывается гранью, досель небывалой и яркой.
Что ни день, людям я отдаю аромат свой и пыл,
У крестьян и ученых – у всех доброй пользуюсь славой.
Поговорку: «Откуда взять сил, коли чаю не пил!» –
Сочинили в Сибири давно, а народ там не слабый.
После первого «здравствуй» и перед последним «прощай»
И почетного гостя, и путника, друга, и брата
Чаем щедро поят. «Дому друг – тот, кто выпил в нем чай», –

Утверждает пословица гостеприимство бурята.
Я как воздух, вливающий бодрость в сердца поутру,
Я как лечащий душу покой в предвечернюю пору,
Я подобен горящему жарко ночному костру,
Побуждающему незнакомых людей к разговору.
Я привычен для глаз, не замечен почти на столе,
Не шипучка я пенная и не волшебное зелье,
Но скучней без меня будет в тысячу раз на земле,
Чем без громких напитков, на время дарящих веселье.
Похвалами людей не был я избалован совсем,
Хоть усердно и честно, все знают, служу искони им.
Но зато никогда еще проклят я не был никем,
Не подумал никто звать меня ни злодейкой, ни змием.
До потери сознания пусть не влюблялись в меня –
Не бросали зато. То же можно сказать и о хлебе.
Я обыден, как хлеб, и горжусь, что я хлебу родня,
Что людьми назван я рядом с хлебом. Завиден мой жребий!

ПЕСНЬ РАССВЕТА

Я объявляю восшествие дня,
Ночь низвергая:
Темень редет при виде меня,
Свет пропуская.

Слышат одни в песне ранней моей
Ритм колыбельной –
Дремлют, не в силах распутать сетей
Неги постельной.

Слышат другие сигнал боевой
Срочной побудки –
И все дела успевают с лихвой
Сделать за сутки.

В лоне моем зарождаются дни
Сходно – и все же,
Все же друг с другом, как люди, они
Ликом не схожи.

Ритм колыбельной –
Дремлют, не в силах распутать сетей
Неги постельной.

Слышат другие сигнал боевой
Срочной побудки –
И все дела успевают с лихвой
Сделать за сутки.

В лоне моем зарождаются дни
Сходно – и все же,
Все же друг с другом, как люди, они
Ликом не схожи.

Этот великому отдан труду,
Этот – параду,
Этот в себе заключает беду,
Этот – отраду,

Эти, родясь, устремляют свой бег
К цели далекой,
Эти в долгу остаются навек
Перед эпохой...

Тех, кто с рассветом в дорогу готов,
Славлю я в гимне!
И, выходя, отвечают на зов
Песней они мне!

ПЕСНЬ ТРАВ НА БЕЗЫМЯННОМ КУРГАНЕ

То буйный ветер протрубит,
То птица про кричит в полете:
«Кто под курганом этим спит?
Над кем вы, травы, здесь растете?» –
Курган таинственно молчит.

Как могут на вопрос «над кем?»
Ответить стебли и соцветья?
Героев сказок и поэм
Землей засыпали столетья –
Курган таинственен и нем.

Нем и недвижим, как солдат,
Бессменно на часах стоящий,
С поста не может быть он снят,
Поскольку время-разводящий
Не возвращается назад.

Над батором ли мы взошли,
Погибшим от стрелы коварной
В бою за честь родной земли
И видевшим, как лучезарный
День занимается вдали?

Иль над злодеем мы растем,
Над пришлым ханом, над тираном,
Лелеявшим мечту о том,
Как, зеленея над курганом,
Мы будем вспоминать о нем?

Мы не хотим, чтоб их дела
Беззвучно вечность поглотила,
Мы знать должны, что унесла
С земли бесстрастная могила:
Добра частицу или Зла?

Нельзя, хоть время то ушло,
Быть равнодушным к тем событиям!
Что там в земле: Добро иль Зло?
Врагу ли служим мы прикрытьем,
Венчаем друга ли чело?

ПЕСНЬ АРШАНА

Из недр земли ключом я бью
И песню бодрости пою.
Никто – ни буром, ни насосом –
Мне вверх не облегчал пути,
Я сам свой путь сумел найти,
Пробив скалу, к цветам и росам.

Я, как кристалл подземный, чист!
Шипенье, клокотанье, свист
Сопровождают выброс пенный,
Над ним клубится белый пар,
Он испускает щедрый жар,
Глубин подземных дар священный!

Целебный сок земли – я горд,
Что в кипятке ее реторт
На кладах древних был настоян,
Храню секрет бессмертный свой

И сказочной водой живой
Именоваться впредь достоин.

Далекий самолета гул
Почти не слышен, мир уснул,
Ушли заботы и тревоги
И, как века тому назад,
Вершины белые стоят,
В горячей ванне грея ноги.

Давным-давно, как говорят
Меня открыл старик бурят:
Усталый после перевала,
Он, окунувшись в водоем,
Полвозраста оставил в нем –
Старуха мужа не узнала.

Ну, может, и приврал чуть-чуть –
Охотнику ль не прихвастнуть! –
Но многие потом калеки
Издалека сюда брели
На костылях, чтоб костыли
Оставить на ветвях навеки.

Вон сколько их висит сейчас:
Отбросив их, пускались в пляс
Десятки хворых и убогих.
Они – мой список послужной,
Нагрудный знак, лист наградной,
И память, и надежда многих...

И ныне за живой водой
Взбираются тропой крутой
И пешие, и верховые,
И, лошадей взяв под уздцы,
И пастухи, и кузнецы,
И ветераны боевые.

Я снился им в чудесном сне,
Но вот они идут ко мне,
Идут – с прострелом в пояснице,
Идут – с котомкой на спине...

Я зарождаюсь в глубине,
Чтоб песней бодрости излиться!

ПЕСНЬ О ВЕРБЛЮЖОНКЕ

*В Бурятии и Монголии
знают и любят песню,
сложенную в незапамятные времена,
о белом верблюжонке – сиротке,
бредущем одиноко в пустынной степи
и поющем сквозь слезы
о далеком счастье.*

Про него впервые спел когда и кто мне –
Я забыл, но песню слово в слово помню:
Как бредет двугорбый верблюжонок белый,
Один-одинешенек во вселенной целой,
Степь лежит бездушная, мир несчастьем полон...
Горе в песне выплавав, навсегда ушел он.
Но напев не молкнет, голос чист и звонок –
То поет о счастье белый верблюжонок,
Песнь слышна отчетливо в грохоте и гуле...

Счастливые люди,

Счастливые люди.

Скорбную мелодию крошки-верблюжонка
Поддержите трепетно, выводите тонко!

Песнь его протяжная – крик души печальной,
По степи течет она, как ручей хрустальный.
Песнь его тягучая – стон тоски и боли,
Так под ветром дерево стонет в чистом поле.
Песнь его призывная – караван в пустыне,
След его нестершийся виден и поныне,
Песня не смолкает, голос чист и звонок –
То поет беспомощный белый верблюжонок
О беде и радости, о добре и хude ...

Счастливые люди,

Счастливые люди.

Скорбную мелодию крошки-верблюжонка
Поддержите трепетно, выводите тонко!

Верно, счастье соткано из различных нитей,
А не из одних только радостных событий.
Когда счастье строится, все идет на кладку:
То, что вспомнить горько, то, что вспомнить сладко,

Жизнь тем изобильней счастьем ты наполнишь,
Если о несчастье пережитом вспомнишь.
Потому и голос, как когда-то, звонок,
Что поет несчастный белый верблюжонок
О великом счастье, о грядущем чуде ...

Счастливые люди,
Счастливые люди.

Нежную мелодию крошки-верблюжонка
Поддержите трепетно, выводите тонко!

ЛЮБОВЬ В СТЕПИ

*Памяти Цыренжапа Сампилова,
народного художника Бурятии,
своей картиной «Любовь в степи»
вдохновившего на эти строки.*

Веет вешним цветением сладко,
Мир охвачен полуденным сном.
Двое юных – бурят и бурятка –
В степь бескрайнюю скачут верхом.

Сердце к сердцу и к стремени стремя:
Даже ласковый ветер притих,
И бегучее замерло время
Перед счастьем, окутавшим их.

Тянут шеи к другу другу и кони...
А не нашей ли это любви
Светлый день? Не в моей ли ладони
Чуть дрожащие пальцы твои?

Не моим ли внимаешь признаньям,
Опуская стыдливо глаза?
Знаем мы, что под этим сияньем
Не одна прогрохочет гроза.

Что глубокие рвы и канавы
Предстоит одолеть нам в пути...
Но качаться и впредь будут травы
И степное раздолье – цвести.

И в картинной не вместится раме,
Как шепча о любви горячо,
Двое юных поскачут за нами,
А за ними еще и еще.

Непрерывна, прочна и извечна
Этих пар, этих всадников цепь,
Как любовная песнь, бесконечна
Песнь о счастье, бессмертном, как степь.

Мудрые строфы

Пускаясь в путь, беря с собою кладь,
Ты выбери из лучших иноходца.
А друга нам не надо выбирать:
Он сам найдется или не найдется.

Ты лучше сам весь день сиди не евши,
Но накорми коня, коль время подошло.
Ты лучше сам весь путь проделай пешим
Но другу уступи свое седло.

Одолеет нас с тобой недуг,
Если будем есть мы только сладости.
Ненадежна дружба, если друг
Разделяет с другом только радости.

Наверно, так: на белом свете
Тот дом счастливей всех,
Где дымом тянет на рассвете,
А на закате слышен смех.

Сколько пролилось их в горький час,
Женских слез, мы сосчитать не в силах.
Все же в силах каждого из нас
Жить, чтоб слезы не текли из глаз
Хоть бы у одной из женщин милых.

Я вас люблю!.. – как сказано давно!..
Любовь стара, но быть ей суждено.
И колесо давненько рождено,
Но – словно молодеет с каждым годом:
Все крутится, все вертится оно
И под телегой и под луноходом.

– За что вы любите друг друга?
– За то, что любит он меня.
– Но в том, что без любви и дня
Мне не прожить, – ее заслуга.

– Эй, дед, сменяем мой мешок на твой?
– А что несешь ты, юноша хороший?
– Я песню про любовь несу с собой.
– Но та же песнь в моей нелегкой ноше!

Хвала тебе, коль дом тобой построен –
Красив, добротен, светел и просто рен!
Позор тебе, коль стены в доме этом
Не озарила дружба добрым светом!

Если у тебя хороший конь,
То дорога недалеко кажется.
Если у тебя хороший друг,
Тяжесть, что несешь ты, легкой кажется.

Тот всегда на скачках побеждает,
Кто воедино слит с конем своим.
Тот в бою горячем побеждает,
Кто с народом слит своим родным.

Ты натянул тетиву, так стрелу –
Быстрее пусти в полет.
Если ты прикоснулся к седлу,
Скачи, и только вперед!

Хотите доскакать – так скакунов
Вы на крутых путях не торопите.
Своих не торопите языков,
Коль девушкам понравиться хотите.

Не торопись о любви объявлять –
Сердце, как солнце, нельзя подгонять;
Жди, чтоб созрела любовь, словно плод, –
Слово «люблю» с губ само упадет.

– Клянусь пред целым светом
Не разлюбить тебя!
– Любимый, но об этом
Не думают, любя.

Девичьи косы –
Горные ручьи,
Прозрачные,
Бушующие,
Резвые.
Девичьи косы –
Звездные лучи,
Искрящиеся высоко над бездною...
Зачем ты косы, девушка, обрезала?!

«С тех, кому больше было дано,
Больше и спросится», – изречено.
Наверно, относится этот закон
Прежде всего – к тем, кто влюблен.

С первого взгляда полюбил
Красавицу,
С первого слова разлюбил
Красавицу.

– О жены, вы ревнуете ль мужей?
– Да нет, но, как ловцы, по их следам петляем.
– А вы, мужья?
– Мы женам доверяем.
Но все же, как табунщики коней,
Их слишком далеко не отпускаем!

– Чем тебе нравится муж твой, жена?
– Тем, что безмолвствует круглые сутки.
– Муж, а тебе чем по сердцу жена?
– Тем, что она не молчит ни минутки.

В первый раз на мир ты взглянул – ура!
Первый шаг по земле ты шагнул – ура!
Слово первое проговорил – ура!
Букву первую изобразил – ура!
В первый раз заработал мозоль – ура!
В первый раз ошибся – ну что ж, пора!
Но, обдумав назавтра, что сделал вчера,
Не ошибся вторично, – дважды ура!

Если хочешь коня узнать,
На расспросы время не трать,
Оседлай – и права ли молва,
Сам он скажет на первых же метрах.
Если хочешь себя познать,
Собери о себе слова
Закадычных друзей – но сперва
То послушай, что скажет недруг.

Очень хорошо, когда горит
Золотая на седле накладка,
Но мужчину, что в седле сидит,
Украшает все-таки посадка.

Победа в скачке – краткий миг порыва.
Но, победив, ответь-ка:
Сколько дней
Мы все готовим трудно, терпеливо
Для тех минут
Стремительных коней?

Сила хороших коней в умении
Обогнать впереди бегущего.
Сила хороших людей в умении
Обождать позади Идущего.

Чем с лютой завистью взирать
На моего коня,
Не лучше ль корма натаскать
Для своего коня.

Коль хочешь ты мужчиною считаться –
Объезди жеребенка и скачи,
А хочешь человеком называться –
Других тому, что знаешь, научи.

Четыре стороны света нас
В дорогу зовут все время,
Четыре времени года нас
Придерживают за стремя.

Конь убежал, сорвав уздечку вдруг –
Его ищи ты в табуне чужом.
С обидою ушел твой верный друг –
Ты корень зла ищи в себе самом.

Пусть девушки красавицами будут
И всех нас ослепляют красотой.
И в табуне рожденный конь любой
Пусть будет скакуном на радость людям.
Но в табуне не только скакуны.
О том, чему не быть, мечтать напрасно.
Мы не в одних красавиц влюблены...
Земля разнообразием прекрасна.

Друг отца
Пусть останется другом сына.
Враг отца
Пусть не будет недругом сына.

Дорога всяких всадников встречала:
Тех, кто свернул, хоть хорошо скакал,
И тех, кто не дошел до перевала,
И тех, кто пулей мчался, да упал,
И тех, кто, зорко оглядываясь кругом,
Неспешной рысью или же шажком
Нелегкий путь одолевал бывало.

С седым беседуй, у него учись,
Слова седых, как звезды путеводные.
А с молодым пляши и веселись –
Его задор, как родники холодные.

Чтобы узнать на вопрос свой точнее ответ,
Сначала у старых спроси, а после у малых.
Старые скажут, каким они знают предмет,
Каким он видится, малые скажут, пожалуй.

– Влюбленный, с чем сравнить любовь?
Есть выбор – мир большой!
– Возможно сравнивать любовь
Лишь только с ней самой!

Влюбленный, сотни слов медово
Не говори ты, ради бога:
Нам для любви порою слова
И одного бывает много.

Вечна любовь, огонь ее, дурман
И вечно ею сказанное слово,
Что древне, как верблюжий караван,
И, как межзвездная ракета, ново.

Вздумал в путь пуститься, вспомнил,
Что коня не подковал,
Вздумал он жениться, вспомнил:
Бог невесту не послал.

На середину реки попав,
Брод искать поздно.
Свадьбу сыграв, жены своей нрав
Изучать поздно.

– О женщины, чтоб вы любили нас,
Мужчины – быть должны мы каковыми?
– Вы только нас любите, и в спой час
Смиримся мы с изъянами любимы.

– Муж, ты доволен ли своей женой?
– Да, в доме только я повелеваю.
– Жена, скажи нам, муж хорош ли твой?
– Да, делает все так, как я желаю.

Цветы и красивые увядают,
Реки большие и те замерзают,
Но остается любовь на века,
Если красива и велика.

Коль дом гостеприимством славится давно,
Хозяйка в доме ласкового нрава;
Коль радостью ее лицо озарено,
Хорош хозяин, честь ему и слава!

Коль тучен скот и резво конь бежит,
Хвала хозяину, его уменью.
Коль в доме весело огонь горит,
Хозяйка, ты достойна восхваленья.

Коль есть, что пить коню и есть,
Легка дорога, хоть длинна.
Коль меж людьми согласие есть,
Жизнь благодатна, хоть трудна.

Есть друг у тебя –
Есть с кем хлебом делиться,
Есть враг у тебя –
Есть с кем честно сразиться.
Есть отец у тебя –
Есть у кого учиться,
Есть сын у тебя –
Есть на кого положиться.

Хотя давно детей с тобою нет
И нет уже отца на белом свете,
Ты должен чтить родителя завет
И должен быть примером взрослым детям.

Где бы ты ни был на свете,
Иноходца держи
Не далеко, не близко.
Каких бы людей ни встретил,
Голову ты держи
Не высоко, не низко.

На коня надень хомут хороший,
Чтобы не был ни велик, ни мал.
Дашь промашку – пострадает лошадь,
Да и ты, что лошадь запрягал.
Не считайте вы, что плох седок,

Если плетъ с его руки свисает,
Не считайте, что хорош седок,
Если плетью он коня стегает.

Горячий конь, чья иноходь легка,
Умеет чутъ силу седока.
И этой силе конь лихой сдается.
А батор, что отвагой наделен,
Почувствует, что враг его силен, –
И в битву или в состязанье рвется.

Чтоб не застоялся конь лихой,
Погоняй его, вскачи на спину.
И для сердца праздность и покой
Самой тяжкой немо щи причина.

Конь чересчур ретивый и лихой
Быстрей других в дороге притомится.
Самоуверенный ездок порой
Скорей других рискует заблудиться.

Дороги нет – доверься иноходцу,
Ты только крепче за луку возьмись.
Спиной к тебе удача повернется, –
Есть верный друг, на друга положишься.

Если хочешь, чтоб ты на чужбине
Не пропал, не замерзнул в пути,
Человека захожего ныне
У себя обогрей, приюти.

Иноходец твой хорош иль нет, –
На дороге горной ты узнаешь.
А хорош твой друг иль твой сосед, –
Только в час свой черный ты узнаешь.

Для хороших коней
Не бывает дорог плохих.
У хороших людей
Не бывает друзей плохих.

Ты отчего-то приуныл, сосед,
Чего-то по грустнел ты. Не иначе –
Давно с друзьями ты не вел бесед
И не скакал на скакуне горячем.

Иные, видя нас, кивают нам,
Они милы в тот час, когда приходят,
Но многие из них бывают нам
Милее во сто раз, когда уходят.

За то, что ты
Всю жизнь меня
Пытался сбить с коня,
Чистосердечно говорю:
– Тебя благодарю!
Не ты, –
Так я бы слабым был
И благодушным слыл.
А так,
Закалку возлюбя,
Благодарю тебя!

Бывает, мы друг друга невзначай
Заденем словом –
Острием терновым, –
И сводит губы горькая печаль,
И станет взгляд колючим и суровым.

Но разве в жизни тишь да благодать,
Идут дела, заботы – круг за кругом.
Все время под овчиной тёплой спать –
Тогда лишь
Спорить не о чем друг с другом.

Наивно думать, что вложили в нас
Характеры, как точные детали.
Бывало ведь:
В один и тот же час
Сердца людей смеялись и страдали!
И солнце в полдень пасмурный, сырой
Тусклее огонька свечи бывает.

И степь укрыта маревом порой,
Но ширь ее ничуть не убывает.
Уйдут и мрачный взгляд, и хмурый взор.
Лишь души неизменны постоянно.
Они – как ровный солнечный простор,
Где быстро тает пелена тумана.

СЕРДЦЕ

Сердце – не птичка в клетке грудной.
Сердце... Да это же шар земной!
Думаешь, громко сказано, да?
Только ты погоди.
Слушай, комочек живой всегда
Бьется в твоей груди.
Так во Вселенной комок Земли
Бьется, бешено мчась,
Трудно неся заботы свои,
Наши дела и нас.

Думаешь, слабо оно и мало,
Сердце, – да вот сочти,
Сколько событий в него вошло:
Больше, чем звезд в ночи!
Сердце способно огромным быть,
Словно сама Земля.
Сердце способно в себя вместить
Степи, моря, поля...

К людям отзывчиво без границ...
Сколько участия в нем? –
Больше, чем звездных летит частиц
В космосе ледяном!
Горе –
Да где оно ни случись –
Сердце твое колышет.

Радость –
Где только ни залучись –
В сердце твое войдет.
Слышал? Теперь согласишься со мной.
Сердце... Да это же шар земной!

– Что загрустила эта голубица,
Которой только восемнадцать лет?
– Пускай грустит, пока легко грустит.
С ней в жизни всякое еще случится,
Еще ей хватит настоящих бед!

Мозолей на ногах не натерев,
Мы скакунам своим цены не знаем.
Голодных месяцев не претерпев,
Как хлеб наш сладок, мы не понимаем.
Страдания и бед не одолев,
Мы счастья своего не замечаем.

Чем в гору дальний путь наш непреложней,
Чем выше мы, чем ближе к Богу,
Тем чаще устремляем взгляд к подножью,
Откуда вышли в путь-дорогу.

День начинается с восходом солнца,
День завершается с заходом солнца.
С рождением человека начинается жизнь его,
Так пусть со смертью вместе не кончается
жизнь его.

Когда мальчишками в первый раз
На стремена мы встали,
Мужчинами наши сверстницы нас
Назвали.
Когда – мужчины – в радостный час
Встали мы, заплясали,
Наши жены мальчишками нас
Назвали.

Коль плохо пригнан хомут
И спину седелка давит,
То резвости не прибавит
Коню самый лучший кнут.

Чтоб арканом изловить коня,
Быстрота твоя необходима.
Чтоб иноходи научить коня,
Доброта твоя необходима.

Кони, хоть о четырех ногах,
А и то, бывает, спотыкаются,
Если у наездника в руках
Повода беспомощно болтаются.

Конь, что с места в карьер берет,
Не собьет ли быстро подковы?
Тот, кто слово легко дает,
Не согнется ли под тяжестью слова?

Человеческая речь ценна,
Если слово сказано умело.
Слово не дешевле скакуна, –
Для чего же седлать его без дела?

Сказал же кто-то – странный мы народ:
Что видит он, о том бурят поёт.
Но разве лучше, если человек
О том поёт, что не видал вовек?

Полёт стрелы твоей
От тетивы зависит,
Полёт твоих речей
От головы зависит.

Танцую восточную сказку,
Танцор надевает маску,
С которой глядят два лица:
Одно – с улыбкой невинной,
Второе – с пастью звериной;
Друг друга они без конца
Сменяют в стремительной пляске...
А в жизни, бывает, без маски
С лица глядят два лица:
То ангела, то подлеца.

Затеваем мы жаркие споры –
Он молчит, отрешённо и мудро,
Равнодушный, как бронзовый Будда,
Нелюдимый, как дикие горы,
С твёрдой верой, что он и безгрешен и прав,
Всех своих собеседников перемолчав.

Умный – умного
Видит издалека.
Дурак обращается к дуракам.
Но умный,
Рассчитывающий на дурака,
Боюсь, в дураках
Не остался бы сам.

Коснись легко
Струны тугой –
Она забьётся,
Запоёт.
Рвани
Безжалостной рукой –
Она порвётся
И замрёт...

Добро сказало:
– Я могу таиться,
Как средь песчинок – золотая крупица.

Сказало зло:
– Да и меня найдёте
Не сразу – я могу быть в позолоте.

– Чем наполнен вьюк твой, эй, ездок?
– Беден я, мой скуден вьюк убогий!
– Что ж ты не запаслив? Путь далёк.
– Всё, что мне надо, мне дадут в дороге!
– Чем наполнен вьюк твой, эй, ездок?
– Вьюк наполнен мой богатством многим.
– Не тяжка ли кладь, ведь путь далёк?
– Я раздам богатство по дороге!

Говорят, веселье и тоска –
Это вьюк единый – два мешка –
На спине лихого иноходца.
Опустеет вдруг один мешок,
Тотчас вьюк сползёт наискосок,
Вьюк сползёт – И С ходу конь собьётся.

В степном улусе, в дальней стороне
У трёх общеизвестных знатоков
Спросили мненья об одном коне:
«Вот этот конь, по-вашему, каков?»
и первый стал красиво говорить,
Каким быть должен лучший из коней.
Потом – каким скакун не должен быть,
Доказывал другой, нельзя ясней!
Сказал и третий – просто, без красот –
О том коне, что перед ними был.
Да только зачарованный народ
Мимо ушей всё это пропустил.

Он посадил, не говоря ни слова,
На скакуна мальчишку,
А потом
Хлестнул отец по крупу вороного
И спину сына зацепил кнутом.
Горит спина, и конь храпит сердито,

Но мальчик крепко держится в седле.
И никакая сила на земле
Потом не выбьет из седла
Джигита!

Листья шелестят друг другу что-то,
Знак дают друг другу звёзды сонные,
И друг к другу тянутся влюблённые.
Неизменно это тяготенье,
Что сильнее вражды и разрушенья.

У молодых мечтанья
Летят вперёд наугад.
У старых воспоминанья
Трусят рысцою назад.

Печалишься, что плохо ты одета,
Грустишь, что у тебя нарядов мало.
Счастливица, что плачешь лишь об этом,
Что, к счастью, горя большего не знала.

Солнце, хоть всю землю согревает,
Всем даря тепло своих лучей,
Всё-таки твоим родным бывает
Только над родной землёй твоей.

Всем обязана солнцу планета.
Но не будь её,
Кто бы из тьмы
Вдаль глядел, ожидая рассвета?
Кто б нуждался в нём – если не мы?

Ширь родной земли...
По росе и в пыли
Шаг за шагом мы
По тебе прошли.
Первый шаг наш здесь

И последний здесь,
А меж ними путь
Пролегает весь.
Помним каждый шаг,
И на свет, и в мрак,
Ибо им ведёт
Наша совесть счёт.

Имя сменить стыдно, но можно,
Друга сменить больно, но можно,
Путь изменить трудно, но можно, –
Но нельзя поменять, –
Как ни хотел бы, ни тщился,
В кого б, во что б ни влюбился, –
Тебя породившую мать,
Землю, где ты родился.

Ладья и ракета... Веков череда,
В Сегодня приплывших к нам из Вчера,
Как в бурях испытанные суда,
Полные Разума и Добра...
И вот из Сегодня в Завтра, с Земли,
И нам отправлять настала пора
В космический океан корабли,
Полные Разума и Добра!

Долина Уды, долина Курбы –
Начало моих дорог и судьбы.
И где бы я ни был, это начало
В душе моей гордо звучало.
Истоки мои светлы и чисты,
Но были пути трудны и круты.
И все-таки духи родимой земли
Меня под счастливой звездой вели...
И вот уж семидесятый перевал,
Что в холодном снегу засверкал,
Перевалил я, и без привала
Дальше, кряхтя, зашагал –
Походкой довольно тяжелой,
С улыбкой не очень веселой.

Но сегодня край мой родной
Меня обдувает, как прежде, весной,
Как будто опять молодею душой,
И готов на лихом скакуне
Проскакать по родной стороне,
Да хотел бы еще женщине одной,
Далекой и близкой такой,
Заветное, теплое что-то сказать,
Что когда-то не смог ей сказать...
Долина Уды, долина Курбы –
Начало моих дорог и судьбы.

Чего пожелать вам, люди?
Любите – не разлюбите,
Не любите – полюбите,
А все остальное будет!

ГИМН РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

Музыка А.Андреева

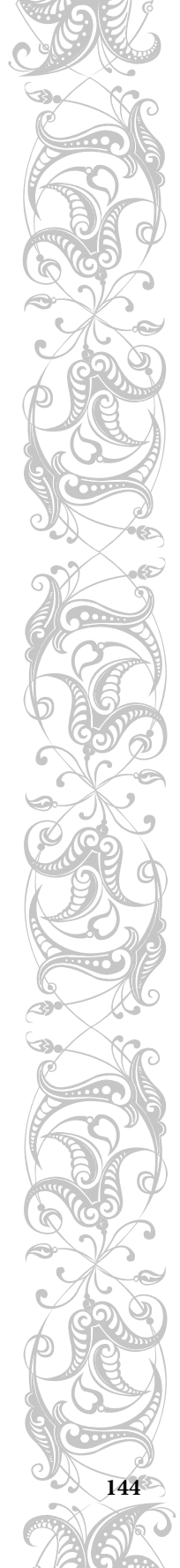
Таежная, озерная, степная,
Ты добрым светом солнечным полна,
Цветущая от края и до края,
Будь счастлива, родная сторона.

Брусничный дух, черемухи дыханье,
Лилового багульника настой...
Я не дышу, а пью благоуханье
Моей земли равнинной и лесной.

Прими, земля, сыновнее спасибо,
Святой водой Байкала угости,
Чтоб я обрел невиданную силу
Для дальнего нелегкого пути.

С тобой, земля, мы слиты воедино,
Моею стала и судьба твоя.
Поклон тебе от сердца, край родимый,
Любимая Бурятия моя.

О, Мать-земля!

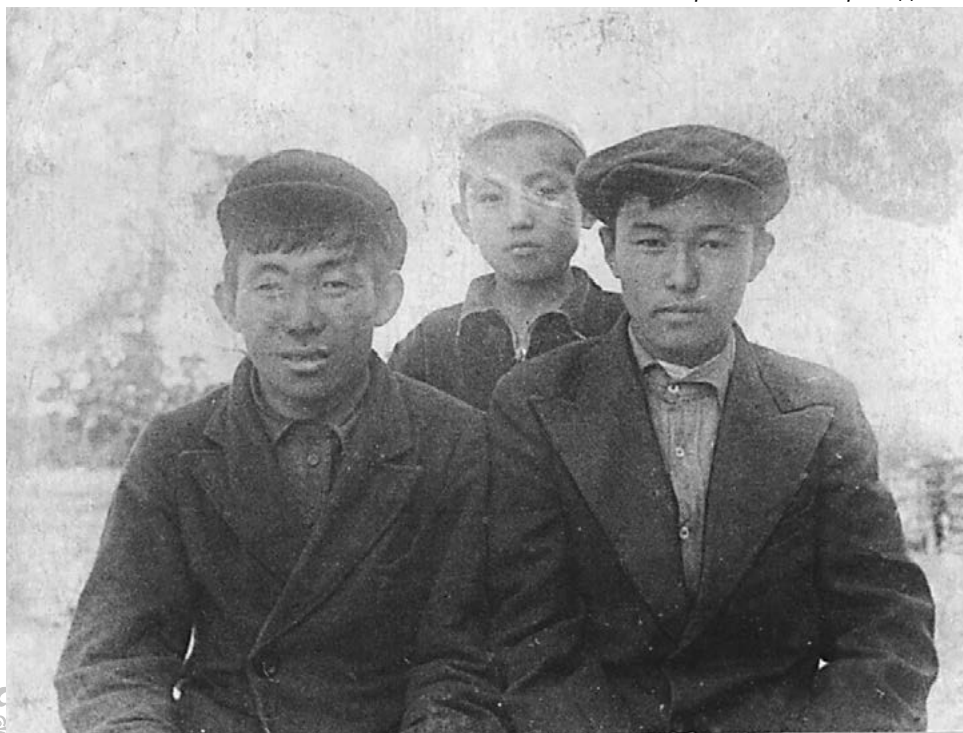
Из семейного архива

Пунсог Аюшина (Пунсок Аюшеева) –
приемная мама Дамбы

1942 г. в колхозе «Оборона СССР», справа Дамба

1944, после окончания Забайкальского
военно-пехотного училища

1945-год-Манчжурия.
В составе сводной группы Хинганского Крас-
нознаменного отряда

Благодарность
от И.В.Сталина

1945 -Даурия

1946 г. Молодая семья Дамбы и Валентины Жалсараевых. Брак зарегистрирован 22 декабря 1946 г. в селе Цагаан-Усун Джидинского района

1947 г. Встреча молодых писателей с основоположником бурятской литературы Хоца Намсараевым. Слева направо Барадий Мунгонов, Хоца Намсараев, Дамба Жалсараев, Арсалан Жамбалон

1949 г. молодая-семья с первенцем сыном Анатолием

1950 г. Вечера бурят-монгольской литературы в Москве. Встреча на Трехгорке. В центре Дамба Жалсараев, Цырен-Базар Бадмаев

1952 г. Год демобилизации из армии

1951 г. В звании капитана

Встреча бурят-монгольских артистов и писателей со школьниками Московской области

1954 г. В гостях у украинского писателя Богдана Чалого в Киеве. Нижний ряд: Гунга Чимитов, Богдан Чалый, Дамба Жалсараев. Верхний ряд: Лхасаран Линховоин, мать Богдана, Светлана Миронова, супруга Богдана, Николай Дамдинов, отец Богдана

1956 г. Алексей Бадаев, Даши Лубсанов, Цыденжап Жимбиев, Дамба Жалсараев.

Писатели Бурят-Монголии и Калмыкии в Кремле на правительственном приеме в честь открытия I съезда писателей РСФСР 14 декабря 1958 г. Третий слева Семен Дунаев, следом Дольен Мадасон, Давид Кугультинов, Цыденжап Жимбиев, Намжил Балдано, ____, Чимит Цыдендамбаев, Хоца Намсараев, ____, Дамба Жалсараев, ____, Бато Базарон, Владимир Мазаев

В Георгиевском зале Кремля. Слева направо: Дамба Жалсараев, Хоца Намсараев, Намжил Балдано

Из журнала тех времен: I съезд писателей РСФСР в декабре 1958 г. Встреча бурятских писателей с Михаилом Шолоховым

Первые автографы

1958 г. Учеба на Высших литературных курсах в Москве

1961 г. - в поездке с Кайсыном Кулиевым по Бурятии

1962 г.-приезд композиторов России в Бурятию. В центре Александр Флярковский

1962 г.-приезд композиторов России в Бурятию. Дамба Жалсараев - министр культуры

1962 г. Встреча с учащимися Селенгинской детской музыкальной школы

1965 г. В семье трое детей

Выступление в Колонном зале Дома Союзов
на III съезде писателей РСФСР

Съезд работников культуры Сибири. Слева направо: Кужугет Шойгу,
Дамба Жалсараев, Даши Жалсабон

1969 г. VI Съезд писателей Бурятии

Друзья - писатели. Слева направо: Намжил Балдано, Дамба Жалсараев, Африкан Бальбууров, Цырен-Базар Бадмаев, Владимир Мазаев, _____, Кайсын Кулиев, Цырен-Анчиг Дугарнимаев

Слева направо: в нижнем ряду – Дамба Жалсараев, Цырен-Доржи Дамдинжапов, Дольен Мадасон, Аполлон Шадаев, Чимит-Рыгзен Намжилов, Владимир Корнаков. В верхнем ряду: Мэлс Самбуев, Барадий Мунгонов, Матвей Осодоев

1970 г. В перерыве конференции стран Азии и Африки в Дели. Слева направо: Алим Кешоков, Мирзо Турсун-Заде, писатель из Мали, Дамба Жалсараев, Семен Данилов

1970 г. В перерыве конференции стран Азии и Африки в Дели

1971 г. Делегаты на Красной площади. Слева направо: Барадий Мунгонов, Африкан Бальбуров, Дамба Жалсараев, Норпол Очилов, Николай Дамдинов

Делегация писателей Бурятии на родине Леси Украинки. В центре Цырен-Дулма Дондокова, Дамба Жалсараев

Делегация писателей Бурятии на родине Леси Украинки. Слева направо: Дондок Улзытуев, Исай Калашников, Африкан Бальбуров, Валентина Жалсараева, Цырен-Дулма Дондокова, Дамба Жалсараев

1972 г. Северная Корея. Сергей Смирнов и Дамба Жалсараев в демилитаризованной зоне, на границе с Южной Кореей

1975 г. В Киргизии.

С Даниилом Гранином и его супругой

В Киргизии вместе с Александром Чаковским

В гостях у Дамбы Зодбича. Слева направо: Цырен Галанов, Исай Калашников, Владимир Корнаков, Чимит Цыдендамбаев, Владимир Петонов, Намжил Балдано, Дамба Жалсараев.

Встреча друзей в Москве. Слева направо: Дамба Жалсараев, Кайсын Кулиев, Чингиз Айтматов, Бау Ямпилов, Арья Дашиев

В Монголии

1975 г. В перерыве съезда писателей РСФСР. Сергей Михалков, Дамба Жалсараев, Расул Гамзатов

Во втором ряду: Александр Бадиев, Исай Калашников, Дамба Жалсараев, Владимир Санги, Сергей Цырендоржиев, Африкан Бальбуров

IV СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
Москва, 15-18 декабря 1975 года. Фото А. Петрушечкина.

Адам Шогенцуков, Дамба Жалсараев, Кайсын Кулиев

На съезде композиторов России: Дамба Жалсараев, Жигжит Батуев, Дандар Аюшеев

Выступление во время поездки в Польшу

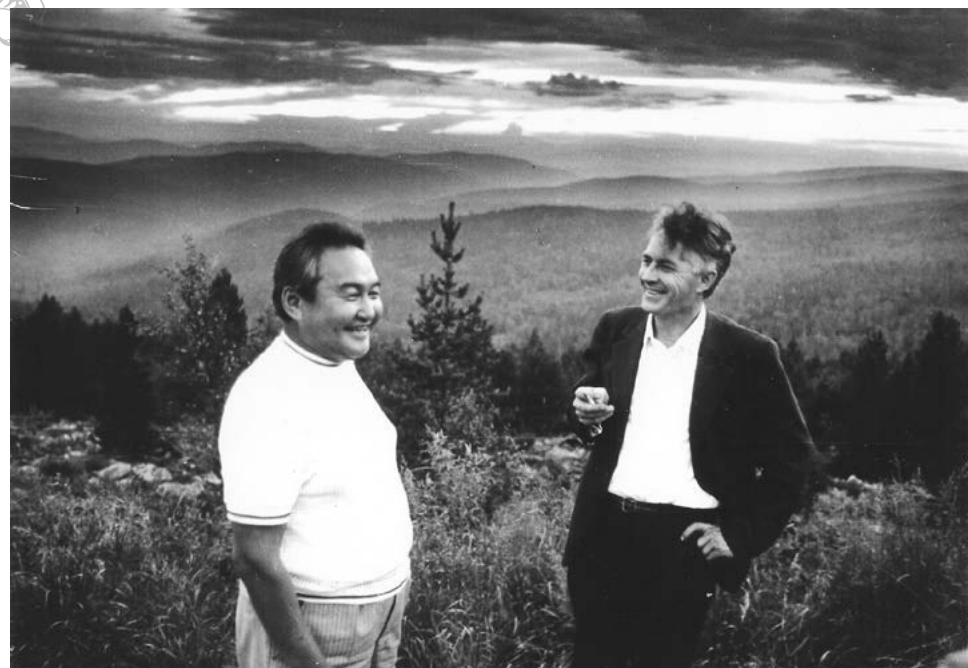

В Союзе писателей Бурятии, слева направо: Семен Метелица, Дольен Мадасон, Владимир Корнаков, Исай Калашников, Балдан Санжин, Ольга Серова

Бау Ямпилов, Дамба Жалсараев, Намжил Балдано

Дамба Жалсараев и Исай Калашников

Дамба Жалсараев и Исай Калашников с немецкой журналисткой Гизелой Реллер

Африкан Бальбуров, Дамба Жалсараев, Александр Бадиев, чешский писатель Ян Козак, Исай Калашников

На открытии фестиваля в этнографическом музее народов Забайкалья

1979 г. Гастроли театра оперы и балета в Москве. В этот год он стал «академическим».

Дамба Жалсараев и Людмила Щипахина

Вручение дипломов об окончании культпросвет училища.
Второй слева – Дамба Жалсараев, следом Анатолий Герштейн, Александр Генеев

*Выездной секретариат Союза писателей РСФСР в Бурятии.
Этнографический музей народов Забайкалья*

Гастроли артистов из Бурятии в Японии

Встреча с молодыми работниками культуры и искусства

*Гастроли артистов из Бурятии в Японии. Чимита Шанюшкина,
Вячеслав Бальжинимеев, Дамба Жалсараев, Ким Базарсадаев*

*На открытии республиканского фестиваля фольклора
в этнографическом музее народов Забайкалья*

Дамба Жалсараев, Цырен Балбаров

1 мая 1985 г. Даша-Нима Дугаров, Даша-Нима Раднаев, Даши Лубсанов, Дамба Жалсараев, Николай Дамдинов, Бау Ямпилов, Доржо Цыремпилов

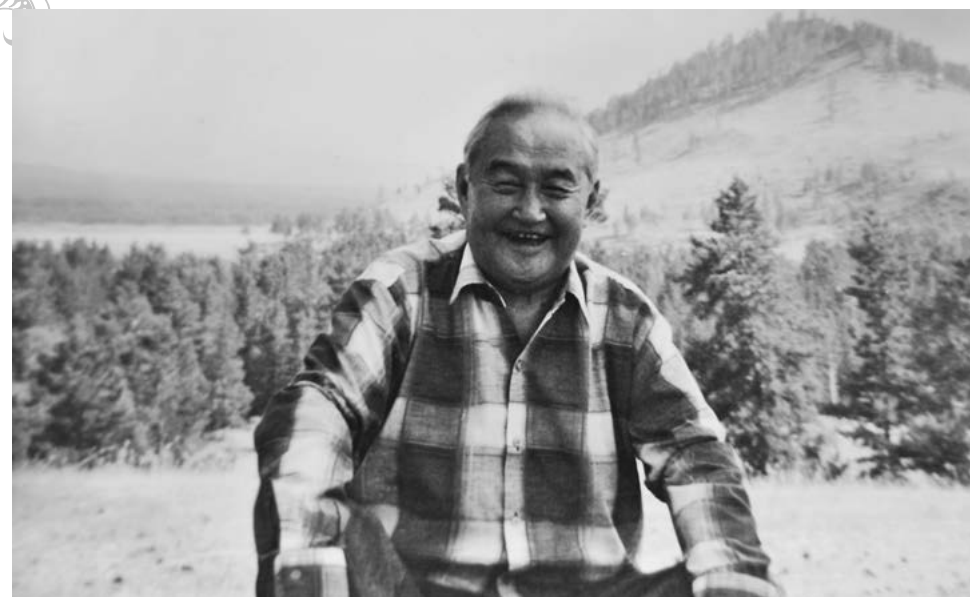
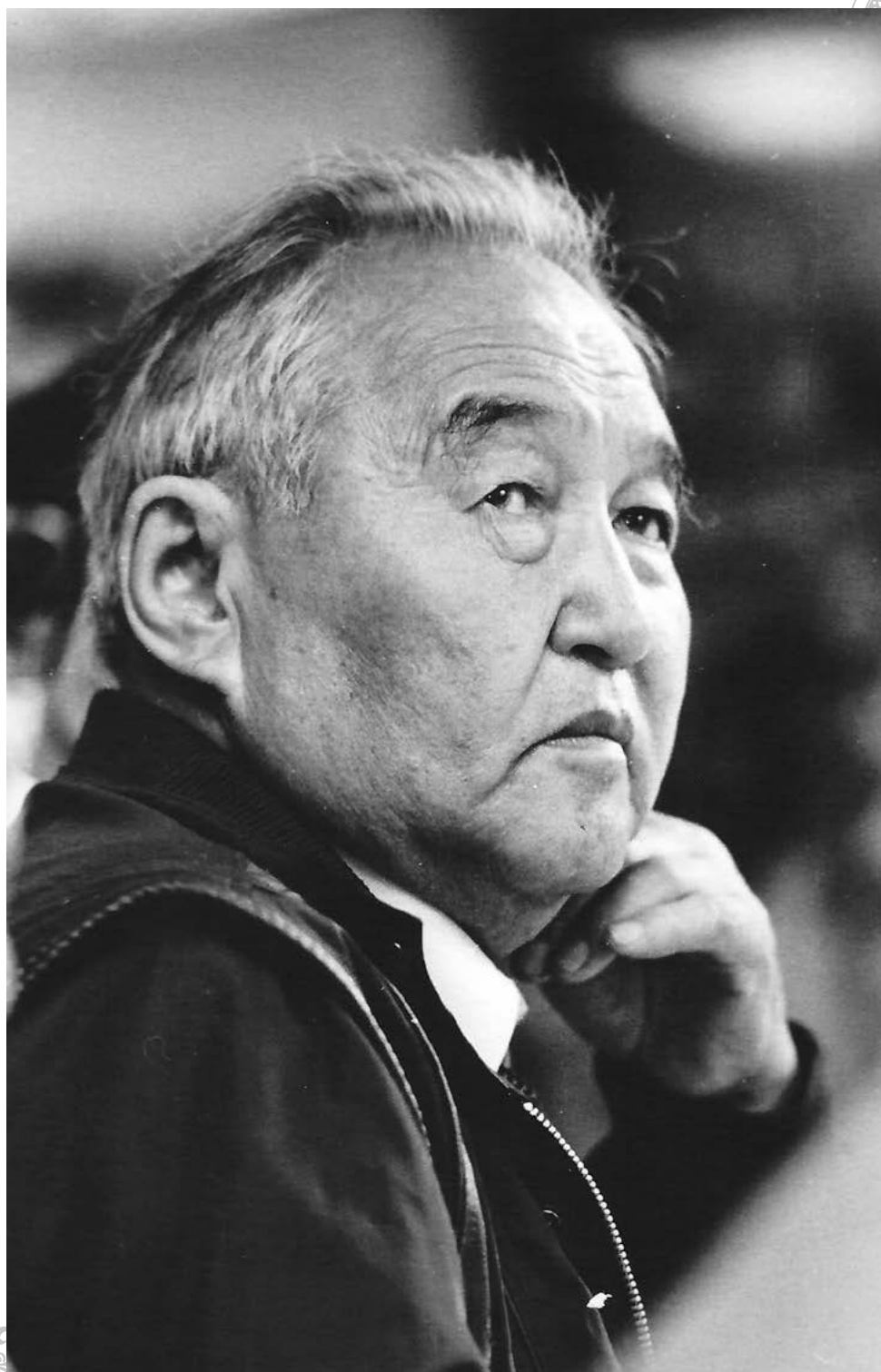
Дамба Жалсараев, Даша-Нима Дугаров

В дни проведения 1000-летия Гэсэриады

Встреча ветеранов-фронтовиков. Верхний ряд: Бато Батуев, Александр Минеев, Дамба Жалсараев. Нижний ряд: второй слева – Георгий Москалев, Борис Поздеев

На родине у горы Тэнгэри Болдог в Додоголе

В Северобайкальске : Дамба Жалсараев, Андрей Румянцев, Чимит-Рэгзэн Намжилов, Михаил Жигжитов, Цырен Галанов, Константин Маланов

На встрече с молодыми пограничниками

Марк Мохосоев, Дамба Жалсараев

Китай. Дамба Жалсараев, Сергей Цырен-
доржиев, Цырен-Дулма Дондокова

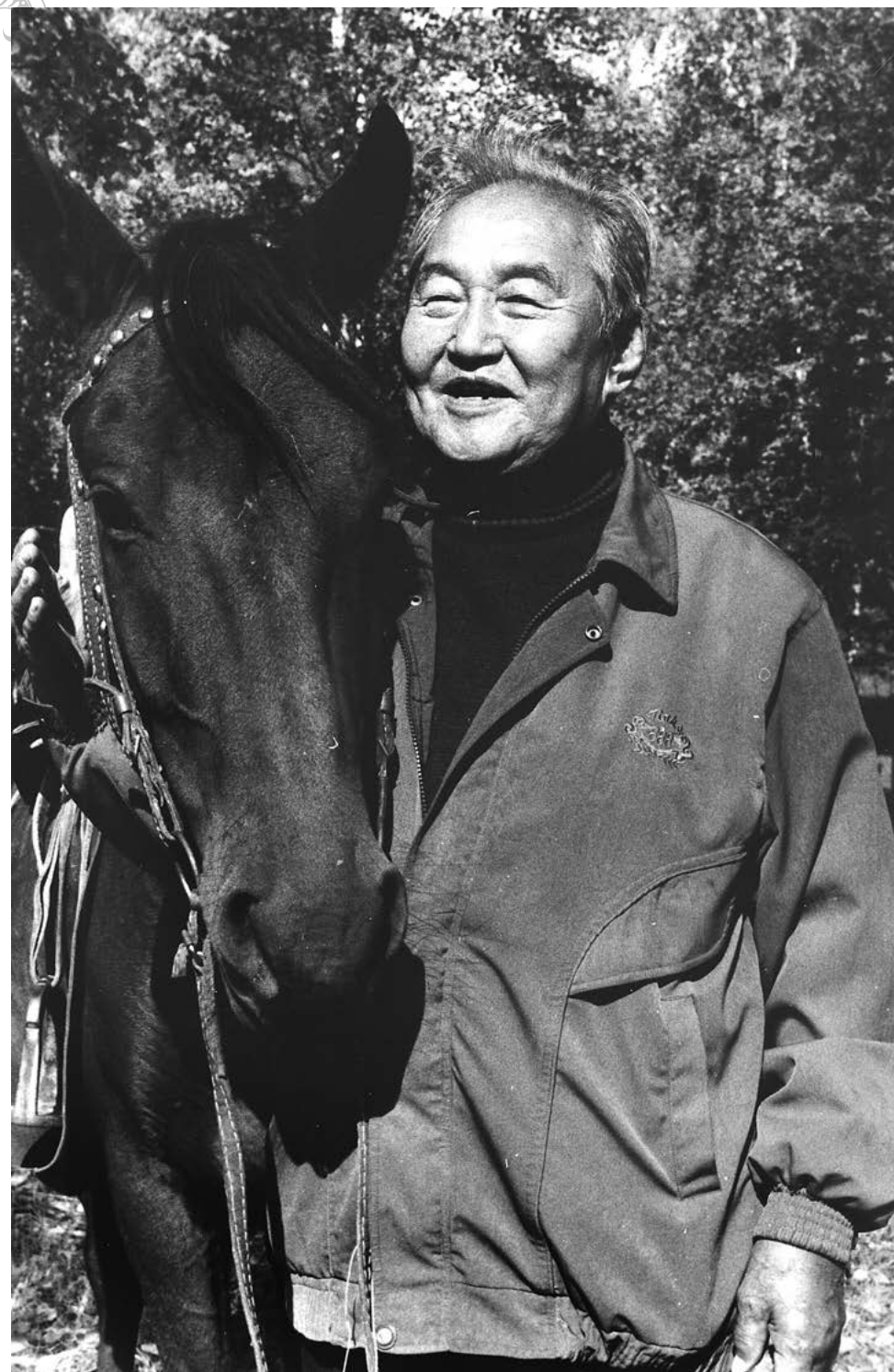

Вместе 56 лет

Стихи читает автор

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТРЕМЕНА СТРОФ. ПЯТЬ ПЕРЕВАЛОВ ДАМБЫ ЖАЛСАРАЕВА5

ЗЕМНЫЕ СТРОФЫ. Стихи Дамбы Жалсараева

«Таёжная, озерная, степная...» Перевод О.Дмитриева.....	64
«О путь неустойчивый...» Перевод О.Дмитриева.....	66
Муза моей земли. Перевод В.Виноградова.....	68
Подснежники. Перевод О.Дмитриева.....	69
Ёхор. Перевод О.Дмитриева.....	71
Стихи, написанные в сорок лет. Перевод О.Дмитриева.....	73
«Дорогу торя упрямо...» Перевод В.Кудимова.....	77
Поздние огни Перевод В.Кудимова.....	78
Друзьям. Перевод В.Кудимова.....	79

БАЙКАЛЬСКИЕ СТРОФЫ

«Гостеприимен мой народ отважный...» Перевод С.Липкина.....	82
«Та земля, где небо подпирают...» Перевод О.Дмитриева.....	82
«Ты даришь, Байкал величавый...» Перевод С.Липкина.....	83
«Сколько лет Байкалу?...» Перевод С.Липкина.....	84
«Триста сибирских рек...» Перевод А.Наймана.....	84
«У Байкала спросило...» Перевод А.Наймана.....	84
«Если вдруг на тяжелой устану дороге...» Перевод С.Липкина.....	85
«Седой Байкал, как должное приемлет...» Перевод А.Наймана.....	85
«Славное море, священный Байкал...» Перевод С.Липкина.....	86
«Саянский кряж, высокий и седой...» Перевод С.Липкина.....	86
«По степи струится маленький родник...» Перевод С.Липкина.....	87
«Сколько суток в году, столько в синий Байкал...» Перевод Н.Гребнева.....	87
Песнь Байкала. Перевод А.Наймана.....	87
«По вашему, не движется вода...» Перевод С.Липкина.....	88
«Ураганы – ветры четырех сторон...» Перевод С.Липкина.....	89
«Такая, видно, мода...» Перевод А.Наймана.....	89
«Славное море... Да, славное!...» Перевод А.Наймана.....	89

БЛАГОДАРНЫЕ СТРОФЫ

Стихи, прочитанные на открытии обелиска павшим воинам-землякам. Перевод А.Наймана.....	91
Песнь обелиска. Перевод А.Найман.....	94

ПЕСЕННЫЕ СТРОФЫ

«Стихи, написанные после того, как автор увидел...» Перевод О.Дмитриева.....	96
Песнь сибирского кедра. Перевод А.Наймана.....	99
Песнь спутника. Перевод А.Наймана.....	100

Песнь колеса. Перевод А.Наймана.....	101
Песнь нового дома. Перевод А.Наймана.....	102
Песнь домашнего очага. Перевод А.Наймана.....	103
Песнь молочной струи. Перевод А.Наймана.....	103
Песнь родильного дома. Перевод А.Наймана.....	104
Песнь дороги. Перевод А.Наймана.....	105
Песнь аргамака. Перевод А.Наймана.....	106
Песнь стремян. Перевод А.Наймана.....	106
Песнь стрелы. Перевод А.Наймана.....	108
Песнь степного жаворонка. Перевод А.Наймана.....	109
Песнь камнепада. Перевод А.Наймана.....	109
Песнь дождя. Перевод А.Наймана.....	110
Песнь обмелевшей реки. Перевод А.Наймана.....	111
Песнь росинки. Перевод А.Наймана.....	112
Песнь изюбра. Перевод А.Наймана.....	113
Песнь ветра Баргузин. Перевод А.Наймана.....	114
Песнь Ангара. Перевод А.Наймана.....	115
Песнь узора. Перевод А.Наймана.....	115
Песнь чая. Перевод А.Наймана.....	116
Песнь рассвета. Перевод А.Наймана.....	117
Песнь трав на безымянном кургане. Перевод А.Наймана.....	118
Песнь аршана. Перевод А.Наймана.....	119
Песнь о верблюжонке. Перевод А.Наймана.....	121
Любовь в степи. Перевод А.Наймана.....	122

МУДРЫЕ СТРОФЫ

«Пускаясь в путь, беря с собою кладь...» Перевод Н.Гребнева.....	124
«Ты лучше сам весь день сиди не евши...» Перевод Н.Гребнева.....	124
«Одолеет нас с тобой недуг...» Перевод Н.Гребнева.....	124
«Наверно, так: на белом свете...» Перевод Н.Гребнева.....	124
«Сколько пролилось их в горький час...» Перевод Н.Гребнева.....	124
«Я вас люблю! – как сказано давно!...» Перевод Н.Гребнева.....	124
«За что вы любите друг друга?...» Перевод А.Наймана.....	125
«Эй, дед, сменяем мой мешок на твой?...» Перевод Н.Гребнева.....	125
«Хвала тебе, коль дом тобой построен...» Перевод О.Дмитриева.....	125
«Если у тебя хороший конь...» Перевод Н.Гребнева.....	125
«Тот всегда на скачках побеждает...» Перевод Н.Гребнева.....	125
«Ты натянул тетиву, так стрелу...» Перевод Н.Гребнева.....	125
«Хотите доскакать – так скакунов...» Перевод Н.Гребнева.....	125
«Не торопись о любви объявлять...» Перевод А.Наймана.....	126
«Клянусь пред целым светом...» Перевод А.Наймана.....	126
«Девичьи косы...» Перевод О.Дмитриева.....	126
«С тех, кому больше было дано...» Перевод А.Наймана.....	126

«С первого взгляда полюбил...» Перевод Н.Гребнева.....	126
«О жены, вы ревнуете ль мужей?...» Перевод Н.Гребнева.....	126
«Чем тебе нравится муж твой, жена?...» Перевод А.Наймана.....	127
«В первый раз на мир ты взглянул – ура!...» Перевод А.Наймана.....	127
«Если хочешь коня узнать...» Перевод А.Наймана.....	127
«Очень хорошо, когда горит...» Перевод Н.Гребнева.....	127
«Победа в скачке – краткий миг порыва...» Перевод О.Дмитриева.....	127
«Сила хороших коней в умении...» Перевод Н.Гребнева.....	128
«Чем с лютой завистью взирать...» Перевод Н.Гребнева.....	128
«Коль хочешь ты мужчиною считаться...» Перевод Н.Гребнева.....	128
«Четыре стороны света нас...» Перевод Н.Гребнева.....	128
«Конь убежал, сорвав уздечку вдруг...» Перевод Н.Гребнева.....	128
«Пусть девушки красавицами будут...» Перевод Н.Гребнева.....	128
«Друг отца...» Перевод Н.Гребнева.....	129
«Дорога всяких всадников встречала...» Перевод Н.Гребнева.....	129
«С седым беседуй, у него учись...» Перевод Н.Гребнева.....	129
«Чтобы узнать на вопрос свой точнее ответ...» Перевод Н.Гребнева.....	129
«Влюбленный, с чем сравнить любовь?...» Перевод Н.Гребнева.....	129
«Влюбленный, сотни слов медово...» Перевод Н.Гребнева.....	129
«Вечна любовь, огонь ее, дурман...» Перевод Н.Гребнева.....	130
«Вздумал в путь пуститься, вспомнил...» Перевод Н.Гребнева.....	130
«На середину реки попав...» Перевод Н.Гребнева.....	130
«О женщины, чтоб вы любили нас...» Перевод Н.Гребнева.....	130
«Муж, ты доволен ли своей женой?...» Перевод Н.Гребнева.....	130
«Цветы и красивые увядают...» Перевод Н.Гребнева.....	130
«Коль дом гостеприимством славится давно...» Перевод Н.Гребнева.....	130
«Коль тучен скот и резво конь бежит...» Перевод Н.Гребнева.....	131
«Коль есть, что пить коню и есть...» Перевод Н.Гребнева.....	131
«Есть друг у тебя...» Перевод Н.Гребнева.....	131
«Хотя давно детей с тобою нет...» Перевод Н.Гребнева.....	131
«Где бы ты ни был на свете...» Перевод Н.Гребнева.....	131
«На коня надень хомут хороший...» Перевод Н.Гребнева.....	131
«Горячий конь, чья иноходь легка...» Перевод Н.Гребнева.....	132
«Чтоб не застоялся конь лихой...» Перевод Н.Гребнева.....	132
«Конь чересчур ретивый и лихой...» Перевод Н.Гребнева.....	132
«Дороги нет – доверься иноходцу...» Перевод Н.Гребнева.....	132
«Если хочешь, чтоб ты на чужбине...» Перевод Н.Гребнева.....	132
«Иноходец твой хорош иль нет...» Перевод Н.Гребнева.....	132
«Для хороших коней...» Перевод Н.Гребнева.....	133
«Ты отчего-то приуныл, сосед...» Перевод Н.Гребнева.....	133
«Иные, видя нас, кивают нам...» Перевод Н.Гребнева.....	133
«За то, что ты всю жизнь меня...» Перевод В.Кудимова.....	133
«Бывает, мы друг друга невзначай...» Перевод А. Наймана.....	133

Сердце Перевод О.Дмитриева.....	134
«Что загрустила эта голубица...» Перевод Н.Гребнева.....	135
«Мозолей на ногах не натерев...» Перевод Н.Гребнева.....	135
«Чем в гору дальний путь наш непреложней...» Перевод Н.Гребнева.....	135
«День начинается с восходом солнца...» Перевод Н.Гребнева.....	135
«Когда мальчишками в первый раз...» Перевод Н.Гребнева.....	135
«Коль плохо пригнан хомут...» Перевод А. Наймана.....	136
«Чтоб арканом изловить коня...» Перевод Н.Гребнева.....	136
«Кони, хоть о четырех ногах...» Перевод Н.Гребнева.....	136
«Конь, что с места в карьер берет...» Перевод А. Наймана.....	136
«Человеческая речь ценна...» Перевод Н.Гребнева.....	136
«Сказал же кто-то – странный мы народ...» Перевод О.Дмитриева.....	136
«Полёт стрелы твоей...» Перевод Н.Гребнева.....	136
«Танцую восточную сказку...» Перевод А. Наймана.....	137
«Затеваем мы жаркие споры...» Перевод А. Наймана.....	137
«Умный – умного...» Перевод А. Наймана.....	137
«Коснись легко струны тугой...» Перевод О.Дмитриева.....	137
«Добро сказало...» Перевод А. Наймана.....	137
«Чем наполнен выюк твой, эй, ездок?...» Перевод Н.Гребнева.....	138
«Говорят, веселье и тоска...» Перевод Н.Гребнева.....	138
«В степном улусе, в дальней стороне...» Перевод О.Дмитриева.....	138
«Он посадил, не говоря ни слова...» Перевод О.Дмитриева.....	138
«Листья шелестят друг другу что-то...» Перевод Н.Гребнева.....	139
«У молодых мечтанья...» Перевод Н.Гребнева.....	139
«Печалишься, что плохо ты одета...» Перевод Н.Гребнева.....	139
«Солнце, хоть всю землю согревает...» Перевод Н.Гребнева.....	139
«Всем обязана солнцу планета...» Перевод О.Дмитриева.....	139
«Ширь родной земли...» Перевод А. Наймана.....	139
«Имя сменить стыдно, но можно...» Перевод Н.Гребнева.....	140
«Ладья и ракета... Веков череда...» Перевод А. Наймана.....	140
«Долина Уды, долина Курбы...»	140
«Чего пожелать вам, люди?...» Перевод Н.Гребнева.....	141
Гимн Республики Бурятия.....	141

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА.....	143
--------------------------	-----

Башкуев Геннадий Тарасович
СТРЕМЕНА СТРОФ. ПЯТЬ ПЕРЕВАЛОВ ДАМБЫ ЖАЛСАРАЕВА

Жалсараев Дамба Зодбич
СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры
Республики Бурятия в рамках Государственной программы
Республики Бурятия «Культура Бурятии».

Сдано на верстку 15.09.15. Подписано в печать 20.11.15.
Формат 70х100^{1/16}. Усл. печ. л. 18.9. Усл. кр.-отт. 27,45.
Бумага мелованная матовая. Печать офсетная.
Переплет твердый ламинат матовый. Выборочное УФ-
лакирование. Гарнитура Minion Pro. Цветность 1/1.
Тираж 500 экз. Заказ № 725.

Макет, дизайн: ООО Издательство «Время странствий»
664011, г. Иркутск, ул. Свердлова, 40, оф. 209, тел. +79027632169
email: wtime@irk.ru

Типография «Принт Лайн», 664016, г. Иркутск, ул Баррикад, 55.
тел. +7(3952)29-29-05 www.printline.ru

